

## АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

РАСКРЫВАЯ НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ:  
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ  
ИССЛЕДОВАНИЯ  
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-  
ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Материалы межвузовской научной  
конференции студентов, аспирантов  
и молодых ученых  
(г. Пермь, 24–25 апреля 2020 г.)



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное  
образовательное учреждение высшего образования  
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ  
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ**  
**РАСКРЫВАЯ НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ:**  
**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**  
**В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ**

Материалы  
межвузовской научной конференции студентов,  
аспирантов и молодых ученых  
(г. Пермь, 24–25 апреля 2020 г.)



Пермь 2021

УДК 94(082)  
ББК 63.3(0)  
А77

**Апрельские тезисы.** Раскрывая новые горизонты:  
А77 междисциплинарные исследования в современном социально-гуманитарном знании [Электронный ресурс] : материалы межвузовской научной конференции студентов, аспирантов, молодых ученых (г. Пермь, 24–25 апреля 2020 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2021. – 3,34 Мб ; 210 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Aprelskie-tezisy-2020.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-3661-7

Настоящее издание является сборником материалов межвузовской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Апрельские тезисы», состоявшейся 24–25 апреля 2020 года в Пермском государственном национальном исследовательском университете. В конференции приняли участие молодые исследователи Перми, Москвы, Санкт-Петербурга и Калининграда.

**УДК 94(082)**  
**ББК 63.3(0)**

*Издается по решению ученого совета историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета*

ISBN 978-5-7944-3661-7

© ПГНИУ, 2021

## СОДЕРЖАНИЕ

### *Секция древних и новых культур*

<i>Закураева Е.Д.</i> Культурологический анализ процессов средневековой урбанизации и появления нового культурного типа человека в Западной Европе.....	5
<i>Калашник Е.М.</i> Образ интеллектуала в европейском социально-политическом дискурсе конца XIX – начала XX вв.....	15
<i>Мешалкина Е.С.</i> «Старинный театр» Н. Евреинова: археологическая реконструкция спектаклей или «театр в театре» .....	24
<i>Курочкин Д.М.</i> Биография проф. Г.О. Гордона: историографический анализ.....	32
<i>Федоровский П.П.</i> Трансформации общественного дискурса об ЛГБТ-сообществе в Кыргызстане и Украине в контексте «цветных» революций 2010–2014 годов.....	43
<i>Неплюев П.А.</i> Феномен публичной истории как области исторических исследований.....	59

### *Секция отечественной истории*

<i>Сметанин Д.С.</i> Стратегия использования патрон-клиентских отношений М.С. Воронцовым до 1812 г. как фактор влияния семейной клиентелы Воронцовых.....	71
<i>Винник А.А.</i> Глазами офицера и генерала: весеннее наступление адмирала Колчака 1919 года в мемуарах П. П. Чащина и Р. Гайды.....	77
<i>Газизулин Т.А.</i> Кадеты в Особом Совещании при главнокомандующем ВСЮР: проекты и реформы в 1919 году.....	85
<i>Марасанова О.В.</i> «Вот радио есть, а счастья – нет»: культурная история электрификации в отечественной историографии.....	93
<i>Брагин Л.В.</i> Советский педагог в оптике ведомственных и партийных отчетов.....	100

### *Секция всеобщей истории*

<i>Калегина Е.А.</i> Женщины на троне во второй половине XVI в.: Елизавета Тюдор и Мария Стюарт сквозь призму кинообразов.....	111
<i>Турбин Н.Д.</i> Идея «Великой Финляндии» сквозь призму письменных источников в период 1917 – 1944 гг. ....	118

### ***Секция политологии и современных политических исследований***

<i>Тюленёва А.М.</i> Комплексность и вариативность языковой политики в этнических и смешанных федерациях.....	130
<i>Попова В.С.</i> Доктрины НАТО и ЕС: аналитический обзор.....	146
<i>Бурмистрова Е.С.</i> Меняющийся образ женщины в риторике современных французских правых радикалов.....	153
<i>Козлова Е.А.</i> Роль Центральной Азии в современной политике Китая.....	160
<i>Чернова А.В.</i> Активизм коренных малочисленных народов.....	169
<i>Логвинов Р.Н.</i> Мир-системный анализ: варианты понимания, интерпретации, проблемы и перспективы (кейс Африки) .....	177
<i>Субботина Н.А.</i> 60 лет «Метафраксу» и городу Губахе. Неотделимые?...	189

### ***Секция теории и практики Digital Humanities***

<i>Шинкова А.И.</i> Феномен социальной сети как цифрового кладбища, мемориала и клуба по интересу к смерти.....	194
---	-----

## СЕКЦИЯ ДРЕВНИХ И НОВЫХ КУЛЬТУР

УДК 130.2

### КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ УРБАНИЗАЦИИ И ПОЯВЛЕНИЯ НОВОГО КУЛЬТУРНОГО ТИПА ЧЕЛОВЕКА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

*Закураева Елизавета Дмитриевна*

Санкт-Петербургский государственный университет,  
199034, Россия, г. Санкт-Петербург,  
Университетская наб., д. 7–9,  
elizabeth.zakuraeva@gmail.com

*Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-011-00552 «Проблема идентичности в зонах культурного отчуждения городской среды»*

#### **Аннотация**

*Исследовательская работа посвящена рассмотрению особенностей процесса урбанизации в средневековой Европе, формирования пространственных и социальных структур городов Европы в период Средневековья. Несмотря на то, что дискурс урбогенеза и складывания городов как конституирующих элементов европейской культуры многие годы занимает исследователей, но немногие из них рассматривали именно средневековые города Европы в качестве основополагающего начала современной европейской культурной традиции. В данной работе интерес исследователя сосредоточен на рассмотрении развития и складывания городского пространства и эволюции этого процесса на протяжении Средних веков, на взаимозависимости урбанизации и особенностей нового культурного типа человека – *homo urbanus*, горожанина, и на влиянии всех этих факторов на городской культурогенез, *хронотоп* и *габитус*. В качестве источников используются труды философов, историков и культурологов М. Вебера, А.А. Сванидзе, Г. Зиммеля, К. Линча, А. Лефевра, Й. Хейзинги, Ж. Ле Гоффа и других.*

*Автор приходит к выводу, что именно Средневековье заново возродило и сформировало города. Развитие средневековых городов и сословия горожан формировали основы западноевропейского менталитета, новый культурный тип человека и возникающего гражданского общества, общественной мысли.*

## **Ключевые слова**

*Город; городская среда; средневековье; урбанизация; повседневность; культурный тип; горожанин.*

К теме развития городского пространства и урбанизационных процессов в Западной Европе обращались многие исследователи, но немногие из них рассматривали период Средневековья как важнейший период формирования не только городской повседневности, но и нового культурного типа человека – горожанина, его особой ментальности и идентичности. Город в контексте данного исследования является специфической символической и феноменологической структурой в культуре, отражающей баланс и столкновение различных сил – экономические, политические, художественные и другие, поэтому рассматривая город с помощью культурологического анализа, который прежде всего подразумевает междисциплинарный подход, мы можем говорить об изучении всех компонентов городской культуры и позиции горожанина в ней.

Почему период Средневековья является существенным в контексте обращения к городской культуре? Города – опора развития европейской цивилизации, а большая часть современных западноевропейских городов складывалась и очень активно развивалась именно в средневековый период. Несмотря на то, что город традиционно рассматривается как место практик, формирующих структуру социальных ролей и нивелирования личностной индивидуальности, где человек становится маленькой шестеренкой в огромной организации разных механизмов и влияний, городская среда также способствует выработке общих для ее жителей черт материальной и духовной культуры, ценностных установок, которые создают новую городскую социокультурную систему, которая непосредственно формирует новую идентичность и ментальность человека, имеющие значительные отличия от склада человека внегородской среды. То есть можно говорить о городском культурогенезе – появлении городской культуры как нового пространства развития человеческого общества с своей особой повседневностью, отношениями между людьми и другими общественными институтами, вовлеченностью в городские и политические процессы. Также важно отметить, что рассмотрение европейской городской культуры как единого пространства с унифицированным культурным типом человека возможно не в силу сложившихся в культурной традиции стереотипов о Западной Европе как о едином культурном, экономическом и политическом поле, а в силу того, что, во-первых, в период Средневековья не могла родиться единая экономическая зона в силу многих обстоятельств, во-вторых, не были так сильны позиции

национальных государств, а главными субъектами отношений на европейской арене выступали отдельные города и их союзы, на чем и сосредоточен фокус внимания данного исследования. Например, Ф. Бродель, историк и исследователь развития материальной культуры, замечает, что Европа – это «мир с размытыми границами, густонаселенный и разнообразный ... представляет собой нечто единое благодаря живущим в нем людям, благодаря сплаву различных исторических пластов» [Бродель, 2002, с. 323]. Конечно, территория Западной Европы помимо экономических и торговых связей была объединена одним полем развития истории.

Итак, процесс урбанизации в Средневековье шел семимильными шагами, складывались города, уже близкие по многим параметрам современным, от рассматриваемых средневековых городов линия развития до наших дней уже непрерывна, как было в античности, когда многие античные города были разрушены до основания и сведения о них оказались утрачены. Но сами границы исторического периода средневековья определяются в разных источниках и различными авторами по-разному. Некоторые исследователи следуют за той установкой, по которой Средние века берут свое начало примерно с IV-V века н.э. (перенос столицы империи из Рима на Восток, развитием городов, Константинополь был основан в 330 г. римским императором Константином, и феодализма в некоторых частях Европы и Византии), а другие придерживаются мнения, что большинство европейских государств полноценно подчинились всеобщим средневековым тенденциям только в VIII веке. Касательно конца Средних веков среди историков утверждена устойчивая дата – 1500 год. Йохан Хейзинга, придерживаясь этой хронологии, называл позднее Средневековье XIV–XV веков – «Осенью Средневековья» [Хейзинга, 1995]. Если придерживаться той же метафоры, получается, что Раннее Средневековье – это весна (V–X вв.), а Высокое – это лето (XI–XIV вв.).

Крупный историк и медиевист А.А. Сванидзе выделяет [Город в средневековой..., Т.1, с. 20–24] три этапа складывания средневековых городов. Первый приходится на IV-V вв., когда процесс урбанизации «прошел путь от эмбриона до раннего города с набором новых функций и признаков» [Город в средневековой..., Т.1, с. 21]. Завоевание варварами, несомненно, нанесло большой удар по развитию античной городской системы, многие города были аграризированы и запустели, население уменьшилось, торговля сократилась – эти черты свойственны многим античным городам Италии, Франции, Западной Германии. Внутри сохранившихся античных городов планировочная структура изменялась в сторону усложнения, измельчения и стесненности существующих общественных пространств. Там, где не было античного наследия, были



отдельные зоны урбанизации – поселения, крепости с политическими и военными функциями. Торговые города – эмпории – находились на пересечении торговых путей. То есть в раннем Средневековье проходил медленный процесс складывания городов как центров средневековой общественной системы, церковных структур и властных элит. Относительно ориентации людских потоков и освоения территорий историк Ж. Ле Гофф отмечает, что «...в формирующейся Европе, которая не была более сосредоточена на Средиземноморье и где сообщение преимущественно ориентировалось «перпендикулярно растительным зонам», встала проблема отношений между Севером и Югом, между Фландрией и Италией, ганзейскими городами и средиземноморскими, а вместе с тем возросло значение осей север – юг, путей сообщения через Альпы, по Рейну и Роне» [Ле Гофф, 2005, с. 63].

Второй этап урбанизации (IX-XI вв.) связан с развитием феодальных монархий, разделением общества на землевладельцев и зависимых крестьян, ремесленной и торговой специализацией, совершенствованием сельского хозяйства. Совокупность этих факторов породила переселение крестьян и ремесленников в города и небольшие населенные пункты, располагавшиеся около крепостей и феодальных замков, где были хорошие условия для торговли, ремесла и безопасного проживания. Расцвет городов стал возможен, во-первых, потому что сельскохозяйственное производство достигло такого уровня, что могло обеспечить продуктами питания большую часть населения города; во-вторых, потому что произошло четкое разделение труда между деревней и городом. Это разделение подчеркивал и философ Г. Зиммель, рассуждая о том, что глубокий контраст между горожанами и деревенскими жителями и их образом жизни является фундаментальным для душевной жизни человека, концентрация большого количества людей в одном месте не давала возможность установить личные отношения, как в небольших деревнях, насыщенность и скорость жизни в городе формировали нового человека [Зиммель, 2018]. О предпосылках формирования средневековых городов подробно пишет философ Анри Лефевр: «Подъем средневековых городов следует рассматривать во всех его предпосылках и последствиях. Он предполагает наличие излишков в деревнях, позволяющих кормить городское население; кроме того, город организуется как рынок, а ремесленники обрабатывают материалы сельскохозяйственного происхождения (шерсть, кожу), что влечет за собой возникновение корпоративных объединений общинного типа внутри городской коммуны. Члены подобных корпораций не имеют ничего общего с «пролетариями», и все же объединения выводят на историческую сцену коллективного рабочего, способного к «социальному» производству – производству для общества, то есть для города» [Лефевр, 2015, с. 251].

Города же, развивавшиеся на античной основе, сохранявшие верность удачному расположению, найденному предшественниками, развивали многослойность средневековой культуры. Об античном наследии городов писал и Ж. Ле Гофф: «Анри Пиренн великолепно показал, что средневековый город зародился и получил развитие благодаря именно своей экономической функции. Город был создан возобновленной торговлей и стал детищем купцов. Континуитет городов первого тысячелетия в Средние века был мнимым, и его часто разоблачает то, что средневековый город возникал не на месте, а близ старого ядра поселения. Это был город предместий, на Западе – portus, у славян – rodgrozie. А в тех случаях, когда континуитет все же имел место и средневековые города были преемниками античных, то все же большие города средневековья возникали на месте маленьких античных или раннесредневековых городков. Венеция, Флоренция, Генуя, Пиза, даже Милан, незначительный до IV в. и затмевавшийся Павией с VII до XI в., а также Париж, Брюгге, Гент, Лондон, не говоря уже о Гамбурге и Любеке, — все они являются творением Средневековья» [Ле Гофф, 2005, с. 90–91].

Городской ландшафт также играл большую роль в формировании нового городского образа жизни. Утверждение христианской религии сформировало особое мировоззрение, изменились представления людей о пространстве и времени. На первый план выдвигаются другие константы окружающего мира: сотворение всего окружающего Богом, давшего развитие во времени, соотношение вечного, неизменного и текущего, настоящего, первенство духовного над материальным. Например, на место римского храма приходит купольный храм, который стал изменять силуэт раннефеодального города, по сравнению с античным, в целом – собор доминировал над всей остальной застройкой, он был выполнен, как правило, из более долговечных материалов, чем рядовая застройка. Стоит отметить слова Анри Лефевра о средневековом ландшафте города и его связи с античным: «Средневековый городской ландшафт прямо противоположен предшествующему пространству, пространству «мира». В нем множество ломаных линий, вертикалей. Он словно отрывается от земли, оцетинившись иглами скульптур. В противовес пагубной утопии подземного «мира» он провозглашает утопию благую, светлую, ясную; знание обретет независимость; оно будет не служить угнетающей власти, но способствовать становлению власти разумной. О чем говорят огромные соборы? По сравнению с прежними религиозными постройками они утверждают инверсию пространства. Они стягивают рассредоточенный смысл пространства к средневековому городу. Они в буквальном (и самом точном) смысле расшифровывают: избавляются от крипт и криптического пространства. Новое пространство «декодирует» старое, но не довольствуется

этим; оно его преодолевает, освобождается от него, возносится к свету» [Лефевр, 2015, с. 252].

Так средневековый город сложился как единый организм с символическими, социальными, пространственными и политическими акцентами. Вследствие описанных процессов появляется новый культурный тип человека – горожанин с особым мировоззрением, менталитетом и идентичностью. Чем образ городского жителя значительно отличается от человека прошлой эпохи или от не-горожанина? Из-за концентрации важных процессов и насыщенности жизни в городе, в которую вынужден вовлекаться каждый его житель, повседневное существование человека усложняется. В городе каждый является членом сразу нескольких социальных групп, следует сразу нескольким культурным стандартам, но по физическим характеристикам это тот же человек, что и до, и после Средневековья, и из-за этого это не просто новые социальные и культурные структуры, внедрившиеся в его жизнь, а они создают диссонансы и проблемы, даже неприятие. Идентичность горожанина крайне фрагментирована и сложно структурирована в отличие от человека внегородской среды. Таким диссонансом в самоидентификации средневекового горожанина является сочетание двух противоположных по своему значению форм городской солидарности – религиозная, устремленная вверх от материальности, к небесным перспективам спасения, и земная, телесная, обусловленная деловыми отношениями, торговлей, выгодой и жадной накоплением со всеми земными грехами и страстями. Город предстает как большой рынок, на котором ремесленники и различные корпорации предлагают свой товар, материальный и духовный. Почему города стали центром экономических отношений подробно описывает Ж. Ле Гофф: «Города, конечно, привлекали *homines novi*, выскочек, порвавших с землей или монастырской общиной, лишенных предрассудков, предприимчивых и корыстолюбивых, но с ними вместе <...> и такая группа населения, как минестериалы, сеньориальные служащие, чаще всего происходящие из рабов или сервов, но более или менее быстро поднимающиеся к верхним слоям феодальной иерархии. Наиболее урбанизированными районами Запада, за исключением тех, где греко-римская, византийская и мусульманская традиции оставили прочные основы (Италия, Прованс, Лангедок, Испания), стали, несомненно, те, где завершались крупные торговые пути. Это Северная Италия, на которую выходили альпийские и морские средиземноморские пути, Северная Германия и Фландрия, на которые замыкалась торговля восточными товарами, и северо-восточная Франция, где на ярмарках Шампани, особенно в XII и XIII вв., встречались товары и купцы Севера и Юга. Но это были одновременно и районы наиболее плодородных равнин, наиболее устойчивого прогресса в распространении плуга, лошади как тягловой силы и трехполья» [Ле Гофф, 2005, с. 94–95].

Основной социальной структурной единицей средневекового города была корпорация (цех, гильдия) – объединение горожан вокруг какого-либо вида деятельности, ремесла. Принадлежность корпорации оказывала огромное влияние на повседневность и идентичность горожанина. Корпоративная структура и обязана своим появлением и существованием городу. Она играла большую роль и в развитии гражданских свойств личности, благодаря ей у человека вырабатывалась способность сочетать личные и общественные интересы, была субъектом права. Несмотря на диктат сословной группы, член корпорации именно в ней имел одну из единственных возможностей обнаруживать свое внутреннее содержание и обособляться в рамках знакомого коллектива.

Одними из известнейших корпоративных структур средневекового города были университеты, которые в свою очередь могли появиться только в городе, а не в других типах поселений по ряду причин: появилась и потребность в образовании, так как для обеспечения жизни и управления городом требовались люди юридически подкованные, организация университета могла быть делом самого города, его административной элиты, как, например, в итальянских городах-коммунах. Появление интеллектуалов и университетов, не говоря уже о церковных и цеховых школах, знаменовало большой сдвиг в средневековом менталитете. Университет в момент своего появления был корпорацией преподавателей и студентов, «похожей» на остальные. Об этом свидетельствует Жак Ле Гофф: «Так называемая схоластика была дочерью городов. Она воцарилась в новых учебных заведениях — в университетах, представлявших собой корпорации людей интеллектуального труда. Учеба и преподавание наук стали ремеслом, одним из многочисленных видов деятельности, которые были специализированы в городской жизни» [Ле Гофф, 2005, с. 100].

Таким образом, интенсивные процессы урбанизации в Средние века, активное складывание городской культуры и образа жизни стали культуробразующими и основополагающими для формирования современной европейской цивилизации, формировали определенный, новый для культуры тип человека с особой ментальностью и идентичностью – горожанина. Осмысление этого процесса с разных позиций и дисциплинарных точек зрения кажется автору данной исследовательской работы крайне необходимым для понимания культуры современных городов и городской повседневности. Повседневность жителя средневекового города разворачивалась в контексте сразу нескольких топографических и ментальных доминант (сакральные, моральные, политические, профессиональные категории), которые влияли на формирование и особенности идентификации горожанина как члена городского сообщества и его культуры. Люди жили тогда в условиях объединения в своем самосознании труда и быта, семьи и профессиональной деятельности,

коллектива, частной и публичной жизни, идеального и реального, то есть множество диссонансов заставляли человека по-другому откликаться на окружающий мир, организовывать свою жизнь и адаптироваться к новым условиям. То есть город стал наиболее значимым и особым культурным феноменом, который сам себя формирует и изменяет именно в Средние века, – город, который определяет наше существование сегодня, своей отправной точкой имеет именно средневековый город. Несмотря на то, что средневековое общество, как известно, обладало строгой иерархической структурой, трехчастная структура начала разрушаться именно в городе, который, как новая социокультурная система, способствует подъему индивидуализма, ставшему одной из основ следующего исторического периода – эпохи Возрождения. В последующие эпохи городская повседневность еще более усложнялась и структурировалась, а городская жизнь концентрировалась и ускорялась, что родило мегаполисы и постиндустриальное общество, глобальное сознание и глобальную культуру, но некоторые константы идентичности и ментальности горожанина сохранились по сей день, так как они затрагивают очень глубокие слои нашего «Я». Города являются репрезентантом уровня развития культуры и цивилизации, и средневековые города, как прародители городов современных, очень существенны в контексте формирования городской идентичности и общества, так как вопреки стереотипам не только национальные черты свойственны человеку, но город вносит важные черты в его ментальность, формируя определенный способ мировосприятия, стереотипы мышления, нравственные ценности, свою мифологию и повседневные паттерны поведения. В заключение хотелось бы привести слова Ф. Броделя о роли города в культуре: «Города – это как бы электрические трансформаторы: они повышают напряжение, ускоряют обмен, они беспрестанно вершат жизнь людей... Город – как бы цезура, разрыв, новая судьба мира. Когда он возникает, неся с собой письменность, то открывает двери того, что мы называем историей. Когда с наступлением XI в. город возродился в Европе, началось возвышение небольшого континента. Как только он расцветает в Италии, наступает Возрождение. Так было со времен городских общин, полисов классической Греции, со времен Медины в эпоху мусульманского завоевания и до наших дней. Все поворотные моменты роста выражались во взрыве урбанизации» [Бродель, 2007, с. 447].

### **Библиографический список**

1. Бунин А.В. История градостроительного искусства. Т. 1. Градостроительство рабовладельческого строя и феодализма / А.В. Бунин, Т.В. Саваренская. М.: Стройиздат, 1979. 495 с. URL:

<http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000021/index.shtml> (дата обращения: 03.05.2020)

2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь мир, 2007. 592 с.

3. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

4. Вебер М. Город / Пер. с нем. М. Левина. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.

5. Город в средневековой цивилизации Западной Европы: В 4-х т. / отв. ред. А.А. Сванидзе. Российская академия наук, Институт всеобщей истории. М.: Наука, 1999—2000.

6. Добрицына И.А. Архитектура и социальный мир. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 312 с.

7. Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / Пер. с фр. Ю. А. Гинзбург. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.

8. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: StrelkaPress, 2018. 112 с.

9. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / пер. с франц. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко под ред. В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Издательство Урал. ун-та, 2000. 328 с.

10. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. М.: Александрия, 2007. 400 с.

11. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века / пер. А. Руткевич. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1997. 210 с.

12. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / пер. с фр.; общ. ред. С.К. Цатуровой. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. 440 с.

13. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с франц. под ред. В. А. Бабинцева. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.

14. Лефевр А. Производство Пространства. / пер. с фр. И. Стаф. М.: StrelkaPress, 2015. 432 с.

15. Линч К. Образ города / пер с англ. В.Л. Глазычев, Сост. А.В. Иконников. М.: Стройиздат, 1982. 382 с.

16. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб.: «Алетейя». 304 с.

17. Социальная идентичность средневекового человека / отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров; Институт всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2007. 327 с.

18. Хейзинга Й. Осень Средневековья: Соч. в 3-х т. Т. 1 / пер. с нидерланд.; вступ. ст. и общ.ред. Уколовой В.И. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Культура», 1995. 416 с.

## **CULTURAL ANALYSIS OF THE PROCESSES OF THE MEDIEVAL URBANIZATION AND THE APPEARANCE OF A NEW HUMAN CULTURAL TYPE IN WESTERN EUROPE**

*Zakuraeva Elizaveta D.*  
Saint Petersburg State University, 7–9,  
Universitetskayaemb.,  
St. Petersburg, 199034, Russia,  
elizabeth.zakuraeva@gmail.com

*This article was prepared with the support of the RFBR grant 18-011-00552 "The problem of identity in the zones of cultural exclusion of the urban environment"*

### **Abstract**

*The research work is devoted to considering the features of the process of urbanization in medieval Europe, the formation of spatial and social structures of European cities during the Middle Ages. Despite the fact that the discourse of urbogenesis and the formation of cities, as constituting elements of European culture, has been occupied by researchers for many years, few of them considered medieval cities of Europe as the fundamental principle of modern European cultural tradition. In this work, the researcher's interest is focused on the development and development of urban space and the evolution of this process during the Middle Ages, on the interdependence of urbanization and the characteristics of a new cultural type of person — homo urbanus, city dweller, and on the influence of all these factors on urban cultural genesis, chronotope and habitus. The sources used are the works of philosophers, historians and cultural scientists: M. Weber, A.A. Svanidze, G. Simmel, C. Lynch, A. Lefebvre, J. Hazing, J. Le Hoff and others. The author comes to the conclusion that it was the Middle Ages that revived and shaped the cities anew. The development of medieval cities and the estate of citizens formed the foundations of the West European mentality, a new cultural type of man and the emerging civil society, social thought.*

### **Keywords**

*City, urban environment, the Middle Ages, urbanization, everyday life, cultural type, city dweller.*

## ОБРАЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА

*Калашник Екатерина Михайловна*

Санкт-Петербургский государственный университет,  
191060, Россия, г. Санкт-Петербург,  
ул. Смольного, 1/3, Подъезд №7  
kktriine@gmail.com

### **Аннотация**

*В статье анализируется проблема взаимодействия интеллектуалов и власти на примере периода концептуализации понятия «интеллектуал» и его социально-политического содержания в Европе в конце XIX – начале XX века в рамках дискуссий, связанных с резонансным делом Дрейфуса во Франции, а также первых попыток теоретического осмысления положения слоя интеллектуалов в обществе. Также в статье приводится сравнение европейских интеллектуалов с русской интеллигенцией. Основной вывод статьи состоит в том, что политическое участие является одной из ключевых характеристик понятия «интеллектуал» с начала его формирования в конце XIX в.*

### **Ключевые слова**

*Интеллектуалы; интеллигенция; политическая власть; дело Дрейфуса.*

В настоящее время исследователи, указывая на особую роль людей, способствующих конструированию смыслов в обществе, продолжают возвращаться к анализу содержания понятия «интеллектуал» и его видоизменений в контексте современных мировоззренческих кризисов [Дакоро, 2016]. О структурном усложнении классических концепций также свидетельствуют начавшиеся в конце XX в. обсуждения возможного конца существования критической традиции интеллектуалов [Мыслящая Россия..., 2009; Петушкова, 2018].

Определение роли интеллектуального слоя в современных общественных трансформациях требует анализа истории интерпретации данного феномена и его политического измерения. Так, данная статья посвящена проблеме взаимодействия интеллектуалов и власти на примере периода концептуализации понятия «интеллектуал» в конце XIX–начале XX вв. Исследование опирается на методологию Кембриджской школы истории



понятий, которая позволяет поместить дефиниции в идейные и исторические условия их употребления, чтобы фиксировать и реконструировать изменения в определении изучаемого феномена [Кембриджская школа..., 2018].

В истории Западной Европы выделяется категория мыслителей, к которым относятся философы, духовенство, писатели и преподаватели, чья деятельность, в первую очередь, связана с производством, сохранением и передачей знаний и новых смыслов в обществе. Их отличительной чертой также служит определенная степень институционализации: со временем они постепенно собираются в собственные локальные сообщества – академии, кружки, университеты, салоны и т.д. Соглашаясь с историком Ж. Ле Гоффом, можно сказать, что впервые слой интеллектуалов обнаруживает себя в лице средневекового духовенства, образовавшего общеевропейскую церковную корпорацию, которая использовала универсальный язык и монополизировала право на образование, а также создание доминирующей системы восприятия мира. Обновление образа европейского интеллектуала происходит с разрушением этой монополии в процессе становления светской политической теории и формирования национальных государств, а общественные трансформации способствуют локализации интеллектуалов в рамках частных направлений и социальных групп.

В результате выполнения функции производства новых идей и мировоззрений интеллектуальный слой общества имел возможность рационализировать и легитимизировать, либо критиковать существующую власть. Этот фактор осознавали правящие элиты, которые стремились привлечь мыслителей для поддержания своего авторитета. Проявления воздействия мыслителя на политические процессы во многом зависели от развития техники создания и распространения текстов, уровня образованности населения, степени плюрализма духовных течений и наличия доминирующего направления среди них, а также от формы правления отдельно взятых государств.

К концу XIX в. можно выделить такие профессиональные группы, формирующие интеллектуальные сообщества, как литераторы и ученые-преподаватели. Кроме связи с умственной деятельностью, они обладали возможностью артикулировать свои интересы через локальные структуры, а также способами воздействия на публику. Возрастание роли той или иной группы зависело от религиозного и социально-политического контекста, а также от степени заинтересованности государства во взаимодействии с представителями интеллектуальных профессий. Например, во Франции власть чаще обращалась к интеллектуальным слоям за поддержкой легитимности, чем

в Англии или Германии, где основу легитимации в большей мере составляли аристократические и бюрократические ценности [Шарль, 2005, с. 67–68].

Несмотря на разногласия относительно терминологии, исследователи сходятся в определении периода возникновения понятия «интеллектуал» в современном смысле, свойственном XX в., и связывают его с конфликтом о судебном разбирательстве по делу офицера А. Дрейфуса во Франции [Шарль, 2005; Дакоро, 2016] в конце XIX в., знаковую роль в котором сыграли писатели и публицисты. Упоминания «интеллектуалов» применительно к группе людей встречались и ранее, но в данном контексте термин получил конкретное политическое содержание [Intellectuals in Politics..., 1997, с. 7].

К концу XIX в. литературная сфера во Франции переживала существенные изменения – в результате расширения рынка писатели оказались в большей зависимости от требований публики. Кроме того, трансформировалась иерархия отношений между традиционным и авангардным направлением, а роман занял позицию доминирующего жанра, вытеснив поэзию в пространство локальных кружков, за пределы рынка [Шарль, 2005, с. 73]. Используя категориальный аппарат П. Бурдьё, историк К. Шарль отмечает раскол «литературного поля» данного периода как по профессиональным, так и по социальным параметрам, и выделяет в нем три основных «полюса»: держатели традиции, прочно закрепившиеся во Французской академии и крупных журналах; новобранцы, которые стремились повысить свой социальный статус посредством успеха – экономического и литературного; а также молодые приверженцы старых романтических и парнасских образцов литературного поведения [Шарль, 2005, с. 12].

За социальным разделением писателей последовало политическое, которое нашло свое выражение в широкой общественной дискуссии о деле Дрейфуса, которого в 1894 г. военный суд признал виновным в шпионаже. Изначально разбирательство держалось в строгой секретности, сопровождалось малочисленными спорными доказательствами и имело антисемитский характер. Материалы, найденные в 1896 г. руководителем разведывательного бюро полковником Ж. Пикаром, указывали на необходимость пересмотра дела Дрейфуса, что вызвало ожесточенный спор о правомерности действий армии и государства.

В поддержку офицера в первую очередь выступили писатели из авангардного направления, для которых сложившаяся ситуация стала возможностью самовыражения и выступления с критикой действующей культурной и политической элиты. Им противодействовали традиционные представители академии. Таким образом, в литературе произошел политический раскол – «левым» дрейфусарам, ориентированным на решение

социальных проблем, были противопоставлены «правые» антидрейфусары, видящие свою главную задачу в отстаивании национальных интересов Франции [Мыслящая Россия..., 2009, с. 97].

При отсутствии каких-либо рычагов власти и достаточного статуса, писатели из авангарда стали чаще обращаться к обновленным с технической точки зрения методам привлечения публики – в первую очередь, к манифестам на тему актуальных проблем, публикуемым в журнальных и газетных изданиях [Шарль, 2005, с.62]. Протест, включивший представителей интеллектуальных профессий в политику, начался в 1898 г. с письма «Я обвиняю...!» Э. Золя, который выступил с осуждением лиц, причастных вынесенному приговору и замалчиванию судебного разбирательства. После выхода резонансного текста издание «Орор» стало выпускать под заголовком «Протест» списки подписей людей, выразивших недовольство нарушениями 1894 г. Большинство представителей этих списков, впоследствии обозначенных как «Манифест интеллектуалов», составляли деятели в области литературы, науки и образовании. Таким образом, протест ознаменовал включение людей интеллектуальных профессий в политику в том смысле, что они вышли за рамки своих компетенций и публично объявили о собственной политической позиции [Drake, 2005, p. 21].

Термин «интеллектуал» в первую очередь, был употреблен деятелем и совладельцем газеты «Орор» Ж. Клемансо в его комментарии о поддержке Дрейфуса. Но распространение – это понятие получило в результате ряда заявлений антидрейфусаров, которые использовали его для обозначения необоснованного вмешательства литераторов в проблемы, к которым те не имели прямого отношения [Intellectuals in Politics..., 1997, p. 7]. В первую очередь, интеллектуалам было отказано в возможном оспаривании действий армии и правосудия. Вслед за письмом Золя, антидрейфусар М. Баррес опубликовал статью под названием «Протест интеллектуалов». Признавая, что заимствует это слово у Клемансо, Баррес осудил образованных людей, которые выступили в поддержку Дрейфуса [Drake, 2005, p. 22].

Э. Дюркгейм в ходе полемики с Ф. Брюнетьером отметил, что выражение несогласия с действиями суда является следствием стремления деятелей культуры и ученых реализовать свое человеческое право, а не представлений о какой-либо привилегии на контроль правосудия. Более сильную увлеченность этих людей он связал со склонностью к критическому мышлению и доказательности: «Им сложнее поддаваться порывам толпы и давлению авторитетов» [Durkheim, 1969, p. 25].

Несмотря на то, что изначально возникновение понятия «интеллектуал» имело прямое отношение к дрейфусарам, носило осуждающий характер и

подразумевало инакомыслие, со временем оно включило в себя и их противников – антидрейфусары стали прибегать к тем же методам воздействия на публику, а против политического движения «Лига прав человека» в 1898 г. учредили «Лигу французского отечества», тем самым войдя в сферу политики и обозначив возникновение двух интеллектуальных партий [Шарль, 2005, с. 293]. Представляя новую организацию, сам Баррес писал: «Теперь нельзя утверждать, будто интеллект и «интеллектуаль» (слово из дурного французского) лишь на одной стороне» [Марина, 2007, с. 42].

Готовность писателей и преподавателей вмешаться в публичную сферу политики и выступить в защиту своих принципов сделала политическое участие составной частью нового понятия «интеллектуал» [Intellectuals in Politics..., 1997, p. 7]. В этот же период были обозначены основные социально-политические функции интеллектуалов:

1. Диалог с властью и представительство незащищенных граждан – именно через поддержку осужденного офицера писатели и преподаватели были массово вовлечены в политическую деятельность [Мыслящая Россия..., 2009, с. 96].

2. Воздействие на публичную политику – в связи с расширением аудитории и развитием техники у интеллектуалов появились новые способы артикуляции собственных принципов, обращения к публике и агитации.

3. Критический подход к власти – поскольку в данный период главным методом гуманитарных наук являлся критический анализ текстов, обоснование невиновности капитана Дрейфуса состояло в доказательности факта фальсификации. Для университетских преподавателей это свидетельствовало о социальной значимости науки [Мыслящая Россия..., 2009, с. 99].

4. Легитимацию существующей властной элиты. Антидрейфусары, которые постепенно также были включены в политику, находились в поиске аргументов для поддержки государства. В дальнейшем основные тезисы, которые консерваторы противопоставляли дрейфусарам, легли в основу националистической доктрины, разработанной М. Барресом [Мыслящая Россия..., 2009, с. 97].

5. Влияние на взаимодействие сфер публичного и частного – интеллектуалы репрезентуют в качестве публичных свои идеи и чувства, которые аудитория начинает идентифицировать как собственные [Шарль, 2005, с. 58].

Теоретический анализ начала XX в. представил возможные классификации интеллектуалов и изучение их роли в противостоянии разных социальных слоев и идеологий. Так, например, одним из первых образ

интеллектуала как самостоятельный предмет исследования представил социолог Карл Мангейм (1893–1947).

Главной задачей интеллектуального слоя, по мнению мыслителя, служит создание интерпретации мира для общества, в результате которого они образуют наиболее значимое звено между социальной динамикой и становлением идей [Мангейм, 2000, с. 119]. Мангейм отмечает различия между исторически сложившимся слоем интеллектуалов, выраженным, в первую очередь, духовенством, которое в период средневековья монополизировало право на проповедь и создание интерпретации мира, и современными интеллектуалами. Основными характеристиками классического типа выступает институционализм – выражение интересов определенного организованного коллектива, а также относительная отдаленность от открытых конфликтов повседневной жизни – академизм [Мангейм, 1994, с. 8].

На смену духовенству приходят свободные интеллектуалы, основой для которых служат коммуникации между ранее изолированными слоями, а затем – осознание непримиримости противоречивых концепций мира и формирование критичности. Специфика этих современных интеллектуалов заключается в том, что они рекрутируются из постоянно меняющихся социальных слоев, а способ их мышления на начальном этапе не подвергается регулированию со стороны какой-то организации [Мангейм, 1994, с. 6].

Современные интеллектуалы существуют в условиях свободной конкуренции за благосклонность общественных групп. Вместо примирения противоречащих друг другу традиций они выявляют противоречия и участвуют в конфликтах, разделяющих общество [Мангейм, 2000, с. 115]. Их способность принимать различные мировоззрения и вследствие этого присоединяться к чуждым им по классовому составу группам приводит к включению их в процесс политической борьбы на стороне выбранного ими класса, нуждающегося в духовной опоре [Мангейм, 1994, с. 120]. Положение таких интеллектуалов, по мнению Мангейма, усугублялось в тот момент, когда стоящий за ними социальный слой приходил к власти и больше не нуждался в связи идей с политикой или в самих интеллектуалах. В таком случае, они приходили к состоянию скепсиса и отстраненности, при этом либо удаляясь в сферу истории в поиске подходящей эпохи для изучения и романтического воссоздания, либо сознательно отказываясь от участия в историческом процессе [Мангейм, 1994, с. 195].

Говоря о развитии интеллектуального слоя в условиях германского слоя, Мангейм указывает на значительное влияние бюрократического управления, которое добавило к традиционным представлениям о культуре критерий наличия практических навыков и знаний [Мангейм, 2000, с. 112].

Другая влиятельная концепция об интеллектуалах представлена работами итальянского политического деятеля и социального теоретика Антонио Грамши (1891–1937). Центральной идеей концепции Грамши становится обоснование интеллектуальной и социальной силы культуры, способной вывести государство из кризиса и руководить его преобразованием [Кранк, 2012, с. 5].

«Все люди интеллектуальны, но не все они выполняют в обществе функцию интеллектуалов» – определяя данный слой через выполняемые им социально-культурные роли, Грамши указывает на его основополагающее значение в борьбе за умы и возвышение народных масс [Грамши, 1991, с. 171].

Как отмечают исследователи, будучи в 1920-е гг. одним из создателей и руководителей коммунистического движения в Италии, Грамши стремился соотнести свои теоретические установки со спецификой социально-политического развития Запада и с вопросами тактики коммунистического движения [Мыслящая Россия..., 2009, с. 207].

Одним из главных препятствий эффективного функционирования интеллектуалов, по мнению мыслителя, выступало ослабление связи интеллектуалов с жизнью народа, которое повлекло за собой кризис культуры итальянского общества в начале XX в. [Кранк, 2012, с. 16-17] Также в результате выступления на стороне господствующей социальной группы интеллектуалы начинают выполнять ее вспомогательные функции по осуществлению этой группой гегемонии и политической власти: стремятся обеспечить согласие народных масс и формируют государственный аппарат принуждения [Грамши, 1991, с. 174].

Отдельно следует обратить внимание на то, что во второй половине XIX в. в России по аналогии с Европой начало формироваться понятие «интеллигенции» от дефиниции, заимствованной из немецкого и французского языков, которая использовалась для обозначения образованных, просвещенных элементов общества [Пайнс, 1993, с. 328]. До сих пор нет единого мнения относительно соотношения понятий западных интеллектуалов и русской интеллигенции, а последняя нередко выделяется как уникальное явление.

Несмотря на это, обвинения в излишнем заимствовании европейских традиций и восприятие России сквозь призму западной культуры выступали распространенными мотивами критики интеллигенции [Дакоро, 2016, с. 175]. В некоторых случаях «интеллигенция» и «интеллектуалы» также используются как синонимичные. Но воздействие внутригосударственных условий способствовало сужению изначального определения данного общественного слоя и обозначению специфических черт интеллигенции.

Можно сказать, что интеллигенты выполняли социально-политические функции, присущие интеллектуалам – формирование новых идей в обществе,

критику власти и представительство незащищенных слоев населения. Но поскольку критическая роль не была интегрирована в политическую систему, а оппозиция исторически не была легитимизирована [Дакоро, 2016, с. 148–149], интеллигенция не имела возможности действовать легально, что приводило к ее радикализации.

В результате заимствования иностранных идей интеллигенция также играла роль посредника между западной и российской культурами [Дакоро, 2016, с. 138]. В сочетании с отстраненностью от официального социально-политического дискурса это приводило к отчуждению интеллигенции от традиций общественного слоя, интересы которого она отстаивала – народа.

Проведенный анализ позволяет найти ряд основных вопросов и общую линию рефлексии относительно места интеллектуалов в обществе, а также сделать вывод о том, что участие в политических процессах, выход за рамки профессиональной сферы в публичную сферу с целью отстаивания определенных принципов и идеалов в обществе послужило одним из центральных критериев выделения интеллектуалов как особой социальной группы в конце XIX – начале XX вв.

### **Библиографический список**

1. Грамши А. Искусство и политика: в 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1991. 432 с.
2. Дакоро М.А. Историческая динамика интеллектуалов на Западе и интеллигенции в России в процессе модернизации: дис.... д. филос. наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2016.
3. Кембриджская школа: Теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.
4. Кранк И.И. Культурфилософская концепция Антонио Грамши. Автореф. дис.... к. филос. наук : 09.00.13. Ростов-на-Дону, 2012.
5. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 160 с.
6. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
7. Мангейм К. Эссе о социологии культуры // Избранное. Социология культуры. М.; СПб., 2000. 233 с.
8. Марина Х.-А. Интеллектуал и власть // Интеллектуалы и политика. Под ред. Р. ДельАгилы. М.: Московская школа политических исследований, 2007. С.38–57.

9. Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов / под ред. В. Куреного. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009. 368 с.
10. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 424 с.
11. Петушкова Д. А. Закат эпохи интеллектуалов? Интервью с Кристофом Прошассоном и Франсуа Доссом // Французский ежегодник Института всеобщей истории РАН. 2018. Т. 51. С.425–436.
12. Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М.: Новое издательство, 2005. 328 с.
13. Drake D. French intellectuals and politics from the Dreyfus affair to the occupation. Palgrave Macmillan, 2005. 213 p.
14. Durkheim E. Individualism and the intellectuals // Political Studies, 1969. Vol. XVII. No. 1. P. 14–30.
15. Intellectuals in Politics: From the Dreyfus Affair to Salman Rushdie / ed. by J. Jennings London: Routledge, 1997. 304 p.

## THE IMAGE OF THE INTELLECTUAL IN THE EUROPEAN SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE OF THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES

KalashnikEkaterinaK.  
Saint Petersburg University,  
191160, Russia, St. Petersburg,  
Smolnystreet, 1/3, porch №7  
kktriine@gmail.com

### Abstract

*The article analyzes the problem of the interaction of intellectuals and political power on the example of the period of formation of the concept of "intellectual" and its social and political content in Europe in the late XIX – early XX centuries in the framework of discussions related to the Dreyfus affair in France, as well as the first attempts at a theoretical understanding of the position of the intellectual stratum in society. The article also compares European intellectuals with Russian intelligentsia. The main conclusion of the article is that political participation is one of the key characteristics of the concept of "intellectual" from the beginning of its formation at the end of the XIX century.*

### Keywords

*Intellectuals; intelligentsia; political power; Dreyfus affair.*



## «СТАРИННЫЙ ТЕАТР» Н. ЕВРЕИНОВА: АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ИЛИ «ТЕАТР В ТЕАТРЕ»?

*Мешалкина Екатерина Сергеевна*  
Национальный исследовательский университет  
Высшая Школа Экономики,  
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20,  
esmeshalkina@edu.hse.ru

### **Аннотация**

*В статье проводится комплексный анализ подходов создателей «Старинного театра» к вопросам режиссуры и оформления постановок, рассматриваются критические отзывы современников. Делается попытка определить наиболее удачную концепцию, соответствующую изначальной задаче проекта. Анализируется расхождение теоретической концепции театральности и ее практического воплощения. Создатели проекта не придерживались единой режиссерской концепции. Субъективное восприятие прошлого художниками-оформителями не согласовывалось с реконструктивными задачами проекта. Постановки оказались не востребованы современным зрителем, модель взаимодействия зрителя и актёра было принципиально невозможно реконструировать. Прием «театр в театре» оказался наиболее удачным, но противоречил изначальной идее создателя «Старинного театра» Н. Евреинова.*

### **Ключевые слова**

*Стилизация; реконструкция; Старинный театр; Н. Евреинов; зрительское восприятие; театральная критика; «театр в театре».*

«Старинный театр» Н.Н. Евреинова, описанный в сочинениях его участников – масштабный проект исторически точной театральной реконструкции, просуществовавший всего два сезона. В работе над ним принимала участие целая плеяда энтузиастов-филологов, фольклористов, искусствоведов и переводчиков (А. Санин, Е. Аничков, П. Морозов, А. Блок и другие). Целью режиссера Н. Евреинова и его спонсора, барона Н.В. Остен-Дризена, было обращение к сценическим формам различных эпох: сезон 1907–1908 гг. был посвящен средн евековым жанрам, сезон 1911–1912 гг. – испанской драме начала XVII столетия. Планировалось воссоздать постановки от античности до XVIII века.

К сожалению, из-за своей кратковременности этот проект Евреинова не был исследован так же хорошо, как деятельность других современных ему режиссеров: по популярности среди исследователей, да и среди публики начала прошлого века, «Старинный театр» не выдерживает сравнения с постановками Станиславского и Мейерхольда. Самыми релевантными источниками при исследовании «Старинного театра» являются мемуары его участников и отзывы современников, сохранившиеся эскизы декораций и фотографии постановок. На эту тему не написано ни одной монографии, но существует несколько статей. Например, Л.Н.Соколова анализирует сценографический аспект проекта, приходя к выводу, что действительно реконструировались в театре только костюмы, поскольку больше ничего от средневековых постановок не сохранилось, а остальная работа декораторов была качественной, но все же стилизацией [Соколова, 2019]. Т.С.Джурова исследует проект наиболее комплексно: в проведенный ею анализ оказались включены и режиссерские, и декоративные концепции, а также разница между сформулированными теориями и воплощенными спектаклями [Джурова, 2008, 2010]. Л.Ю.Ханик сравнивает теоретическую концепцию Евреинова с мейерхольдовским пониманием театральности и задач театра вообще, сравнивает реконструкцию эпохи в «Старинном театре» с «реконструкцией жизни на сцене» [Ханик, 2019]. О.А.Павлова продолжает это сравнение, говоря о внутренней самооценностиевреиновского театра ради самого театра, и рассматривает возникшие на практике отклонения от изначальной концепции и их негативные последствия [Павлова, 2010]. Н.В.Никитиной написана статья, целью которой был анализ мнений современников о «Старинном театре», но использованные в ней источники ограничиваются подборкой отзывов, которая была собрана бароном Дризеном, – исследовательница сама упоминает о том, что эта коллекция писем и заметок нерепрезентативна и отобрана субъективно [Никитина, 2019].

В данной работе наиболее полно и последовательно рассматриваются и позиции участников проекта по вопросам режиссуры и сценографии, и причины отмеченных зрителями и критиками неудач. Цель исследования – найти среди разных концепций наиболее удачную (по мнению современников) и соответствующую идее создателя «Старинного театра».

Этот проект выделялся на фоне ретроспективизма и эстетизированного интереса к истории, который был характерен для Серебряного века, за счет того, что в основе идеи создания «Старинного театра» лежал фундаментальный научный подход. В рамках подготовки к театральным сезонам Н.Н. Евреинов писал теоретические статьи и рефераты о понимании театральности средневековыми актерами, итальянскими комедиантами и испанскими

драматургами. Он проводил целые культурологические исследования, работал в европейских архивах и изучал рекомендации и ремарки, написанные авторами пьес для актеров [Джурова, 2008, с. 32]. Безусловно, далеко не все потенциальные зрители его постановок готовы были изучать тему старинного театра и его теории настолько глубоко: сам подход к работе со зрителем, расчет на его образованность и интерес задавал элитарный характер проекта Евреинова.

На материальном уровне погружение в реконструируемый контекст было не менее сложным, чем на теоретическом. Театральные постановки разных эпох обладали сложной и разнообразной сценографией, которая часто не имела ничего общего с представлениями современных зрителей и художников-декораторов об оформлении спектаклей. Трудности с оформлением считаются одной из причин столь недолгого существования театра [Джурова, 2008, 2010].

Сам Н.Н.Евреинов настаивал на максимальной точности в реконструкции: он хотел воспроизвести не только старинные тексты, сценографию, манеру актерской игры, но и сам характер театральной условности, а также приблизиться к соответствующей модели взаимодействия актеров и зрителей, что включало, например, вмешательство шутов в диалоги на сцене и немало экспромта. Важнейшую особенность средневекового театра Евреинов видел в том, что и наивный непрофессиональный актер, и столь же наивный зритель искренне верили в то, что происходило на сцене: так, актер, играющий Иуду мог на самом деле повеситься [Евреинов, 1907, с. 838], а исполнитель роли Ирода – пережить нападение зрительской толпы (такой сценой, к примеру, завершались «Три волхва» – одна из первых постановок Старинного театра).

Несколько менее интересовался особенностями мышления средневекового актера барон Остен-Дризен: в тех спектаклях, которые он режиссировал, главной оказывалась именно археологическая точность реконструкции того, что можно было непосредственно увидеть, чем можно было управлять – то есть декорации, костюмы, пластика актеров.

К.С. Миклашевский, который дебютировал в «Старинном театре» в качестве актера, ко второму сезону также включился в режиссуру: очарованный эстетикой комедии дель арте, он создавал постановки, которые были в большей степени современной стилизацией, фантазиями жителя Серебряного века на тему XVII столетия, идеально красивой с его точки зрения.

Работая над собственной концепцией театральности, Н.Н.Евреинов, по сути, полемизировал с натурализмом МХТ, принципиально не желая соотносить с реальной жизнью происходящее на сцене. Однако А.Санин не разделял такой цели и, возможно, неосознанно воспроизводил сценический

реализм Мейерхольда в своей режиссуре [*Джурова, 2008, с. 34*]. А.Саниным был поставлен пролог к пьесе «Три волхва», которой в остальном занимался Евреинов, и такой контраст подходов, безусловно, сказывался на цельности постановки.

Но не менее существенной частью реконструкции была сценография. И именно здесь археологические подробности постановок получили не соответствующее им современное эстетическое преломление. Для оформления спектаклей были приглашены художники из объединения «Мир искусства» (А. Бенуа, М. Добужинский, И. Билибин, Е. Лансере и др.), в которых Н.Н.Евреинов нашел единомышленников по стремлению обратиться к минувшим эпохам.

Разница между ними была в том, что создатель «Старинного театра» стремился реконструировать действо и показать его современным зрителям в его исходном виде, а мирискусники уделяли много внимания собственной интерпретации. Их деятельность как декораторов была посвящена любованию прошлым, романтизации его и созданию «искусства ради искусства», то есть нового эстетического образа. Более того, все художники в разных спектаклях добивались этого по-своему. Например, Н.Рерих написал задник для постановки испанской пьесы «Фуэнте Овехуна» в своем монументальном, но декоративном стиле, И.Билибин создал декорацию к «Действию о Теофиле», привычно стилизуя книжную иллюстрацию. Эта условная живописная манера контрастировала с заявленной идеей тщательной реконструкции. В.Щуко, оформляя «Чистилище Святого Патрика», напротив, как можно тщательнее воссоздал три портала готического собора, но, конечно, такой маленький фрагмент огромного градообразующего сооружения не давал зрителям погружения в историческое место действия и выглядел непонятным его обрывком, лишенным контекста.

Барон Дризен старался работать только с самыми заинтересованными актерами, композиторами и художниками, и представители первого поколения «мирискусников» поначалу с радостью откликнулись на его предложение. Позже, однако, многие участники оказались настроены, скорее, скептически. А.Бенуа посвятил «Старинному театру» всего пару страниц своих пятитомных воспоминаний и писал, что никогда не верил в успех проекта и старался минимизировать свое участие в нем. Его декорации, «нежный сон о давно прошедшем», служили фоном для непрофессиональных актеров, в основном безуспешно пытавшихся стилизовать средневековую наивность [*Бенуа, 1908, с. 33*]. К.Миклашевский писал, что воспринять образцы ушедшей культуры в принципе невозможно [*Миклашевский, 1924*].

Обратимся теперь к рассмотрению критики, которую высказывали современники – режиссеры, художники и простые зрители – в адрес «Старинного театра».

Одной из отмеченных проблем была техника актерской игры и все то, что было связано с попытками Н.Н. Евреинова воссоздать специфическую модель взаимодействия между актерами и зрительным залом. Во-первых, наивность, которой требовал Н.Н. Евреинов, означала полное и беззаветное перевоплощение в персонажа, весь характер которого представлял собой одну гипертрофированную черту или яркий типаж. Это отличалось от привычного на тот момент понимания актерской игры и означало утрату подвижности образа. Такая техника была, во-первых, не востребована у не привыкшей к ней публики, а во-вторых, осложняла работу актеров. Труппа «Старинного театра» была набрана преимущественно из студентов Академии художеств [Джунова, 2008, с. 34] – это был непрофессионализм не того рода, который требовался авторам проекта. А.Кугель, В.Мейерхольд отмечали, что спектакли не получались цельными [Джунова, 2008, с. 34].

Кроме того, Евреинов, желая продемонстрировать зрителю «дух эпохи», использовал спорный прием: создавал «буферную» массовку актеров, которые изображали средневековых зрителей. Даже театральный критик Э. Старк, относившийся с большой симпатией к «Старинному театру», писал, что их бурлески затмевали само действие [Старк, 1911, с. 26], А. Кугель – что «толпа вела себя как толпа, а не как настоящие актеры». Кроме того, актеры таким образом диктовали современному зрителю эмоции, которые он не мог и не должен был проявлять или изображать.

Конечно, современный Евреинову зритель был более искушенным и далеко не таким наивным, как средневековый. От него больше нельзя было ждать столь эмоциональной реакции. В случае религиозных сюжетов это было особенно заметно: для средневекового человека мистерия служила своеобразным медиумом, позволяла испытать особенно острые религиозные переживания; целью же жителя Санкт-Петербурга начала XX века, пришедшего в театр, было переживание эстетическое. При этом далеко не всем был близок идеализированный, замкнутый на себе, оторванный от реальности мир, который Н.Н.Евреинов стремился сотворить на сцене. Петербургские зрители имели возможность сравнить это со спектаклями «новой драмы» или с мейерхольдовским реализмом, и их дальнейший выбор был делом вкуса.

Тем не менее, среди писем, полученных бароном Дризенем, можно найти два высказывания, которые свидетельствуют, что разница между современным и средневековым зрительским восприятием религиозных спектаклей не всегда была так уж велика. Театральный критик Б. Бентовин и некий репетитор-

воспитатель пишут о нравоучительности поставленных спектаклей и их морально-этической ценности для современного зрителя [Никитина, 2019, с. 55], однако такое восприятие можно считать в некоторой степени исключительным.

Проблема, которая чаще всего упоминается и в литературе, и в современных критических отзывах – несоответствие режиссуры и оформления спектаклей. Чаще всего стилизация оформления, самостоятельность художественных образов декораций контрастировали с тщательной реконструктивностью и археологическим характером большинства постановок. Не случайно даже положительный отзыв театрального критика А. Ростиславова касается только оформительского аспекта: он пишет о художественной самооценности декораций, очевидно, концентрируя свое внимание только на них [Соколова, 2019, с. 308]. Заметил несоответствие и художник К.Маковский, чья критика распространялась и на идею, и на воплощение художественного оформления «Старинного театра» [Соколова, 2019, с. 303].

Наиболее положительный отзыв об оформительской работе можно найти в мемуарах актера А.Мгеброва: он не раз упоминает, что ненавязчивые и лаконичные декорации В.А.Щуко к «Чистилищу святого Патрика» – трехпролетная аркада между двумя пилонами и ступени – «не мешали» ему играть, как и дрizenовская режиссура, заключающаяся, скорее, в ее отсутствии [Мгебров, 1929, с. 54] (сам барон, к слову, вообще не высказывает в своей заметке никакой конкретной реконструктивной концепции). Однако мнение Мгеброва крайне субъективно: он был одним из немногих актеров «Старинного театра», обладавших довольно ярким талантом и темпераментом, и потому стремился продемонстрировать их. Будь на его месте более слабый актер, зритель отнесся бы менее благосклонно к постановке вообще и особенно к такому оформлению, уже не вполне театральному, но и не воссоздающему полностью архитектурный контекст испанского театрального действия.

Тем не менее, среди спорных постановок «Старинного театра» был спектакль, о котором отозвались положительно все: от Э.Старка, относившегося к идее Евреинова с исключительным сочувствием, до петербургской публики и прессы. Это была поставленная самим Н.Н. Евреиновым «Игра о Робене и Марион» Адама де ла Аля, в которой был применен принцип «театра в театре»: пастурель задумано было представить так, как она могла разыгрываться в современном ей рыцарском замке. Незамысловатая бутафория, созданная М.В.Добужинским, – картонный крестьянский домик, несколько барашков, изображавших стадо, – расставлялась на сцене на глазах у зрителя. Она не выглядела ни современной стилизацией, ни неловким фрагментом масштабной обстановки: воссоздавался

сам принцип представления действия. Зрителю демонстрировалась не только пьеса как таковая, но и процесс ее постановки, что объясняло выдержанную на должном уровне условность и позволяло расценивать пьесу не просто как отдельное произведение театрального искусства, а как часть средневековой жизни. Такой прием диссонировал с требованием Н.Н. Евреинова верить в происходящее, но именно он, в сочетании с понятным и милым сюжетом и красивой музыкой, спас этот спектакль. Условность оформления не расходилась в данном случае с самим действием, а прием «театра в театре» был не так навязчив, как бурлескная эмоциональная толпа. Рукотворность декораций не скрывалась (как стремились сделать в других постановках, рисуя плоскостные горы или строя фрагмент собора), а обыгрывалась. И если в прочих спектаклях исторические изыскания не представляли для зрителей научного интереса, то здесь зрители, будучи свидетелями малой части этого реконструктивного процесса, заинтересовывались и чувствовали себя причастными к сюжету, который (как и желал Евреинов) мог воздействовать на их эмоции так же, как воздействовал шесть столетий назад.

Таким образом, «Старинный театр» продемонстрировал невозможность тотальной реконструкции постановок ушедших эпох, но создал крайне удачный вариант использования приема «театр в театре», который, к сожалению, не эксплуатировался Н.Н. Евреиновым в дальнейшем, так как не совсем соответствовал его непростой концепции.

### **Библиографический список**

1. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Кн. 5 / под ред. О.К. Логинова. М.: Наука, 1989. 711 с.
2. Бенуа А.Н. Дневник художника // Московский еженедельник. 1908. 21 янв. С.30.
3. Джурова Т.С. Концепция театральности в творчестве Н.Н. Евреинова: дис. канд. искусствоведения. СПб.: Издательство СПбГАТИ, 2010. 158 с.
4. Джурова Т.С. Театральность и реконструкция: Два сезона «Старинного театра» // Театрон. Научный альманах Санкт-Петербургской академии театрального искусства. 2008. № 1. С. 32–43.
5. Дризен Н.В. Старинный театр (Воспоминания) // Столица и усадьба. 1916. №71. С. 8–12.
6. Евреинов Н.Н. Введение в монодраму. СПб.: Издательство Н.И. Бутковской, 1909. 29 с.
7. Евреинов Н.Н. Старинный театр. Об актере средних веков // Театр и искусство. 1907. №50. С. 837–854.
8. Мгебров А.А. Жизнь в театре. М.-Л.: Academia, 1932. Т. II. Т.2. 510 с.

9. Миклашевский К.М. Гипертрофия искусства. СПб.; Петроград, 1924. 80 с.
10. Никитина Н.В. «Старинный театр» в зеркале зрительского восприятия русской публики начала XX в. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. №. 4. С.53–58.
11. Павлова О.А. Игра во имя игры в театрально-гедонистической утопии Н.Н. Евреинова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.8: Литературоведение. Журналистика. 2010. №. 8–9. С. 106–115.
12. Соколова Л.Н. Декорационные искания мирискусников на сцене Старинного театра // Художественная культура. 2019. Т. 2. №. 3. С. 300–311.
13. Старк Э.А. Старинный театр. СПб.: Издательство Н.И. Бутковской, 1911. 48 с.
14. Ханик Л.Ю. Н.Евреинов и Вс.Мейерхольд: подходы к стилизации в театральном искусстве эпохи модерна // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2019. №. 4. С. 204–222.

## **N. EVREINOV'S "STARINNIY THEATRE": ARCHEOLOGICAL RECONSTRUCTION OR THE "THEATRE IN A THEATRE"?**

*Meshalkina Ekaterina S.*  
National Research University  
Higher School of Economics,  
20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russia,  
esmeshalkina@edu.hse.ru

### **Abstract**

*The article provides a complex analysis of the approaches of the creators of the "Starinniy Theater" to the issues of directing and designing of the performances, and reviews the critical comments of contemporaries. An attempt is made to identify the most successful concept that corresponds to the original aim of the project. The article analyzes the discrepancy between the theoretical concept of theatricality and its practical implementation. The creators of the project did not adhere to a common directing concept. The subjective perception of the past by the design artists was not consistent with the reconstructive objectives of the project. Productions were not in demand by the modern audience, the model of interaction between the viewer and the actor was fundamentally impossible to reconstruct. The "theater in a theater" reception was the most successful, but it contradicted the original idea of the creator of the "Starinniy Theater" N. Evreinov.*

### **Keywords**

*Stylization; reconstruction; Starinniy Theater; N. Evreinov; audience perception; theater criticism; "theater in a theater".*



## **БИОГРАФИЯ ПРОФ. Г. О. ГОРДОНА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

*Курочкин Денис Михайлович*

Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»,  
105066, Россия, г. Москва, Мясницкая улица, 20,  
**newcoat@mail.ru**

### **Аннотация**

*В статье проанализирована историографическая база жизни педагога, педолога, историка и философа Г.О. Гордона (1885–1942 гг.). Автор приходит к выводу о невозможности опоры на существующие историографические работы, связанные с Г.О. Гордоном, для последующей разработки значения его личности. В связи с этим, будущим исследователям необходимо заново провести анализ источниковой базы, реконструирующей жизнь и творчество Г.О. Гордона.*

### **Ключевые слова**

*Г.О. Гордон; русская версия неокантианства; Д.С. Лихачев; интеллигенция; Соловецкий лагерь особого назначения.*

Московская интеллектуальная среда первой половины XX века в Российской империи и СССР вместила в себя разные по характеру события. Концентрирующееся в кружках студенческое сообщество в начале века устраивало дебаты, организовывало чтения и семинары. Студенты помогали преподавателям в лабораториях, публиковали результаты опытов, редактировали курсы лекций; они до ночи беседовали в гостях у профессоров. Интенсивно осуществлялась международная академическая мобильность. С образованием СССР стали заметны изменения. Идеология стала заметно вмешиваться в науку, образование и культуру: московские институции переименовывались, коренным образом изменялся их кадровый состав; в 1930-х гг. инакомыслящих интеллектуалов как неблагонадежных людей ссылали в исправительно-трудовые лагеря, преимущественно в Соловецкий лагерь особого назначения, где они «значительную часть своей духовной жизни посвящали отстаиванию своего права мыслить по-своему» [Лихачев. Воспоминания].

Многие интеллектуалы-свидетели этих событий были забыты. Кому-то возвратили имя в 1980-е гг., кто-то остается неизвестным широкому научному сообществу до сих пор. Одним из таких интеллектуалов является Г.О.Гордон (8 мая 1885 г., Спасск, Тамбовская губерния – 26 января 1942 г., Волжский ИТЛ, Ярославская область) – педагог, педолог, историк, философ; председатель общественно-педагогического отделения 1-го МГУ (1923 г.); профессор кафедры философии (1921-1925 гг.) факультета общественных наук 1-го МГУ; профессор этнологического факультета (1925–1929 гг.); член коллегии Наркомпроса РСФСР, заместитель председателя Совета по делам вузов, член педагогической секции Государственного ученого совета (1921–1930 гг.); действительный член Государственной Академии художественных наук (1925–1926 гг.), член-корреспондент (1926–1929 гг.); репрессирован дважды (1930 г., 1936 г.); реабилитирован посмертно (1957 г.). Когда научные и образовательные институции в 1920-х гг. стали переставлять на «новый правильный путь», Г.О.Гордон защищал в дебатах Г.И.Челпанова – основоположника экспериментальной психологии в Российской империи, бывшего учителя, с которым ранее спорил и расходился в философских взглядах и педагогической методике. Г.О.Гордон работал с Н.К. Крупской, А.В.Луначарским, П.П.Блонским. В Соловецком лагере особого назначения был другом 24-летнего Д.С.Лихачева, в будущем академика, который запечатлел Г.О.Гордона в мемуарах: «Его [Г.О.Гордона] появление всюду было всегда очень заметным, хотя подобающего ему места в жизни он никогда не занимал» [*Лихачев. Воспоминания*].

Исследователи нашли уже достаточно исторических и историографических источников, содержащих сведения о жизни и творчестве Г.О.Гордона, для его биографии. Цель этой статьи – выяснить, возможно ли опираться на сформировавшуюся историографическую базу для продолжения исследования личности Г.О.Гордона и включения его в идейный и социальный контекст социально-гуманитарного знания 1910–1930-х гг.

Жизнеописания Г.О.Гордона немногочисленны, несмотря на публикацию части его мемуаров и воспоминаний его детей [*Гордон, 1995; Бродский, 2002; Гордон, 2003; Гурова. Настоящая семья...; Гурова. Из письма Ирины Гордон; Папины письма..., 2015*]. Помимо эпизодических упоминаний в работах, имя профессора встречается на страницах «Российской педагогической энциклопедии» [*Богуславский, с. 219–220*] и «Педагогического энциклопедического словаря» [*Педагогический энциклопедический словарь, с. 351*], однако в статьях дата жизни Г.О.Гордона указана неверно. Возможно, из-за этого такая же ошибка встречается в более поздних публикациях.

Жизнью и творчеством Г.О.Гордона интересовались преимущественно исследователи истории философии (в особенности русской версии неокантианства). В диссертации на соискание степени кандидата философских наук К.Ю.Миронова оценивает философское наследие Г.О.Гордона, а также пытается пролить свет на вехи жизни профессора [*Миронова, 2012*]. Однако последнее переписано автором из своих ранее изданных статей, поэтому новизны не имеет.

Наиболее полная публикация, реконструирующая жизнь Г.О.Гордона, – «Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки» Н.А.Дмитриевой. Представленное автором знание можно разделить стилистически на попытку биографии и информацию об интеллектуальной среде начала XX в. Последняя дает представление об учебной деятельности Г.О.Гордона, качестве ее прохождения, об образе преподавателей в его восприятии, о курсах, пройденных в рамках летних семестров в Марбурге, о социальных связях в студенческом философско-психологическом сообществе. Однако эта ценная информация рассредоточена по просторам всего текста, поэтому теряется в массиве описываемого историко-культурного контекста. Попытка Н.А.Дмитриевой воссоздать и описать жизнь и творчество Г.О.Гордона представляет собой пересказ материалов Отдела рукописей Государственного музея изобразительных искусств имени А.С.Пушкина, скомпилированных в корпус источников и изложенных хронологически: «Повесть о моей жизни», «О пожертвовании С.И. Щукиным денег на строительство Института психологии», «Музыка в моей жизни» - фрагменты мемуаров-автобиографии Г. О. Гордона; «Биографическая справка о Гаврииле Осиповиче Гордоне составленная его сыном Г.Г. Гордоном», источники Императорского Московского университета, содержащие имя Г.О.Гордона, и воспоминания его сына о поездке в Соловецкий лагерь особого назначения. Кроме того, вызывает сомнение приписанное Г.О.Гордону авторство над очерками «Гигиена умственного труда» и «Охрана детства и материнства в России»: в каталогах Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки эти публикации хранятся под авторством Гордона Григория Израилевича. Вместе с тем, непонятно, почему в «Биографической справке...» и «Русском неокантианстве...» Г.О. Гордон значится автором «Материалов по истории революционного движения на западе», тогда как в издании написано: «Перевод с английского, под редакцией Г.И.Гордона» [Чартизм...]. В любом случае, опираться на этот текст как на научно-исследовательский невозможно.

В статье «Г.О. Гордон: судьба и философское творчество» К.Ю. Мироновой, по сравнению с предыдущим историографическим

источником, появляется исследовательская проблема – личность Г.О.Гордона незаслуженно забыта. Анонсировано, что «проводится анализ архивных материалов» [Миронова, 2009, с. 17], «детально исследуются его [Г.О.Гордона] воспоминания» [Миронова, 2009, с. 17]; заявлено, что «работа, <...>, посвящена реконструкции отдельных эпизодов творческой деятельности» [Миронова, 2009, с. 17] Г.О.Гордона. Целью К.Ю. Миронова ставит «дополнение предыдущих исследований по истории русской философии, восстановление контекста философского развития России в конце XIX–начале XX вв.» [Миронова, 2009, с. 18] Однако, исходя из такой логики, главная функция исследования – это производство знания ради его количества, важность которого еще должна быть определена позже, а не попытка ответить на исследовательский вопрос. Поэтому настоящая цель оказывается скрытой, а «восстановление контекста философского развития России в конце XIX–начале XX вв.» [Миронова, 2009, с. 18] на основе одних только материалов о судьбе и творчестве Г.О.Гордона в рамках одной статьи не представляется возможным, а если бы было осуществимо, то показывалось бы в силу ограниченности объема узко и основывалось бы на меньшей источниковой базе как объективированном результате творческой деятельности Г.О.Гордона и его современников; источниковой базе, которая использовалась бы для понимания событий интеллектуальной среды начала XX в., снижая стремление исследования к объективности.

Основную часть статьи К.Ю. Миронова начинает со следующего тезиса: «Гавриил Осипович Гордон по праву входит в число выдающихся представителей русской школы неокантианства» [Миронова, 2009, с. 18]. Во-первых, даже с позиции накопленных научных исследований на данный момент сложно оценить «вхождение по праву» ученого в число выдающихся представителей «русской школы неокантианства» начала XX в., в силу недостаточной разработанности в историографии проблемных вопросов жизни и творчества профессора, а также его коммуникации внутри научного сообщества. Во-вторых, к позиции К.Ю.Мироновой не склоняет ее аргументация. По логике автора, Г.О. Гордон должен входить «в число выдающихся представителей русской школы неокантианства», потому что «осуществлял преподавательскую, переводческую и публицистическую деятельность» [Миронова, 2009, с. 18], «в совершенстве владел семью языками» [Миронова, 2009, с. 18], был вовлечен «в круг мыслителей-неокантианцев» [Миронова, 2009, с. 18] по переписке с Б.А. Фохтом и учебой у Г.Когена и П.Наторпа. Поэтому, по моему мнению, пока сложно говорить о деятельности Г.О.Гордона как о «выдающейся». Однако стоит отметить, что некоторые современники Г.О. Гордона признавали его удивительно образованным

[Лихачев. Воспоминания]. Воспоминания детей Г.О. Гордона об отце также запечатлели его развитые когнитивные способности и сочетаются с содержанием мемуаров Д.С.Лихачева: «обладал невероятной памятью <...>. Очень хорошо знал всех философов XVIII–XIX вв. <...> до последних лет жизни держал в памяти сотни цитат из их произведений» [ОР ГМИИ. Ед. хран. 10. Л. 4–5]; «Гаврила Осипович Гордон, человек энциклопедических знаний, помнивший всего «Фауста» наизусть на немецком языке» [Лихачев. Воспоминания]; «у папы [у Г.О.Гордона] была колоссальная память, он знал наизусть все литургии» [Гурова, 2002]; «ни статьи, ни учебные пособия не дают представления о громадном диапазоне его знаний <...>. Для молодежи на Соловках он был своего рода университетом: он не просто давал справку по любому вопросу, а охотно для одного или двух мог прочесть импровизированную лекцию с точными библиографическими справками, привести цитаты, прочесть стихи» [Лихачев. Воспоминания].

К.Ю.Миронова, упоминая написание Г.О.Гордоном мемуаров «Повесть о моей жизни», ограничивает их обзор содержания и условий создания изложением сведений, подчерпнутых преимущественно из этого же исторического источника, хотя можно было бы их подтвердить и дополнить, сравнив с мемуарами Д.С.Лихачева и воспоминаниями детей Г.О.Гордона. Более того, это бы подчеркнуло важность «Повести...» как источника: «В 21 школьной тетради, исписанных мельчайшем почерком, описаны годы от рождения до окончания университета» [ОР ГМИИ. Ед. хран. 10. Л. 4]; «во время второго ареста, в Угличе, [Г.О.Гордон] писал воспоминания и пересылал нам» [Гурова, 2002]; «начало «Повести об моей жизни», <...> [Г.О.Гордон] написал во внеурочное время в совершенно невероятных условиях менее, чем за год, причем неострые главы по два раза, т.к. часть тетрадей искурили соседи по нарам» [ОР ГМИИ. Ед. хран. 10. Л.5]. О запечатлении Г.О.Гордоном воспоминаний Д.С.Лихачев свидетельствует: «Он [Г.О.Гордон] написал мне письмо из лагеря на Волге, в котором писал, что живет «отлично», пишет историю создания какого-то водохранилища, а заодно описывает и свою жизнь» [Лихачев. Воспоминания]; «мне говорили, что очень интересны огромные воспоминания Гаврилы Осиповича Гордона <...>. Г.О.Гордон знал Луначарского, Каменева и пр. Надо, чтобы Россия осталась хоть в памяти...» [Лихачев. Память истории священна]. Оригинальная версия «Повести о моей жизни» Г.О.Гордона, скорее всего, как и несколько предшествующих фрагментов мемуаров, не дошедших до детей, была утрачена: «Мои племянники [И.Г.Гуровой, дочери Г.О.Гордона] их потеряли, остались только выборки, сделанные моим покойным братом [Г.Г.Гордоном]» [Гурова, 2002]. Так или иначе, статья К.Ю.Мироновой не содержит анонсированного

осмысления или анализа архивного материала и историографии; это переписывание и перефразирование исторических источников без указания ссылок. Более того, были допущены ошибки при цитировании. Наконец, не выполнена задача введения «в философский оборот новых неопубликованных воспоминаний» [Миронова, 2009, с. 18], так как единственное задействованное – «Повесть о моей жизни» – было использовано Н.А. Дмитриевой в «Русском неокантианстве...».

Статья «Гавриил Осипович Гордон в воспоминаниях своих детей» – попытка К.Ю.Мироновой представить Г.О.Гордона как личность незаслуженно забытую, но впоследствии составившую славу русской версии неокантианства [Миронова, 2010, с. 59]. Первоначально К.Ю.Миронова объясняет, чем Г.О.Гордон может быть интересен: выпускник Московского и Марбургского университетов; автор мемуаров, публицистических статей и педагогических трудов, работ «по философии <...>, теории музыки» [Миронова, 2010, с. 59]; занимался переводческой деятельностью; «с Николаем Гартманом <...> провел сложнейшую работу по отработке терминологии для переводов на русский язык классических философских текстов» [Миронова, 2010, с. 59]; дружил с Б.Л.Пастернаком, который обратился к нему за рекомендательным письмом к Н. Гартману и назвал впоследствии его именем «одного из героев "Доктора Живаго"» [Миронова, 2010, с. 59]... Значительная часть статьи отведена пересказу мемуаров его сына «Поездка на Соловки в 1931 г.», результаты аналитической работы над которыми К.Ю.Миронова не приводит. Мемуары Г.Г.Гордона также требуют внимания при анализе, несмотря на то, что он осознает проблему субъективности воспоминаний, их возможность быть искаженными со временем: «Нет сомнения, что я многое позабыл, вполне вероятно, что в чем-то я искажил перспективу или даже факты, но, <...> ни разу не сделал этого сознательно» [ОР ГМИИ. Ед. хран. 13. Л. 27]. К.Ю.Миронова оставляет без анализа также воспоминания дочери Г.О.Гордона, И.Г.Гуровой, которые схожи с содержанием интервью И.Г.Гуровой, опубликованного в 2002 г. [Гурова и др., 2002], однако в ссылке указано, что ход событий записан со слов дочери в 2007 г. Наконец, по окончании основного текста в качестве приложения автор публикует без каких-либо пояснений письмо Г.О.Гордона жене, Е.Г.Гордон, из Сен-Клера [Миронова, 2010, с. 65]. Каким образом оно связано с воспоминаниями детей или поставленной целью не ясно: в содержании описывается путешествие, намек на тему взаимоотношений отца с детьми в семье Гордонов нет. У статьи отсутствует заключение или даже какое-либо подведение итогов. Она представляет не исследование, а сконструированный из нарративных фрагментов, неспособный ответить на вопрос о восприятии личности Г.О.Гордона семьей сырой материал, в надежде передать «то, что на самом деле было».

В источниковой базе действительно запечатлены основные черты характера Г.О.Гордона. Прежде всего, он сам пишет о себе в мемуарах: «Я никогда в жизни не умел подчинять свободу своей мысли – хотя бы и ошибочной – сторонним соображениям: риску испортить отношения, потерять чье-либо расположение, опасности так или иначе пострадать за свою независимость» [Гордон, 1995, с. 86]. Во-вторых, чтобы подтвердить собственную характеристику Г.О.Гордона, ее можно соотнести с воспоминаниями его сына, Г.Г.Гордона, и Д.С.Лихачева: «Был требователен к себе и к окружающим, исключительно честен и бескорыстен, прям и откровенен с людьми до наивности, очень темпераментен и нередко не сдержан <...>. Легко сходился с людьми – у него было много искренних друзей, и еще легче наживал себе врагов, которых было более, чем достаточно» [ОР ГМИИ. Ед. хран. 10. Л. 6]. Как пример последнего, Д.С.Лихачев свидетельствует: «Он [Г.О.Гордон] и из заднего ряда успевал бросить две-три реплики на нотации командира А. Кунста, которые тот читал нам на поверках [в Соловецком исправительно-трудовом лагере]. Реплики эти (в виде находчивых вопросов или поддакиваний, подчеркивающих глупость сказанного) могли вывести из себя любого дурака-командира»; «Молодежь Гаврила Осипович привлекал своей «жовиальностью», непосредственностью, полным отсутствием позерства <...>, неумением сдерживаться и откровенностью» [Лихачев. Воспоминания].

«Человек в истории и культуре: забытые страницы русского неокантианства» - статья Н.А.Дмитриевой, М.В.Воробьева, К.Ю.Мироновой, поднимающая проблему отсутствия философско-антропологических вопросов поставленных русской версией неокантианства «в исследованиях, посвященных русской философии» [Дмитриева и др., 2017, с. 94]. По мнению авторов, эти вопросы: «это проблема единства творчески деятельного и социально ответственного человека» [Дмитриева и др., 2017, с. 94]; «проблема свободы, права и социального принуждения» [Дмитриева и др., 2017, с. 94]. Поэтому публикация «посвящена экспликации и особенностям анализа этих проблем в работах русских неокантианцев» [Дмитриева и др., 2017, с. 94], а вспомогательной процедурой для поставленной цели коллектив называет введение в научный оборот новых материалов, а также малоизвестных текстов. Рассмотрение судьбы Г.О.Гордона скудно и, скорее всего, было приведено как аргумент к тезису о значимости архивных поисков в осмыслении «научного содержания и исторического контекста формирования философско-антропологических и философско-исторических концепций русского неокантианства» [Дмитриева и др., 2017, с. 99]. Никакой научно-исследовательской ценности кейс Г.О.Гордона в статье не представляет, как и

введение в научный оборот материалов, избавленных от процедуры анализа и построения на них выводов.

Подобным образом коллектив авторов лишь представляет Г.О.Гордона как создателя «Введения в философию» и «Клио»: краткого введения в изучение истории», не вдаваясь ни в анализ источников, ни контекста, не приводя результаты этих процедур. Поэтому невозможно выведение тезиса об этом опыте популяризации философии и историософии како важном «не только для понимания эпохи 1930-х гг. в СССР, но и для осмысления экзистенциального опыта, заключенного в сталинском лагере, ведь Гордон написал оба текста в конце 1930-х гг., т.е. в то время, когда он, осужденный на 5 лет лагерей, отбывал срок под Угличем» [Дмитриева и др., 2012, с. 100]. Понятие «популяризация» в данном случае некорректно: сочинения Г.О.Гордона не предназначались для *populi*: они были написаны для его дочерей Ирины и Елизаветы. По видовой принадлежности – это пропедевтика: их цель – учить философии и истории. В начале «Введения в философию» Г.О.Гордон открывает подробности условий создания источника: «Писал я в то набитых шумными, грубо бранящимися людьми в комнате штаба то ночью в бараке под храп чуждых мне и безразличных людей. Она писалась в дни неопределенности и томительного ожидания новых испытаний. ...Я писал его, не прибегая ни к каким ученым сочинениям (их и нет у меня здесь), прямо набело» [Архив общества «Мемориал». Ф. 2. Оп. 5. Д. 34. Л. 1]. Можно предположить, что «Повесть о моей жизни» была написана в этих же условиях.

Если результат осмысления и анализа источника не представлен, безосновательно говорить о значении его для эпохи, их отношении, а тем более о запечатлении контекста в нем. Попытка Н.А.Дмитриевой, М.В.Воробьева, К.Ю.Мироновой включить кейс Г.О.Гордона в исследование воспринимается на фоне остального текста инородно: фрагмент не помогает приблизиться к решению исследовательской проблемы; не приведены никакие философско-антропологические вопросы из заявленных трудов Г.О.Гордона. Использование авторами его кейса ставит в приоритет введение в оборот исторических источников, а не исследование проблемы.

Таким образом, я показал с помощью анализа, что невозможно опираться на существующую историографическую базу жизни и творчества Г.О.Гордона. Для того чтобы продолжить исследование его личности и связанных с ним тем, необходимо провести качественный анализ происхождения и содержания исторических источников.



## Библиографический список

1. Богуславский М. В. Гавриил Осипович Гордон // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 томах / гл. ред. В. В. Давыдов. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1993. Т. 1. 607 с.
2. Бродский Ю. А. Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.
3. Гордон Г. Г. «Поездка на Соловки в 1931 г.» Воспоминания 1976–1977 г. Декабрь 1976-февраль 1977 гг. Машинописная копия переделана автором в 1982 г. Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Кол. XI. Раз. V. Ед. хран. 13. 29 л.
4. Гордон Г. Г. Биографическая справка о Гаврииле Осиповиче Гордоне составленная его сыном Г. Г. Гордоном. 1 октября 1973 г. Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Кол. XI. Раз. V. Ед. хран. 10. 7 л.
5. Гордон Г. Г. Поездка на Соловки. 1931 год. По следам СЛОНа // Соловецкий вестник. Специальный выпуск. 2003. № 2 (21). С. 23–25.
6. Гордон Г. О. Из воспоминаний о профессоре Г.И. Челпанове // Вопросы психологии. М., 1995. № 1. С.84-96.
7. Гордон Г. О. «Повесть о моей жизни». 1939 г. Отрывок. Машинописная копия рукописных тетрадей выполнена Г. Г. Гордоном. 1970-е гг. Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Кол. XI. Раз. V. Ед. хран. 1. 23 л.
8. Гурова И. Г. Из письма Ирины Гордон. По следам СЛОНа // Соловецкий вестник. Специальный выпуск. 2003. № 2 (21). С. 22–23.
9. Гурова И. Г. Настоящая семья была у нас только два с половиной года. По следам СЛОНа // Соловецкий вестник. Специальный выпуск. 2003. № 2 (21). С. 22.
10. Гурова И.Г., Калашникова Е. Л. Свой метод я никому не рекомендую, но судят-то по результату...// Русский журнал. 04.12.2002. URL: [http://www.voppsy.ru/issues/1994/941/941011.htm#\\_ftn1](http://www.voppsy.ru/issues/1994/941/941011.htm#_ftn1) (дата обращения: 26.12.2018).
11. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 512 с.
12. Дмитриева Н. А., Воробьев М. В., Миронова К.Ю. Человек в истории и культуре: забытые страницы русского неокантианства // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 94–102.

13. Коллекция мемуаров и литературных произведений архива Общества «Мемориал». Ф. 2. Оп. 5. Д. 34. Введение в философию. 8/VI-1937 г. Углич. Машинописная копия. Копия. 41 л.
14. Лихачев Д. С. Воспоминания // Сахаровский центр. Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=325> (дата обращения: 23.12.2018).
15. Лихачев Д. С. Память истории священна // Журнал «Наше наследие». Русская история, культура, искусство. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6014.php> (дата обращения: 09.05.2019)
16. Миронова К. Ю. Г. О. Гордон: судьба и философское творчество // Изв. Сарат. ун-та Нов.сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. № 4. С. 17–21.
17. Миронова К. Ю. Гавриил Осипович Гордон в воспоминаниях своих детей // Кантовский сборник. 2010. № 1. С. 9–65.
18. Миронова К. Ю. Гавриил Осипович Гордон в истории русского неокантианства: дисс. канд. философ. наук. Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2012. 140 с.
19. Папины письма. Письма отцов из ГУЛАГа к детям / авт.-сост. А. Козлова, Н. Михайлов, И. Островская, С. Фадеева. М.: AgeyTomesh, 2015. 240 с.
20. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 528 с.
21. Чартизм // Материалы по истории революционного движения на западе / под ред. Г.И. Гордона. М.: Издание Ком. Ун-та имени Я. М. Сверлова. 1923. Вып. 1. 62 с. // Библиотека электронных копий раритетных изданий. URL: <http://oldlib.nlu.edu.ua/index.php?r=bookview/index> (дата обращения: 10.05.2020).

**PROF. G. O. GORDON'S BIOGRAPHY:  
A HISTORIOGRAPHIC ANALYSIS**

*Kurochkin Denis M.*  
National Research University  
«Higher School of Economics»,  
20, Myasnitskaya st., Moscow, 105066, Russia,  
newcoat@mail.ru

**Abstract**

*The article analyzes the historiographic basis of prof. G.O. Gordon's life (1885-1942) and work: he is a pedagogue, pedologist, historian and philosopher. The author concludes that it is not possible to rely on existing historiographical works related to G.O. Gordon for a subsequent development of his figure. Therefore, future researchers must re-analyze the source base, which reconstructs G.O. Gordon's life and work.*

**Keywords**

*G.O. Gordon; The Solovki special camp; D.S. Likhachev; The intelligentsia; Russian version of neo-Kantianism.*

## ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА ОБ ЛГБТ-СООБЩЕСТВЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ И УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ «ЦВЕТНЫХ» РЕВОЛЮЦИЙ 2010-2014 ГОДОВ

*Федоровский Павел Павлович*

Пермский государственный  
национальный исследовательский университет,  
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
frid\_fedorovsky@mail.ru

### **Аннотация**

*Одной из плохо освещённых тем для современного постсоветского пространства является вопрос о правовом и общественном статусе сексуальных и гендерных меньшинств и связанные с ними общественные дискуссии. В статье рассматриваются изменения дискурса об ЛГБТ-сообществе посредством отслеживания трансформаций социального образа социальной группы в публикациях СМИ Украины и Кыргызстана в период, охватывающий с 2009 по 2018 годы. В результате исследования выявлено доминирование нейтрального фрейма, отмечено, что чаще в рамках практик говорения в качестве собирательного образа сообщества понимаются люди гомосексуальной ориентации, а зависимость изменения дискурса от «цветных революций» не прослеживается.*

### **Ключевые слова**

*Фреймы; фреймирование; цветные революции; СМИ; медиа; ЛГБТ.*

Одной из составляющих социальной истории является история человеческих сообществ, развитие которых было ускорено в ходе становления «цифрового общества», распространения Интернета. Среди новых социумов отдельно можно выделить ЛГБТ-сообщество (лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры), примечательное тем, что выход его в публичное поле произошёл в контексте движения за его права.

Условная «первая волна» пришлась на страны Западной Европы и Северной Америки, однако в ходе разрушения советских институтов в республиках бывшего СССР (Союз Советских Социалистических Республик) дискурс о правах сексуальных и гендерных меньшинств вошел и в информационное пространство стран Содружества. Появление практик «говорения» об ЛГБТ-сообществе, традиционно маргинализируемых

социальных группах, в государствах, где существенным влиянием пользовались элементы «тюремной культуры», а «мужеложество» являлось уголовно наказуемым, вызвало закономерный резонанс. Отношение к представителям рассматриваемого сообщества, согласно, в том числе, опросам общественного мнения, имело выраженный негативный характер, иной раз перерастающий в акты агрессии или насилия, однако нельзя утверждать, что реакция носила гомогенный характер.

Нельзя сказать и что ситуация оставалась неизменной на всем протяжении периода с 90-х годов XX века по начало 10-х годов XXI века. Отдельного внимания в данном контексте заслуживает фактор «цветных революций», поскольку, к примеру, одной из причин украинского кейса послужил вопрос «о Евроинтеграции» (ассоциация с Европейским союзом), а признание ЛГБТ-сообщества как полноправной социальной группы традиционно рассматривается как одна из современных «западных ценностей», если говорить об информационном пространстве стран СНГ. Таким образом, гипотезой нашего исследования выступит предположение о том, что «Евромайдан» в Украине в 2013-2014 гг. и революция 2010 года в Кыргызстане способствовали улучшению «социального статуса» ЛГБТ-сообщества.

Что касается «общественного» / «социального статуса», в настоящей работе мы предлагаем понимать его как своеобразный «аватар» личности или определённого социума с точки зрения окружающих. Такой «аватар» является собирательным образом стереотипов, установок и ожиданий общества от человека или группы людей, которых он собой олицетворяет.

Чтобы отследить трансформацию социального статуса, существует несколько различных методик. Во многом «аватары» в современном обществе формируются посредством медиа. В зависимости от государственной риторики и доминирующих в среде СМИ (средств массовой информации) фреймов, которые приняты в отношении обозначенной темы, может видоизменяться отношение общества к отдельным социальным категориям. Основываясь на этой позиции, в качестве индикатора изменения социального статуса ЛГБТ-сообщества выступили крупные медиа, имеющие архив выпусков на собственных электронных ресурсах. Нами были выборочно взяты по два массовых СМИ для каждой страны, имеющие архив публикаций по интересующему нас периоду и входящие в национальные рейтинги наиболее читаемых средств массовой информации: «Вечерний Бишкек» и «Дело №» для Кыргызстана и «Комсомольская правда в Украине» и «Факты» для Украины.

Методикой в рамках нашего исследования послужила теория фреймирования, ее вариация, ориентированная конкретно на дискурс об

ЛГБТ-сообществе, предложенная К.С. Семькиной [Семькина, 2017]. Фреймы выступают здесь в роли специфичных «схем, в соответствии с которыми аудитории предлагается воспринимать сообщение», то есть рассмотрение публикаций в СМИ будет производиться посредством выявления смысловой посылки, которую они несут.

Поиск статей осуществлялся посредством следующих поисковых запросов: «лгбт», «гей», «гомосексуальность», «гомосексуализм», «лесбиянка», «бисексуал», «мужеложество», «трансгендер», «квир», «гей-парад», «содомит».

Для более глубокого понимания истоков и специфики дискурса помимо законодательных источников также использовались материалы местных ЛГБТ-организаций, международных правозащитных организаций, которые могут позволить взглянуть на ситуацию «изнутри».

После того как выбор типа источников разъяснён, необходимо сказать и о принципах, исходя из которых нами будут классифицироваться изменения социального статуса в рамках дискурса. Позитивным изменением будет считаться снижение общего уровня дискриминации и диффамаций в прессе, качественный переход от доминирования в публикациях фрейма опасности [Семькина, 2017, с. 337] и фрейма морали [Семькина, 2017, с. 340] к возрастанию числа нейтральных фреймов [Семькина, 2017, с. 339] и фреймов равенства [Семькина, 2017, с. 337]. В данном случае условно негативной будет считаться статья, относящаяся к фреймам опасности и морали, условно нейтральной, статья, содержащая одноимённый фрейм, а условно позитивной та статья, которая содержит фрейм равенства. «Улучшением» в социальной сфере будет считаться любое сокращение в процентном соотношении негативно окрашенных публикаций об ЛГБТ-сообществе и, соответственно, увеличение числа тестов, не имеющих эмоциональной окраски, либо несущих позитивный смысл (одобрение, к примеру) относительно предшествующих лет.

Важно также уточнить, что изменение положения чего бы то ни было во времени целесообразно рассматривать в рамках хронологического принципа. Это значит, что в первую очередь будут анализироваться документы и публикации, вышедшие раньше, для создания более целостной и понятной картины.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу СМИ, приведём небольшой исторический экскурс посредством разбора нормативно-правовой базы и изменения правового статуса рассматриваемого сообщества. Это позволит лучше понять контекст трансформационных процессов.

В Уголовном кодексе Украинской ССР от 1960 года [Уголовный кодекс Украины..., 1961] в статье 122, раздела III «за мужеложество» также предусматривалось наказание в виде лишения свободы, однако она была

изменена в редакции кодекса от 12 декабря 1991 года. В итоге наказанием сроком от двух до пяти лет стало караться только насильственное действие сексуального характера. Вероятно, важным моментом здесь служит тот факт, что срок наказания за изнасилование (раздел III, статья 117) лишь немногим больше размера наказания за гомосексуальную половую связь и составляет от трёх до восьми лет.

Окончательно статья «за мужеложество» утратит силу в 1991 году [О внесении изменений и дополнений..., 1991], ещё до принятия нового кодекса в 2001 г.

Уголовный кодекс Украины от 2001 [Уголовный кодекс Украины..., 2001] года различает просто «половое сношение» (раздел 4, статья 152), иными словами, «половое сношение естественным способом» и «половое сношение в извращённых формах» (раздел 4, статьи 153, 154), однако точного определения «извращённых форм» сексуального сношения в тексте документа не приведено. Важно отметить, что оба типа считаются тождественными по тяжести наказания. Также подобное деление наблюдается и в советской версии кодекса [Уголовный кодекс Украины..., 1961].

Конституция Украины от 1978 года декларирует в главе 5, статьях 132, 133 и 134 [Конституция Украинской Советской..., 1978] равенство граждан вне зависимости от пола, отношения к религии, расы и национальности, социального и имущественного положения. Здесь представлено довольно универсальное с точки зрения трактовки положение в современном контексте, но, что разумеется, исходя из состояния на момент принятия кодекса, говорить о том, что Конституция Украинской ССР того периода могла защищать и права сексуальных меньшинств по меньшей мере неправдоподобно.

Брак в советской украинской Конституции не упоминается. Ситуация меняется, когда принимается современная Конституция Украины, вступившая в силу в 1996 году [Конституция Украины..., 1996]. В новом тексте конституции брак вынесен в отдельную статью 51 в разделе II, в которой говорится о том, что «брак основывается на добровольном согласии женщины и мужчины». Сексуальная ориентация в контексте равноправия и недопустимости разжигания розни в тексте не фигурирует. Но формально она упоминается в контексте равноправия граждан, отсутствия дискриминации по какому бы то ни было признаку, о чём говорится в статье 24 Конституции Украины.

Уголовный кодекс Кыргызской республики от 1997 года [Уголовный кодекс Кыргызской..., 1998] уже представляет из себя постсоветский документ и уголовного преследования за «мужеложество» не предполагает (оно было отменено в 1998 году, с официальным вступлением в силу нового Кодекса). Он, как и ранее рассмотренные кодексы, не разграничивает меру наказания между

гетеросексуалами и представителями негетеросексуальной ориентации, предполагая по статьям 130, 131, 132 главы 18 Конституции «Преступления против человечности и половой свободы личности» одинаковое наказание.

С отменой Уголовного кодекса 1997 года и введением в 2019 году новой версии [Уголовный кодекс Кыргызской..., 2017] качественных изменений не произошло. Определение «гомосексуальности» как «мужеложества» и «лесбиянства» не исчезло. Поменялось только месторасположение статей. В новом Уголовном кодексе данные статьи переместились в главу 25 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы» и сменили номера: теперь это статьи 162 и 163, а последняя оказалась в главе 26 «Преступления против духовно-нравственного здоровья личности».

Гомосексуальные действия по-прежнему в Кыргызстане не являются отягчающим обстоятельством, и за преступление, связанное с насильственными действиями сексуального характера, вне зависимости от пола субъектов, им полагается одинаковое наказание.

Перейдем к Конституции [Конституция Кыргызской..., 1996]. Здесь буквально сразу же в разделе втором «Права и свободы человека», статье 15, пункте 3, отрицается сама возможность дискриминации, максимально пространно дается список оснований для нее. Опять же, темы сексуальной ориентации и гендерной идентичности можно в теории отнести к упомянутому социальному аспекту. Отметим, что в рассматриваемой Конституции ключевое внимание уделено политическим институтам.

Действующая Конституция [Конституция Кыргызской..., 2010] заявляет курс на увеличение представительства различных социальных групп в парламенте и тут же уточняет, что статья 2 распространяется только на те социальные группы, которые «определены законом». Также в статье 4 фиксируется право граждан на создание организаций, отстаивающих их интересы, в том числе в социальной сфере.

Про брак в новой версии Конституции говорится в главе II, статье 36: «Семья создаётся на основе добровольного союза мужчины и женщины». Важно подчеркнуть, что данная формулировка отсутствовала в тексте Основного закона до 2016 года [ЛГБТ-идентичность — это..., 1996] и была введена после дискуссий по поводу введения в Кыргызстане аналогового российскому закону «о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений».

В силу исторической общности (подразумевается то, что участники СНГ являлись частью единого государства), все рассмотренные страны имеют некоторую общую правовую традицию. Это видно, во-первых, на примере наличия в каждом из Уголовных кодексов статьи «за мужеложество»,



предполагающей уголовное преследование с последующим тюремным заключением за сексуальную связь между мужчинами. При этом любопытным является тот факт, что статья за аналогичные действия между женщинами отсутствует.

Во-вторых, общей особенностью уголовного законодательства этих государств является то, что на современном этапе для гетеросексуалов и гомосексуалов не предусмотрено различного наказания за один и тот же вид преступления, как, к примеру, в Российской Федерации (речь идёт о статье 134 УК РФ, где предусмотрено более строгое наказание за гомосексуальный половой акт) [Уголовный кодекс Российской..., 1997].

В-третьих, гомосексуальность во всех из этих стран была декриминализована за период 90-х годов XX века: в 1991 году в Украине и в 1998 году в Кыргызстане.

Общая тенденция, наметившаяся в рассмотренных странах постсоветского пространства на начало XXI века, свидетельствует о расширении правового статуса ЛГБТ-сообщества, однако важно отметить, что в отдельных государствах имел место так называемый «эффект бумеранга» [Кондаков, 2018, с. 26]. После массового расширения прав и свобод ЛГБТ в рамках процесса перестройки бывших стран, входивших в состав СССР, в конце первой – начале второй декады XXI века распространение получили идеи «обратного сокращения» объёма прав сексуальных и гендерных меньшинств. Принятие в России так называемого закона «о запрете пропаганды гомосексуализма» в 2013 году запустило цепную реакцию дискуссий в государствах-соседях.

Ни в одной из рассматриваемых стран так и не было принято законов, направленных исключительно против ЛГБТ-сообщества, однако отдельные небольшие изменения всё-таки свидетельствуют об «ухудшении» правового статуса, к примеру, в республике Кыргызстан. Если раньше возможность заключения однополого брака существовала в силу того, как трактовала вопрос семьи Конституция, то после внесения поправки о союзе «мужчины и женщины» [Конституция Кыргызской..., 2010], такая возможность была утрачена.

Теперь непосредственно к социальному статусу. Среди публикаций «Комсомольской правды в Украине» на интересующую нас тематику, первые материалы относятся к 2008 году. Для статьи «У геев женские мозги. Так вот в чём дело оказывается...» [Лаговский, 2008] определение фрейма оказывается задачей не столь однозначной. В отношении гомосексуалов автор использует уничижительную риторику, однако материал публикаций ни к фрейму опасности, ни к фрейму морали с полной уверенностью причислить не

представляется возможным. В самой статье речь идёт об исследовании мозга, выявившем, как пишет автор, меньший размер гипоталамуса у геев, относительно «нормальных» людей, т.е. людей гетеросексуальной ориентации.

Статья «Рязань обиделась на геев из-за гомосексуальных пикетов у детских библиотек» [Кулик, 2009] рассказывает о первом постсоветском введении запрета «на пропаганду гомосексуализма» в Рязани, отмечая: «...в качестве анонса к параду заезжие столичные гомосексуалисты выставили около Рязанской областной детской библиотеки одиночный пикет с плакатами следующего содержания: “Я горжусь своей гомосексуальностью. Спроси меня об этом”». Статья также неоднозначна, ведь как таковая негативная коннотация в ней отсутствует.

Статья «ВКонтакте заблокировала группу ЛГБТ-подростков» [Каташинская, 2015] являет собой пример нейтрального фрейма. К нему же, несмотря на заголовок, относится материал «Православная церковь остановит гей-апокалипсис» [Тарасюк, 2010], в котором повествуется о некотором смягчении отношения украинской православной церкви к легализации однополых браков.

Особый интерес представляет статья «Украинцы повторили эксперимент россиян и выяснили, как реагируют на геев в Киеве» [Соснина, 2015]. Здесь речь идёт об «эксперименте», заключающемся в наблюдении за реакцией прохожих на двух молодых людей, идущих, держась за руки (авторская орфография и пунктуация сохранены): «...за часовую прогулку не заметили агрессивной реакции, никто не выкрикивал в их адрес оскорбления, но по выражению лиц прохожих было понятно, что на них смотрят как на инопланетян, их фотографировали, а продавец цветов предложил "купить девушке цветочки" ... группа радикально настроенных молодых людей ... окружила пару. После вопросов патриоты ли они, один из них прыснул одному из участников эксперимента в лицо газовым балончиком. Остальные принялись бить парней ногами».

В целом, можно говорить, что с 2015 года число публикаций на ЛГБТ-тематику в украинских СМИ (по крайней мере, рассматриваемых в рамках данного анализа) существенно возросло. При том, подавляющее большинство публикаций и в «Комсомольской правде», и в «Фактах» носят нейтральный характер.

Таблица 1

На материалах газеты «Комсомольская правда в Украине»

Год/характер	Негативный	Нейтральный	Позитивный	Не определено
2018	0	63	2	-
2015	0	32	0	-
2012	0	8	1	-
2009	0	2	0	-

Таблица 2

На материалах газеты «Факты»

Год/характер	Негативный	Нейтральный	Позитивный	Не определено
2018	0	30	1	-
2015	0	6	0	-
2012	0	0	1	-
2009	0	2	0	-

Судя по материалам ЛГБТ-организации «Инсайт» события 2014 года были восприняты сообществом с воодушевлением [Права человека для ЛГБТ+..., 2018], однако смена власти, придерживающейся курса «диффамации ЛГБТ», существенных изменений не принесла. Во всяком случае, не сразу. Проводимый с 2010 года в Киеве «Марш равенства» был отменён, а последующие подвергались атакам «радикалов».

Что касается кейса Кыргызстана, в публикациях «Вечернего Бишкека» можно отследить тенденцию перехода от нейтрально-позитивного к отрицательному посылу в отношении сексуальных и гендерных меньшинств. Так, с 2012 по 2014 года больше всего новостных сюжетов носили нейтральный или позитивный характер. Элементы фрейма равенства присутствуют в таких публикациях как «В Бишкеке стартовала неделя против гомофобии и трансфобии» [Черникова, 2012], «Лесбиянки, геи и бисексуалы остались довольны встречей с Турсунбеком Бакуловым» [Яловкина, 2012] и «В проекте запрета гей-пропаганды увидели нарушения Конституции» [Яловкина, 2014].

Нейтральный фрейм содержит статья «Круглый стол «ВБ»: нужен ли запрет на пропаганду ЛГБТ?» [Яловкина, 2015] «Арнамысовец призвал создавать плохое мнение об однополых браках» [Джумашева, 2014], где представлены обе точки зрения на проблему.

В 2014 году количество публикаций на тему ЛГБТ возрастает, что вызвано начавшимися обсуждениями в парламенте Кыргызстана введения закона «о запрете пропаганды ЛГБТ» на фоне принятия в России так называемого «закона о пропаганде гомосексуализма» в 2013 году. Появляются, в частности, статьи, носящие негативный характер: «Тенденцию роста нетрадиционной ориентации назвали вредной для общества» [Джумашева, 2014], «Депутат: Запрет гей-пропаганды не ущемляет права граждан» [Юсупова, 2014]. Значительный рост фрейма опасности приходится на 2016-2017 годы, находящиеся уже вне рассматриваемого периода: «ЛГБТ и террористов – в топку. Требования гражданских активистов» [Тимаев, 2017], «Сегодня: МВД – перезагрузка, лобби геев и США, укус каракурта» (Соединённые Штаты Америки) [Суротчуев, 2016]. Исключения из обозначенной тенденции встречаются, но в поздних публикациях за 2018 год: «Целующиеся на улице геи шокировали жителей Алматы» [Целующиеся на улице..., 2018], что не относится к изучаемому нами периоду.

Таблица 3

На материалах газеты «Вечерний Бишкек»

Год/характер	Негативный	Нейтральный	Позитивный	Не определено
2018	1	2	2	-
2015	5	26	3	-
2012	0	5	2	-
2009	0	0	0	-

Таблица 4

На материалах газеты «Дело №»

Год/характер	Негативный	Нейтральный	Позитивный	Не определено
2018	0	1	0	-
2015	3	1	0	-
2012	3	0	0	-
2009	0	0	0	-

В целом, публикации по интересующей нас тематике в СМИ Кыргызстана встречаются существенно реже, чем в украинских медиа. Публикации до 2012 года в изданиях «Вечерний Бишкек» и «Дело №» на тему ЛГБТ-сообщества не появлялось. По крайней мере, по избранной выборке запросов.

Также можно сказать, что на 2015 год пришлось наибольшее количество публикаций, связанных с сексуальными и гендерными меньшинствами, что может быть связанным с продолжающейся дискуссией по поводу законопроекта о сужении объёма прав и свобод ЛГБТ-сообщества в Кыргызстане.

На основании полученных данных можно заключить, что тема ЛГБТ во втором десятилетии XXI века начала чаще появляться в информационном пространстве. В ходе анализа характера публикаций посредством выделения фреймов оказалось, что в среднем они носят нейтральный характер. Для отдельных изданий в отдельные годы может быть характерным преобладание публикаций с наличием негативной посылки, фреймами опасности или морали, но это частные случаи.

Тем не менее, судя по настроениям в обществе, уровень гомофобии в этих государствах по-прежнему остаётся на довольно высоком уровне. Люди, которые выступают против ЛГБТ, достаточно часто используют аргументы демографического и идеологического характера. Под «демографическим» подразумевается опасение того, что если, к примеру, однополые браки будут разрешены, то человечество может быть поставлено на грань вымирания.

«Идеологические» аргументы подразумевают страх перед тем, что сексуальность человека может быть навязана и усвоена индивидом. Во многом данный страх конструируется и поддерживается государственными властями, которые рисуют в сознании своих граждан «образ гомосексуализма» как специфической идейной установки. Вероятно, поэтому фрейм морали в СМИ стран СНГ значительно уступает фрейму опасности.

Также часто на вопрос о том, почему в странах СНГ, в частности, в государствах Центральноазиатского региона довольно высок уровень гомофобии, исследователи [Уилкинсон, 2018, с. 177] отвечают, что существенное влияние оказывают традиционные ценности и ксенофобия, страх необходимости перестраивать собственные модели поведения [Амир Шайкежанов об..., 2018]. Так, влияние фактора традиции в первую очередь отражается на детях, поскольку им в процессе социализации традиционные ценности передаются родителями [Гарифуллина, 2018, с. 367]. Исходя из еще советской традиции и отсутствия длительного периода активной деятельности сообществ в указанных странах, незначительная видимость их в обществе с

учетом государственной риторики приводит к стигматизации членов сообщества [Хитрук, 2014, с. 55], широкому распространению стереотипических паттернов.

Стигматизация ведет к установлению коммуникативных барьеров [Чудинова, 2017, с. 486], которые также препятствуют видимости ЛГБТ в обществе и в конечном итоге приводят к укоренению стереотипов, что находит отражение в различных социологических исследованиях. Как отмечает И. Кон, часто мнения респондентов не основываются на личном опыте [Кон, 2007, с. 62].

Важно отметить, что, как упоминалось ранее, в ходе запуска целой серии дискуссий на государственном уровне о необходимости ограничений для ЛГБТ-сообщества (начало ей было положено в результате принятия в РФ так называемого «закона о запрете пропаганды гомосексуализма») произошла активизация общественных течений (к примеру, движение «За сильный Кыргызстан и здоровую нацию» [Против чуждых..., 2015]), выступающих в лучшем случае против однополых браков, в худшем – за уголовное преследование и введение смертной казни для членов ЛГБТ-сообщества.

Отчасти такая риторика может быть вызвана текущим вектором государственной политики. Как пишет И. Кон, «...они (ЛГБТ) оказались заложниками нового противостояния России и Запада» [Кон, 2007, с. 67]. Под условной «Россией» здесь можно понимать «страны, придерживающиеся традиционных ценностей в вопросах внутренней политики». Это вполне вписывается в описанный А.Кондаковым образ «новой холодной войны» [Кондаков, 2018, с. 23] между сторонниками и противниками социальной эмансипации ЛГБТ-сообщества.

Возвращаясь к «демографическому» фактору гомофобии, укажем на то, почему данный аргумент против ЛГБТ-сообщества применим и в данном контексте. В условиях отрицательного естественного прироста и в рамках современных, в том числе, демократических режимов, государство стремится усилить свой «контроль над телом» в целях стабилизации показателя рождаемости на необходимом уровне [Соболева, Бахметьев, 2014, с. 219]. Стремление власти ввести ограничения и сокращать правовой статус (а также проводя политику дискриминации через медиа) сексуальных и гендерных меньшинств может быть продиктовано интересами демографической политики.

Присовокупим ко всему вышеперечисленному и доминирующую позицию церкви, позицию радикальных и правых организаций [Кон, 2007, с. 64], которые также выступают против расширения правового статуса сексуальных и гендерных меньшинств, и «аватар» сообщества в лице общества рассматриваемых государств будет считаться в большей или меньшей степени сформированным.

Резюмируя все выше сказанное, стоит отметить, что никакого единого тренда в рассмотренных государствах относительно дискурса об ЛГБТ-сообществе выделить не представляется возможным, за исключением общего возрастания числа упоминаний в СМИ, но и здесь каждый кейс имеет свою специфику: в Украине тренд на возрастание числа публикаций сохранился и к 2018 году, тогда как для Кыргызстана пик пришёлся на 2015 год, период активных дискуссий вокруг принятия «закона против пропаганды нетрадиционных отношений». В Украине в целом наблюдается тенденция позитивного представления ЛГБТ-сообщества, тогда как Кыргызстан совершил в некотором роде обратный разворот. Доминирующим фреймом в среднем выступил нейтральный фрейм, реже, в зависимости от конкретного медиа, фреймы морали и угрозы, еще реже фрейм равенства (с рядом оговорок). Что любопытно, чаще всего в фокусе внимания находились конкретно люди гомосексуальной ориентации, конструируемые в качестве некоторого собирательного образа всей социальной группы.

Важно также отметить, что на эти процессы существенное влияние оказало принятие так называемого закона «о запрете пропаганды гомосексуализма» в России как прецедент для подобных инициатив в странах-соседах Российской Федерации, однако выявить зависимость изменения дискурса об ЛГБТ-сообществе и произошедших «цветных революций» в Кыргызстане и Украине не удалось. Как представляется, причина заключается в том, что оба события сами по себе никак не проблематизировали тему ЛГБТ-сообщества, были направлены на достижения совершенно иных целей, потому смена элит никак не поспособствовала изменению статуса-кво по рассматриваемому вопросу.

### **Библиографический список**

1. Амир Шайкежанов об ЛГБ: «Просто необходима здоровая реакция» // VoxPopuli. 2018. URL: <http://www.voxpopuli.kz/interview/amir-shaykezhanov-ob-lgb-prosto-neobhodima-zdorovaya-reaksiya-13200.html> (дата обращения: 1.05.2019).
2. Гарифуллина З.Р. Гомосексуальность как феномен в восприятии подростков // XLVI Итоговая студенческая научная конференция Удмуртского государственного университета. Ижевск, 2018. С. 366-368.
3. Джумашева А. Арнамысовец призвал создавать плохое мнение об однополых браках // Вечерний Бишкек. 2014. URL: [https://www.vb.kg/doc/276087\\_arnamysovec\\_prizval\\_sozdavat\\_plohoe\\_mnenie\\_ob\\_odnopolyh\\_brakah.html](https://www.vb.kg/doc/276087_arnamysovec_prizval_sozdavat_plohoe_mnenie_ob_odnopolyh_brakah.html) (дата обращения: 1.05.2019).

4. Джумашева А. Тенденцию роста нетрадиционной ориентации назвали вредной для общества // Вечерний Бишкек. 2014. URL: [https://www.vb.kg/doc/276073\\_tendenciu\\_rosta\\_netradicionnoy\\_orientacii\\_nazvali\\_vrednoy\\_dlia\\_obshestva.html](https://www.vb.kg/doc/276073_tendenciu_rosta_netradicionnoy_orientacii_nazvali_vrednoy_dlia_obshestva.html) (дата обращения: 1.05.2019).
5. Каташинская А. «ВКонтакте» заблокировала группу ЛГБТ-подростков // Комсомольская правда в Украине. 2015. URL: <https://kp.ua/life/513631-vkontakte-zablokurovala-hruppu-lhbt-podrostkov> (дата обращения: 1.05.2019).
6. Кон И.С. Гомофобия как лакмусовая бумажка российской демократии // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. М., 2007. № 6. С. 59–69.
7. Кондаков А.А. Международные дискуссии о гомосексуальности: эффекты бумеранга в потоках власти // Социология власти. М., 2018. № 1. С. 14–32.
8. Конституция Кыргызской республики от 27 июня 2010 года // Редакция Закона Кыргызской Республики от 28 декабря 2016 года № 218. 2016.
9. Конституция Кыргызской республики от 5 мая 1993 год // Редакция Законов Кыргызской Республики от 16 февраля 1996 года № 1. № 134.
10. Конституция Украинской Советской Социалистической Республики от 20 апреля 1978 года. URL: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/istoriya/1978.html> (дата обращения: 1.05.2019).
11. Конституция Украины от 28 июня 1996 года № 254/96-ВР // Ведомости Верховной Рады Украины. 1996. № 30. С. 141.
12. Кулик А. Рязань обиделась на геев из-за гомосексуальных пикетов у детских библиотек // Комсомольская правда в Украине. 2009. URL: <https://kp.ua/politics/175750-riazan-obydelas-na-heev-yz-za-homoseksualnykh-ryketov-u-detskykh-byblyotek> (дата обращения: 1.05.2019).
13. Лаговский В. У геев женские мозги. Так вот в чём дело оказывается... // Комсомольская правда в Украине. 2008. URL: <https://kp.ua/life/48169-u-heev-zhenskye-mozggy-tak-vot-v-chem-delo-okazyvaetsia> (дата обращения: 1.05.2019).
14. ЛГБТ-идентичность — это политический выбор // Kok.Team. 2018. URL: <https://www.kok.team/ru/2018-11-08/lgbt-identichnost-eto-politicheskiy-vybor> (дата обращения: 1.05.2019).
15. О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украинской ССР // Ведомости Верховной Рады Украины. 1991. № 1974-ХІІ. П. 2.
16. Права человека для ЛГБТ+ в Украине после Евромайдана. URL: [https://www.lgbt.org.ua/ru/materials/show\\_4758/](https://www.lgbt.org.ua/ru/materials/show_4758/) (дата обращения: 1.05.2019).
17. Против чуждых ценностей // Дело №. 2015. URL: <https://delo.kg/?p=4735> (дата обращения: 1.05.2019).



18. Семькина К.С. Однополые браки в российских медиа: между нейтралитетом и опасением // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М., 2017. № 5 (141). С. 329–344.
19. Соболева И., Бахметьев Я. «Меня как будто вытолкали за ворота»: реакция ЛГБТ на «запрет пропаганды гомосексуализма» // Журнал исследований социальной политики. М., 2014. № 2. С.217–232.
20. Соснина И. Украинцы повторили эксперимент россиян и выяснили, как реагируют на геев в Киеве // Комсомольская правда в Украине. 2015. URL: <https://kp.ua/kiev/506866-ukrayntsy-povtoryly-eksperyment-rossyian-y-vyiasnyly-kak-reahyruuit-na-heev-v-kyeve> (дата обращения: 1.05.2019).
21. Суротчуев Э. Сегодня: МВД - перезагрузка, лобби геев и США, укус каракурта // Вечерний Бишкек. 2016. URL: [https://www.vb.kg/doc/340692\\_segodnia:\\_mvd\\_perezagryzka\\_lobbi\\_geev\\_i\\_ssha\\_ukys\\_karakyrta.html](https://www.vb.kg/doc/340692_segodnia:_mvd_perezagryzka_lobbi_geev_i_ssha_ukys_karakyrta.html) (дата обращения: 1.05.2019).
22. Тарасюк А. Православная церковь остановит гей-апокалипсис // Комсомольская правда в Украине. 2010. URL: <https://kp.ua/life/218415-pravoslavnaia-tserkov-ostanovyut-hei-apokalypsys> (дата обращения: 1.05.2019).
23. Тимаев А. ЛГБТ и террористов - в топку. Требования гражданских активистов // Вечерний Бишкек. 2017. URL: [https://www.vb.kg/doc/369009\\_lgbt\\_i\\_terroristov\\_v\\_topku.\\_trebovaniia\\_grajdanskih\\_aktivistov.html](https://www.vb.kg/doc/369009_lgbt_i_terroristov_v_topku._trebovaniia_grajdanskih_aktivistov.html) (дата обращения: 1.05.2019).
24. Уголовный кодекс Кыргызской республики от 1 октября 1997 года № 68 // Редакция законов КР. 1998.
25. Уголовный кодекс Кыргызской республики от 2 февраля 2017 года № 19 // Сборник законов КР. 2019.
26. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. ст. 2954. 1997.
27. Уголовный кодекс Украины от 28 декабря 1960 года // Редакция законов УССР от 1 апреля 1961. 1961.
28. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III // Редакция законов Украины. 2001.
29. Уилкинсон К. «Традиционные ценности» на практике: возникновение и оспаривание законов «о пропаганде гомосексуализма» в России // Социология власти. М., 2018. № 1. С. 175–204.
30. Хитрук Е.Б. Практики устыжения в социальном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2014. № 384. С. 53–59.

31. Целующиеся на улице геи шокировали жителей Алматы // Вечерний Бишкек. 2018. URL: [https://www.vb.kg/doc/371655\\_celyushiesia\\_na\\_ylice\\_gei\\_shokirovali\\_jiteley\\_almaty.html](https://www.vb.kg/doc/371655_celyushiesia_na_ylice_gei_shokirovali_jiteley_almaty.html) (дата обращения: 1.05.2019).

32. Черникова Е.В. Бишкеке стартовала неделя против гомофобии и трансфобии // Вечерний Бишкек. 2012. URL: [https://www.vb.kg/doc/188845\\_v\\_bishkeke\\_startovala\\_nedelia\\_protiv\\_gomofobii\\_i\\_transfobii.html](https://www.vb.kg/doc/188845_v_bishkeke_startovala_nedelia_protiv_gomofobii_i_transfobii.html) (дата обращения: 1.05.2019).

33. Чудинова Л.А. Социальная стигматизация представителей ЛГБТ-культуры // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. Пермь, 2017. № 1. С. 483–487.

34. Юсупова Д. Депутат: запрет гей-пропаганды не ущемляет права граждан // Вечерний Бишкек. 2014. URL: [https://www.vb.kg/doc/269396\\_depytat:\\_zapret\\_gey\\_propagandy\\_ne\\_yshemliaet\\_pra\\_va\\_grajdan.html](https://www.vb.kg/doc/269396_depytat:_zapret_gey_propagandy_ne_yshemliaet_pra_va_grajdan.html) (дата обращения: 1.05.2019).

35. Яловкина А. В проекте запрета гей-пропаганды увидели нарушения Конституции // Вечерний Бишкек. 2014. URL: [https://www.vb.kg/doc/269476\\_v\\_proekte\\_zapreta\\_gey\\_propagandy\\_uvideli\\_narysheniia\\_konstitucii.html](https://www.vb.kg/doc/269476_v_proekte_zapreta_gey_propagandy_uvideli_narysheniia_konstitucii.html) (дата обращения: 1.05.2019).

36. Яловкина А. Круглый стол «ВБ»: нужен ли запрет на пропаганду ЛГБТ? // Вечерний Бишкек. 2014. URL: [https://www.vb.kg/doc/275935\\_kryglyy\\_stol\\_vb:\\_nyjen\\_li\\_zapret\\_na\\_propagandy\\_lgbt.html](https://www.vb.kg/doc/275935_kryglyy_stol_vb:_nyjen_li_zapret_na_propagandy_lgbt.html) (дата обращения: 1.05.2019).

37. Яловкина А. Лесбиянки, геи и бисексуалы остались довольны встречей с Турсунбеком Бакуловым // Вечерний Бишкек. 2012. URL: [https://www.vb.kg/doc/183466\\_lesbiianki\\_gei\\_i\\_biseksyaly\\_ostalis\\_dovolny\\_v\\_strechey\\_s\\_tursynbekom\\_akynom.html](https://www.vb.kg/doc/183466_lesbiianki_gei_i_biseksyaly_ostalis_dovolny_v_strechey_s_tursynbekom_akynom.html) (дата обращения: 1.05.2019).

## **TITLE TRANSFORMATIONS OF PUBLIC DISCOURSE ON THE LGBT COMMUNITY IN KYRGYZSTAN AND UKRAINE IN THE CONTEXT OF “COLORED” REVOLUTIONS OF 2010-2014**

*Fedorovsky Pavel P.*  
Perm State University, 15, Bukireva str.,  
Perm, 614990, Russia,  
[frid\\_fedorovsky@mail.ru](mailto:frid_fedorovsky@mail.ru)

### **Abstract**

*One of the poorly covered topics for the modern post-Soviet space is the issue of the legal and social status of sexual and gender minorities and related public*

*discussions. The article discusses changes in the discourse about the LGBT-community by tracking the transformations of the social image of LGBT in the media publications of Ukraine and Kyrgyzstan over the period from 2009 to 2018. The study revealed the dominance of a neutral frame, noted that in speaking practice more often a homosexual person understood as a collective image of a community, and concluded dependence of discourse changes on “color revolutions” is not traced.*

**Keywords**

*Frames; framing; colored revolutions; mass media; media; LGBT.*

## ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ КАК ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Неплюев Петр Андреевич*

Пермский государственный  
национальный исследовательский университет,  
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
peter.neplyueff@yandex.ru

### **Аннотация**

*Публичная история – это относительно новое поле исторических исследований, которое, несмотря на появление в 1970-х годах, все еще не имеет единого определения, трактовки, сферы деятельности и участников. В статье предпринимается попытка определить поле исследований публичной истории, а также кто является ее акторами. Особое внимание уделяется теории публичной сферы Ю. Хабермаса, определяющего понятия «частное» и «публичное», что имеет ключевое значение для Public History, а также теории множественности историй Х. Уайта.*

### **Ключевые слова**

*Публичная история, частное, публичное, Хабермас, публичная сфера, множественность истории.*

Феномен публичной истории уже не одно десятилетие находится на передовой исторической науки, занимая все более важное положение в жизни профессиональных историков. Сама популяризация исторического академического знания на язык неподготовленной аудитории стремительно захватывает публичную сферу по всему миру. За годы с момента возникновения в университетах начали появляться новые программы, связанные с публичной историей. Сегодня, помимо США, они существуют практически во всех европейских странах, Азии, Австралии. Активно отрасль развивается и в России, где количество университетов, работающих над обучением публичных историков, постоянно растет [Исаев, 2016, с.11]. Но даже при такой высокой степени изучения единого мнения о том, что же такое «публичная история» за почти пять десятилетий существования дисциплины так и не появилось. Определению этой относительно новой исторической сферы деятельности, а также ее месту в современном научном знании и посвящено данное исследование.

Дискуссия об этой новой сфере начинается «с порога»: нет ни единого определения дисциплины, ни единых целей и задач, ни даже общей трактовки направления движения и сферы деятельности публичной истории. И количество трактовок постоянно растет, в зависимости от признаков и отличий публичной истории от других сфер исторической науки. В тех же случаях, когда исследователи все-таки устанавливают рамки публичной истории в США или Великобритании, это вовсе не означает релевантность этих установок в другом национальном контексте или в другие временные периоды. Подобная неопределенность вызывает недовольство среди некоторых кругов академических историков, которые требуют четкого определения публичной истории как «изучения истории вне академии» или «работы тех, кто не выбирает историческую проблему» [Gardner, Hamilton, 2017, с. 2–5].

Подобные определения скорее относятся к понятию «прикладная история», появившегося в начале XX века в трудах американских историков Б. Шамбо, Ф. Джеймисона и Г. Фриденвальда [Conard, 2013, p. 10]. Сегодня ни одно из этих определений не способно вместить в себя разросшуюся и диверсифицированную сферу публичной истории, которая включает в себя обучение в университете, околоуниверситетскую публичную инфраструктуру и работу публичных историков «в поле». Сама попытка определить историю публичную через историю прикладную начала XX века сильно упрощает отношения между историками и потребителями исторического продукта. Публичные историки, работая в музеях и других культурных институциях, участвуют в совместных проектах с академическими историками. Академические историки часто на протяжении длительного времени работают в публичном поле. Для некоторых публичная история – это источник средств для жизни, для других – отдых или хобби [deGru]. Часто публичная история – это политическая деятельность через помощь сообществам в изучении их истории или способ влияния через улучшение исторической грамотности населения на государственные практики [Gardner, Hamilton, 2017, p. 1–3]. Для части публичных историков (особенно британских) Public History – это отражение «истории снизу», традиционного направления изучения истории на микроуровне локальными сообществами. До появления публичной истории, движение локальной истории стало самой состоятельной альтернативой академической истории во многих странах мира [Grele, 1981, с. 40–48]. Это «Новое историческое движение» нашло свою основу в тезисе шведского публициста Свена Линдквиста «Копай, где стоишь». Каждый мог быть специалистом в своей собственной истории, то есть сфере, в которой он живет и работает. «Новое историческое движение» сделало упор на локальный

контекст – города, деревни, предприятия, районы, дворы [Акерман и др.]. Не обошел этот процесс и СССР, где, начиная с конца 1950-х годов, росло и ширилось краеведческое движение, вершиной которого стало создание в 1965 году Общества по охране памятников истории и культуры (ВООПИК). В случаях с локальной историей, профессиональный историк — это не всезнающий ментор, а посредник, который благодаря своему набору навыков и умений помогает создавать прошлое на локальном уровне. В таких случаях, неучастие публики в процессе создания прошлого делает работу публичного историка бесполезной [Archibald, 1997, p. 61–64].

Тем не менее, когда для одних публичная история – это широкий «зонтик», который принимает в себя все формы популярной истории, а для других это форма борьбы с «башней из слоновой кости», где сидят академические историки, для пользы моего исследования необходимо выделить общие черты, присущие этому направлению и определить его сферу деятельности. Определения феномена публичной истории впервые появляются на страницах специализированного журнала – *The Public Historian*, начавшего выходить в 1978 году в США. Здесь публичная история – это поле деятельности, включающее в себя исторические исследования, анализ и их презентацию, с некоторой степенью специфического применения к современной жизни [Gardner, Hamilton, 2017, p. 1–3]. В том же году историк Р.Келли, один из основателей американского направления *PublicHistory*, на страницах *The Public Historian* предложил другой вариант определения: «публичная история – это работа историка и использование исторических методов за пределами академии» [Kelly, 1978, p. 16]. Историк становится публичным, когда его профессиональная деятельность – часть публичного процесса [Там же]. Стоит отметить, что в такой трактовке, основной упор по-прежнему делается на профессионалов, которые работают в публичной сфере.

В отличие от американского, классического варианта британские историки видели публичную историю и ее роль иначе. Л.Йорданова называла публичной историей не некий массив знаний, но определенный набор навыков, развитых и применяемых историком-практиком, для создания связи между публичной версией истории (медиа, реклама) и академической историей [Jordanova, 2000, p. 120].

Д. Лиддингтон выделяет две сферы в публичной истории, для каждой из которых существует свое определение. В широком смысле публичная история – это популярная презентация прошлого широкой аудитории, через музеи, памятные места, фильмы и исторические романы. В узком, *академическом*

смысле – это изучение того, как мы получаем наше знание о прошлом, через память, архивы, археологию и как это прошлое репрезентировано в публичной сфере [Liddington, 2002, p. 85].

Промежуточный итог в многолетней дискуссии подводит Т.Ковен. Он указывает на трансформацию образа публичной истории в 1990-е годы. Центром публичной истории становится публика, а не историк, вышедший со своими знаниями в публичное пространство. Т.Ковен указывает, что как часть фокуса на потребителя, американская публичная история в 1990-е становится «историей для публики, о публике и создаваемая публикой» [Cauvin, 2018, p. 17]. Центральное положение в публичной истории дало огромный всплеск интереса со стороны неакадемической аудитории, через фильмы, подкасты, видеоигры и прочие медиа, которые сегодня занимают намного большее место в дебатах о публичной истории, чем в 1970-е годы, у истоков дисциплины [там же].

Сам Ковен определяет публичную историю через три ключевые точки: передача исторического знания обывателю, аудитории, не связанной с академией, публичное участие населения в создании исторических сюжетов, а также использование исторической методологии для рассмотрения современных политических и других сюжетов [там же, с. 4].

Таким образом, несмотря на почти 50-летнюю историю движения, не существует единого определения или трактовки сферы деятельности, участников, а также целей и задач. Однако, из рассмотренных определений можно сделать вывод, что ключевым фактором является бытование истории в публичной сфере как практической, так и с теоретической точек зрения.

Само слова «публичный» не может не вызывать ряд вопросов. Для США, фактической родины публичной истории, это слово и его многочисленные производные (PR – publicrelations, publicity, publicservice, publicopinion<sup>1</sup>, publicinterest и т.д.) имеют огромное значение. Как отмечает Д.Лиддингтон, «американцы окружают слово «публичный» особым значением, исходящим из идеала гражданственности, лежащего у истоков американской демократии в Конституции и Билле о правах» [Liddington, 2002, p. 89].

Очевидно, что публичная история создается в публичной сфере. Однако, прежде чем перейти к публичной истории как к сфере исторических и философских исследований, необходимо понять, что же именно представляет

---

<sup>1</sup>Дословным переводом public будет «публичный», однако, в некоторых случаях «общество» или «общественный» имеют намного более глубокие корни в отечественной науке и будут использоваться в дальнейшем. Во всем остальном public – публичный и общественный равнозначные термины, на что, в том числе, указывает Г. Юдин в своей рецензии на труд Ю Хабермаса о публичной сфере и ее перевод на русский язык - Прим. автора.

собой публичная сфера, из чего или кого она состоит и кто является субъектом ее деятельности, а также рассмотреть ее противоположность – частную сферу.

### «Частное» и «публичное» в рамках PublicHistory

Для понимания, как закрытое академическое знание переходит в публичное поле, необходимо разобраться с самими философскими понятиями (концепциями) «частного» и «публичного», и какое они имеют значение для истории. Для помощи в данном вопросе я обращаюсь к одному из немногих социальных теоретиков, занимавшихся вопросом публичной сферы – Юргену Хабермасу и его труду «Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества». Так вышло, что Ю.Хабермас не получил должного внимания со стороны публичных историков. Отчасти это может быть связано с тем, что его первый и один из самых известных трудов о публичной сфере, выпущенный в 1962 году, был переведен на английский язык только в 1989 году, тем самым «пропустив» период институционализации публичной истории. Также, несмотря на актуальность проблематики публичной сферы в России после распада Советского Союза, по ряду причин Хабермас и его труд остался в некоторой степени закрытым для российского читателя. Переводились лишь некоторые вспомогательные статьи и лекции, не всегда понятные без центральной работы [Юдин, 2016, с. 124]. В России работа выходит более чем через полвека после написания, в 2016 году, вызвав ряд вопросов к качеству своего перевода.

Свое рассуждение Ю. Хабермас начинает с множественности значений слова «публичный» в общепринятых выражениях («публичное здание», «публичная власть», «публичный прием» и др.), которые, однако не несут в себе связи с самым общим пониманием категории «публичная сфера» (родственного выражениям «общественное мнение», «информированная публика», «публичность», «публиковать» и т.д.) [Habermas, 1991, p. 1]. Под публичной сферой он понимает часть нашей социальной жизни, в которой может формироваться общественное мнение [Habermas и др., 1974, p. 49]. Субъектом такой публичной сферы выступает общественность, как носитель общественного мнения, а ее основная, критическая, функция делает публичный характер значимым [Habermas, 1991, p. 2].

Происхождение публичной сферы и противоположной ей, частной сферы, Ю.Хабермас отслеживает до Древней Греции, где появляется данная категория. В полностью сформированном греческом городе-государстве существовало строгое разделение сферы *полиса* и *ойкоса*. Публичная жизнь была частью повседневной жизни всех свободных граждан и включала в себя



общегражданские собрания на агоре, дискуссии, консультации, участие в судах. Ойкос или домашнее хозяйство оставалось в тени частной сферы жителя города. В этой тени жили и работали женщины, рабы, приходила смерть. Статус публичной жизни был основан на статусе безоговорочного господства в ойкосе. Именно частью публичной жизни была борьба равных между собой владельцев ойкоса, тайная жизнь которого всегда оставалась за пределами публичной жизни [Там же, с. 2–3].

Ю. Хабермас подчеркивает, что с наступлением средних веков публичная сфера, как нечто противоположное частной сфере, исчезает. Тем менее, публичность сохраняется в репрезентации власти и ее символов. Феодалный лорд на любой ступени феодальной пирамиды оставался в неведении относительно категорий «частного» и «публичного», однако он публично представлял или репрезентировал себя как воплощение высших сил. Отсюда, Хабермас разделяет «репрезентативную» и «буржуазную» публичные сферы. Репрезентация государства, его целей и задач в буржуазной публичной сфере не имеет ничего общего с репрезентативной публичной сферой средневекового правителя, которая полностью завязана на существовании конкретного правителя. До тех пор, пока он является «государством», он репрезентирует себя «перед» людьми, а не «для» людей [Там же, с. 4–5].

В Новое время начинается долгий процесс дезинтеграции репрезентативной публичной сферы феодальных властей. К концу XVIII столетия они распадаются на частные и публичные элементы. Церковь меняется в ходе Реформации – теперь ее связь с божественной властью (религия) становится личным делом человека. Церковь же продолжает существование как одна из многих публичных организаций. Схожая поляризация происходит и с феодальной властью с появлением публичного бюджета и личных трат правителя на свой двор. Публичная власть, армия, бюрократия становятся независимыми от придворной жизни правителя. Также трансформируются и феодальные поместья: знать становится частью публичной власти, парламента, государственных институтов. Те же, кто занимался торговлей и ремеслами, превращаются в сферу буржуазного общества, отделенного от государства [Habermas и др., 1974, р. 50–52]. Как в своей рецензии отмечал Г. Юдин, «в этот момент меняется сам смысл публичной сферы: если в условиях абсолютизма она функционирует как пространство репрезентации господства, то теперь это зона управления общими интересами. Общие интересы, однако, не отсылают нас к *respublica*, но к расширению частных интересов, к необходимости организовывать экономические условия частной деятельности» [Юдин, 2016, с. 125].

Репрезентативная публичная сфера уступает место «публичной власти», которая появляется одновременно с национальными или территориальными государствами. Вместе с постоянно действующим государством (регулярной армией, бюрократическим аппаратом) рождаются постоянные отношения (биржи, пресса), выросшие из обмена товарами и информацией.

Так рождаются «частные индивиды» (исключенные из структур публичной власти, как не имеющие официальных должностей) и публичная власть становится в оппозицию к тем, кто когда-то был подчиненным этой власти. Общество, ставшее частным, теперь занимает оппозиционную, противоположную позицию по отношению к государству. Ю.Хабермас определяет «буржуазную публичную сферу» как сферу частных индивидов, которые собираются в некую публичную сущность, немедленно захватывая «интеллектуальные газеты» для выражения своего мнения и использования против публичной власти. В прессе они спорят с публичной властью об общих правилах социального взаимодействия в частных, но публично значимых сферах труда и торговли [*Habermas u др.*, 1974, p. 51–52].

В первых конституциях Нового времени закрепление неотъемлемых прав человека стало идеальным образцом либеральной модели публичной сферы. Они определяли общество как частную сферу с широкой автономией, в то время как функции государства во многом ограничивались до надзора за соблюдением законов. Между этими двумя сферами – частной жизни и публичной власти появляется публичная сфера, которая состоит из частных индивидов и основная задача которой – передача нужд общества государству [Там же, с. 52–53].

Ю.Хабермас закладывает основу модели публичной сферы, при которой общественность, участвуя в рациональных, критических дискуссиях формирует общественное мнение по важным политическим и социальным вопросам. Впрочем, по Хабермасу, демократическое расширение публичной сферы, включающее ранее исключенные социальные группы (представителей рабочего класса, женщин) не привело к расширению рационального, критического дискурса. Скорее наоборот, появление масс-медиа, массовой культуры, мирового рынка и welfarestate стало основой для размывания и ослабления публичной сферы, замененной псевдопубличностью потребителей культуры. Новые медиа лишают потребителя возможности выразить свое мнение, не согласиться. Критическая дискуссия уступает место разговорам о вкусах и предпочтениях между потребителями [*Habermas*, 1991, p. 171]. Для Ю.Хабермаса значительная часть потребителей медиа и массовой культуры, в противоположность буржуазной публичной сферы и ее газетам, не критичны. Они могут или принимать, или не принимать продукт масс-медиа, но они не

участвуют в критическом дискурсе, характерном старой публичной сфере [там же, с. 175].

Теория публичной сферы Ю.Хабермаса вызвала широкую критику. Среди главных точек критики было отсутствие инклюзивности в буржуазную публичную сферу женщин и других маргинализируемых групп, что крайне ограничивало «публичность» такой публичной сферы [Benhabib, 1992, p. 108–114]. С доминированием одной группы – мужчин-буржуа – тесно связана другая точка - наличие общего интереса у частных индивидов, что сподвигает их на участие в публичной сфере. Ю.Хабермас выступает за универсальную концепцию общественных интересов, игнорируя тот факт, что развитые общества состоят из множества сосуществующих и соперничающих публичных сфер [Susen]. Большое значение имеет критика идеализации публичной сферы Ю.Хабермасом и строгое разделение им интересов на частные и публичные. В коллективной монографии под редакцией К.Калхуна [Calhoun, 1992, с. 440] на примере домашнего насилия приводится аргумент о переходе сугубо частной ситуации в публичное поле и ставшей общим интересом. С постоянным развитием устной, локальной и публичной истории и переходом частных историй в публичное поле, подобный аргумент кажется особенно значимым.

Однако теория Ю.Хабермаса не стояла на месте с момента публикации. Опираясь на критику и собственные идеи Ю.Хабермаса в 1992 году признает, что его ранняя модель осоциальной тотальности, в которой частные индивиды участвуют в единой публичной организации, слишком проста [Jurgens]. В отличие от молодого Хабермаса 1960-х, Хабермас 1990-х пересматривает свои идеи о размывании и ослаблении публичной сферы в XIX–XX вв. Он признает агенсу рабочего класса, гендер в публичной сфере и способность потребителя масс-медиа критически мыслить [Liddington, 2002, p. 90].

Стоит отметить, что именно Ю.Хабермас остается ключевым автором в анализе партисипаторной демократии, которая, по его мнению, способна уравновесить пассивное потребление массовой культуры [там же]. Разработанная Ю.Хабермасом концепция публичной сферы помогает заново оценить, что может значить «публичная история» - через активное потребление и критическое обсуждение своей истории и прошлого в рамках публичной сферы. Он напоминает нам, что «публичное» не равно пассивному потреблению истории через телевидение, фильмы, видеоигры. Именно участие в создании исторического продукта в публичной сфере делает индивида публичным историком.

## Публичная история как область исторических и философских исследований

Одна из основных особенностей публичной истории - это отсутствие у нее как таковой собственной методологии. Принимая во внимание теорию публичной сферы Ю. Хабермаса, я склонен согласиться с той частью исторического сообщества, для которой публичная история – это особая публичная сфера, в которой проходит репрезентация академического знания, а также критические дискуссии между историками-профессионалами, гражданским сообществом и носителями локальной, частной истории и исторической памяти. Таким образом, историки ретранслируют в публичную сферу исторические методы. Историки Франкфуртского института прикладной истории предлагают следующее применение и возможности этих методов: создавать возможности для субъектов рассказать свою версию истории, например, через интервью; читать пространство (культурные ландшафты и городское пространство); ставить под сомнение исторические репрезентации; сменять перспективы через понимание культуры памяти различных сообществ [Акерман и др.].

Для публичной истории знание - это не только аккумуляция информации, но и контекстуализация смыслов. И дело тут не только в удовлетворении запроса общества на понятную и интересную историю. Важно привлекать в процесс формирования исторического знания гражданское сообщество с его собственными перспективами и направлениями. Ключевым положением в таком взаимодействии является позиция ученых-историков – она не должна быть выше историй других. Подобная позиция отвергает принцип известного немецкого историка и методолога Леопольда фон Ранке – рассказать «как было на самом деле». Она подвергает сомнению философскую концепцию абсолютной истины и требует некоторого разъяснения. Позицию о «множественности» историй и невозможности единого исторического нарратива в 1973 году высказал американский историк и публицист Х. Уайт в своем труде «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в.» (для российской аудитории стал доступен в 2002 году) [Уайт, 2002]. Несмотря на обширную критику, Х. Уайт предлагает ряд актуальных, пусть и не всегда безусловных, замечаний о природе изложения исторического знания. Будучи структуралистом, Х. Уайт уделил ключевое значение в историописании тексту. Согласно его «метаисторическому подходу» обращение к «голым фактам прошлого» возможно только через интерпретацию. Ни верификация, ни фальсификация исторического факта невозможна, потому что факты находятся «вне доступа прямого наблюдения». «Отсутствие подобного доступа и есть признание того, что сами эти факты являются гипотетическими объектами,

требуемыми, как пишет Х. Уайт, толкования с помощью процессов воображения, имеющих больше общего с литературой, чем с какой-либо наукой» [Ашкеров, 2002, с. 92].

Исходя из отсутствия фактов «вне доступа прямого наблюдения», Х. Уайт подчеркивает, что история каждым новым историком пишется по-своему, в зависимости от трех ключевых факторов: сюжета, доказательства и подтекста [там же, с. 93–94]. Читатель получает историю не «как она была на самом деле», как ее видели авторы-позитивисты XIX в., а интерпретацию истории конкретным автором, что говорит нам о «множественности» историй, а не о едином и безусловном нарративе.

В заключении к своей достаточно критической рецензии на труд Уайта А.Ю. Ашкеров отмечает, что «следуя логике Уайта, любой человек обречен, хотя бы отчасти, являться историком» [там же, с. 99]. Учитывая лингвистический, культурный и другие повороты второй половины XX в., а также появление таких исторических сфер как устная история, локальная история, публичная история с их партисипаторной системой включения представителей общества в работу над своей историей, такое замечание А.Ю. Ашкерова едва ли воспринимается как упрек.

Публичная история, как новая междисциплинарная область знания оставляет множество вопросов касательно своей сферы деятельности, того что является публичной историей, ее объектом. Однако ее место в области исторического знания трудно отрицать, даже несмотря на заметный скептицизм со стороны академических историков, видящих в публичной истории «простую попытку заработать». Бытование историков в публичной сфере служит расширению источниковой базы, привлечению на свет новых источников, а также повышению исторической грамотности населения, рождению новых направлений исследования и т.д.

### **Библиографический список**

1. Акерманн Ф., Акерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история, или публичное измерение прошлого. [URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/prikladnaya-istoriya-ili-publichnoe-izmerenie-proshlogo.html> (дата обращения: 14.02.2020)].
2. Ашкеров А.Ю. Метаистория метаистории или Декодирование Хейдена Уайта // Социологическое обозрение. 2002. Т. 1. №2. 2002. С. 86–99.
3. Гру де Д. Сопереживание и участие. Популярные истории. URL: <http://gefter.ru/archive/6239> (дата обращения: 13.02.2020).

4. Исаев Е.М. Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // Вестник Пермского университета. История. 2016. №2 (33). С. 7–13.
5. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. 528 с.
6. Юдин Г. Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества (2016) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т.1. №1. С. 123–133.
7. Archibald R. Memory and the Process of Public History // The Public Historian. 1997. Vol. 19. P. 61–64.
8. Benhabib S. Situating the Self: Gender, Community, and Postmodernism in Contemporary Ethics. Routledge, 1992. 276 p.
9. Calhoun C. Habermas and Public Sphere. The MIT Press, 1992. 510 p.
10. Cauvin T. The Rise of Public History: An International Perspective// Historia Critica. 2018. №68. P. 3–26.
11. Conard R. Benjamin Shambaugh and the Intellectual Foundations of Public History. University of Iowa Press, 2013. 264 p.
12. Gardner J.B., Hamilton P. The Oxford Handbook of Public History. Oxford University Press, 2017. 568 p.
13. Grele R. Whose Public? Whose History? What is the Goal of a Public Historian // The Public Historian. 1981. Vol 3. P. 40–48.
14. Habermas J., Lennox S., Lennox F. The Public Sphere: An Encyclopedia Article // New German Critique. 1974. №3. P. 49–55.
15. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. The MIT Press, 1991. 301p.
16. Jordanova L. History in Practice. London: Bloomsbury Academic, 2000. 368 p.
17. Jurgens H. Habermas for Historians. URL: [http://www.uva.nl/binaries/content/documents/personalpages/j/u/h.j.jurgens/en/tab-one/tab-one/cpitem\[7\]/asset](http://www.uva.nl/binaries/content/documents/personalpages/j/u/h.j.jurgens/en/tab-one/tab-one/cpitem[7]/asset). (дата обращения: 23.02.2020).
18. Kelley R. Public History: It's Origins, Nature, and Prospects// The Public Historian. 1978. Vol. 1. P.16–28.
19. Liddington J. What is Public History? Publics and their Pasts, Meanings and Practices // Oral History. 2002. Vol.30. P.83–93.
20. Susen S. Critical Notes on Habermas' Theory of the Public Sphere. URL: [https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/1101/1/Simon %20Susen %20'Critical %20Notes %20on %20Habermas %20Theory %20of %20the %20Public %20Sphere' %20S A %205\(1\) %20pp %20 %2037-62.pdf](https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/1101/1/Simon%20Susen%20Critical%20Notes%20on%20Habermas%20Theory%20of%20the%20Public%20Sphere'%20S A%205(1)%20pp%20%2037-62.pdf) (дата обращения: 23.02.2020).

## THE PHENOMENON OF PUBLIC HISTORY AS A FIELD OF HISTORICAL RESEARCH

Neplyuev Petr A.  
Perm State University,  
15, Bukireva str.,  
Perm, 614990, Russia,  
peter.neplyueff@yandex.ru

### **Abstract**

*Public history is a relatively new field of historical research, which, despite the emergence in the 1970s, still does not have a single definition, interpretation, field of activity and participants. The article attempts to determine the field of research of public history, as well as who are its actors. Particular attention is paid to the theory of the public sphere of J. Habermas, which defines the concepts of “private” and “public”, which is of key importance for Public History. Also, the theory of plurality of history of H. White is considered and its influence on Public History sphere.*

### **Keywords**

*Public History; private; public; Habermas; Public Sphere; Plurality of History.*

## СЕКЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).072

### СТРАТЕГИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАТРОН-КЛИЕНТСКИХ ОТНОШЕНИЙ М.С.ВОРОНЦОВЫМ ДО 1812 Г. КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ СЕМЕЙНОЙ КЛИЕНТЕЛЫ ВОРОНЦОВЫХ

*Сметанин Денис Вячеславович*

Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»,  
Центр истории России Нового времени НИУ ВШЭ  
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20  
dvsmetanin@edu.hse.ru

#### **Аннотация**

*В статье на основе личных писем Н.М. Лонгинова к С.Р. Воронцову и генерала Цицианова к М.С.Воронцову рассматривается карьерный путь Михаила Семеновича Воронцова до начала Отечественной войны 1812 г. Михаил Семенович использовал разные способы для продвижения своей карьеры и создания «личного» окружения из «друзей», которые будут не только благодарны за покровительство и заступничество патрона, но и послужат верной защитой в армии при выполнении его распоряжений. Автор приходит к выводу, что отбор офицеров-друзей проходил при помощи рекомендаций, проведения застолий и обедов для всех офицерских чинов, М.С.Воронцов окружал себя преданными клиентами-офицерами, которые готовы были защищать своего патрона не только на поле боя, но и в переписке с «сильными мира сего».*

#### **Ключевые слова**

*Патрон; клиент; патрон-клиентские связи; М.С. Воронцов; армия; офицеры.*

При изучении истории функционирования разных формальных институтов исторически делаются акцент на формальных методах управления и строгом соблюдении регламентов и процедур. Любые решения о приобретении новых чинов и наград, месте службы регулируются с помощью законодательством и регламентами. Однако они не всегда «работают» на практике, так как неформальные и патрон-клиентские связи позволяют быстро



и эффективно решить эти вопросы. Следовательно, при изучении формальных институтов государства важно учитывать контекст «неформальных» методов.

Патрон-клиентские отношения – неформальные связи между двумя и более людьми, которые используются имидля достижения своих целей и получения конкретной выгоды [Афанасьев, 2000, с. 42]. Главными их участниками являются патрон, клиент и посредник (брокер) [Лавринович, 2016, с. 91]. *Патрон* – роль человека в системе неформальных связей, который обладает большими объемами материальных и статусных благ, но для поддержания своего статуса и влияния при дворе и/или в одном из формальных институтов, вынужден пользоваться услугами помощников [Леонов, 2009, с. 19]. Этими «исполнителями» оказываются *клиенты* – люди, которые не обладают ресурсами, но стремятся их получить [Кром, 2004, с. 256]. Следовательно, между патроном и клиентом происходит смычка, основанная на взаимной выгоде каждого: патрон обеспечивает «защиту» и «эффективное управление» частью своих ресурсов, что позволяет ему дальше наращивать собственное влияние и силу при дворе, а клиент «оперативно» управляет ресурсами патрона, получая за верную и добросовестную службу разные материальные (деньги, имения или аренды поместий) и нематериальные (новые связи и знакомства со знатными людьми, новые ордена, поощрения от государя и пр.) блага, которые поднимают статус и влияние человека в иерархической структуре. Иногда в этой структуре может появиться *посредник*, чья роль заключается в передаче информации между патроном и клиентом или в вербовке новых клиентов для могущественного патрона [Kettering, 1986, p. 61]. Однако роль брокера иногда могут исполнять и сами клиенты, которым делегировано право управлять «коммуникациями» патрона и быть посредником между ними и просителями.

Согласно нашей **исследовательской гипотезе**, в системе патрон-клиентских отношений действует М.С.Воронцов, как один из руководителей семейной клиентелы наравне сотцом и дядей-канцлером Российской империи А.Р.Воронцовым. Это предположение вполне обосновано не только высоким статусом членов фамилии, но и неформальными связями с представителями других аристократическим фамилий и императорской семьей. Благодаря этому молодой Михаил Семенович сразу «встраивается» в структуру неформальных связей, получая возможности для быстрого карьерного продвижения в армии, которое обеспечивает ему новые блага для клиентелы.

Так, в 1803 г. граф Воронцов попадает на службу к Цицианову на Кавказ – представителю древнего грузинского рода, наместнику Кавказа и главнокомандующему Кавказской линии [Бартенев, 1890, с. 3]. Семья Воронцовых, связанная практически со всеми знатными родами Российской империи, опекает и оберегает М.С.Воронцова на службе, пытаясь определить

его к получению новых наград, и обучить на практике всему, что достойно отпрыска знатного рода [Там же, с. 6-8]. Эта гипотеза частично подтверждается получением первой же награды за участие в первом бою – ордена св. Анны 3-й степени [Там же, с. 6]. Само награждение состоялось при протекции князя: «Его Императорское Величество, по донесению моему, высочайше изволил Вам пожаловать орден св. Анны 3-й степени» [Там же]. Кроме этого, он просит передать привет Василию Семеновичу, а также А.Х.Бенкендорфу – одному из адъютантов генерала от инфантерии [Там же, с. 5]. Другие сведения о патрон-клиентских отношениях мы можем почерпнуть из письма за 29 октября 1804 г., в котором он пишет: «Почта принесла мне радость: вы кавалер ордена св. Георгия. Теперь с вами квиты» [Там же, с. 8]. В этом сообщении также говорится о награждении его орденом св. Анны 2-й степени, однако в этом письме вызывает интерес язык Цицианова. В сообщениях до 1804 г. Цицианов не использует слова из «языка» патрон-клиентских отношений, обращаясь к Воронцову только в уважительной форме (используя обращение на «ты» лишь изредка), однако получение Воронцовым престижных военных наград (особенно св. Георгия) считает своей заслугой [Там же]. Присвоение звания капитана Цицианов презентует, как результат своего личного доклада императору, говоря, что он хлопотал не только об награждении орденом [Там же, с. 9–10].

В письме 24 ноября 1804 г. П.Ф.Цицианов пишет, что не может послать М.С.Воронцова исполнить ответственное поручение, поскольку его дядя «сердится» на Цицианова, упоминая, при этом, о новой статусной награде для него в виде ордена [Там же, с. 13]. Тут же он просит перевести письмо его дядюшки А.Р.Воронцова – вполне вероятно, что канцлер посылал письма-инструкции к генералу Цицианову относительно дальнейших действий по обучению Воронцова [Бартенев, 1882, с. 14].

Другой пример мы находим из писем «друга семьи» и секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны – Николая Михайловича Лонгинова. В письме из Санкт-Петербурга от 18 ноября 1809 г. Николай Михайлович сообщает о всевозможных милостях, которые оказала вдовствующая императрица Мария Федоровна младшему Воронцову [Там же, с. 45]. Он делает важное уточнение, что Михаил Семенович всегда радушно принят, но она также интересуется здоровьем и делами С.Р.Воронцова [Там же]. Кроме этого, Лонгинов подробно сообщает об успехах М.С.Воронцова в русско-турецкой войне за 1810 г., сообщая о милостях военного министра и Александра I [Там же, с. 48]. Такое же содержание мы видим в письме 20 мая 1810 г. Н.М. Лонгинов ярко и красочно описывает, как граф Воронцов приобрел любовь и уважение среди начальствующего офицерского состава и рядовых [Там же].

Лонгинов также отмечает в письме от 12 января 1811 г. об особом приеме, который оказали все члены императорской фамилии графу Михаилу Семеновичу – вплоть до обедов с императором и императорской фамилией, а также совместного крещения с императорской четой новорожденных детей аристократических семей [Там же, с. 54]. Из этих писем видно, что М.С.Воронцов фактически включен во многие патрон-клиентские сети, которые окружают двор: так, он имеет многочисленные приемы и обеды у самой императорской фамилии [Там же]. Все это свидетельствует, что М.С. Воронцов является «пассивным» пользователем и участником патрон-клиентских отношений по отношению к себе. При общении с другими лицами он активно пользуется неформальными связями, играя роль посредника и «невольного» покровителя этих людей. Важно отметить, что граф Воронцов обладает колоссальными ресурсами второго порядка – прямой связью с императором и императорской фамилией, имеет «приятельские» отношения с некоторыми из министров и близких друзей Александра I. Все это потенциально дает большие возможности М.С.Воронцову быть посредником между представителями разных социальных групп, что маркирует роль графа в этих отношениях, как патрона и брокера.

Еще один маркер участия М.С. Воронцова в патрон-клиентских отношениях мы находим в письме Н.М. Лонгинова от 27 января 1811 г., в котором секретарь сообщает о «немедленном удовлетворении просьбы военным министром о назначении к графу полковым командиром Богдановского и адъютантом Арсеньева» – друзей и товарищей Воронцова по службе на Кавказе [Там же, с. 55]. По словам Лонгинова, Михаил Семенович не надеялся получить удовлетворение этой просьбы, но скорее всего она была поддержана главнокомандующим войсками на юге Н.М. Каменским, который также «отдал распоряжение о производстве Воронцова и его друзей Сабанеева и графа Прив генерал-лейтенанты при первой возможности» [Там же]. Благодаря своему влиянию и общению с «первыми лицами» Империи, М.С. Воронцов пользуется разными услугами от людей: например, в Бухаресте он постоянный гость на обедах графа Италинского, а после гибели А.А. Суворова на переправе через Рымник был, по завещанию погибшего, его душеприказчиком [Там же, с. 60–61]. Эти данные свидетельствуют, что граф Воронцов влияет на дела многих аристократических семей и попутно укрепляет положение семейной клиентелы среди дворян.

Обеды и приемы, как презентация своей клиентелы и попытка набора в нее (а также удержание «старых» клиентов и посредников), практически ежедневно проводятся М.С.Воронцовым в армии и отпуске. В письме от 29 июня 1811 г. граф Воронцов, по сообщениям Н.М.Лонгинова, ежедневно

собирает обеды и ужины в своем доме – вплоть до нижних офицерских чинов полка, которые также удостоиваются с его стороны представлений к награждениям Там же, с. 63-64], что создает конкретные условия для вербовки этих людей в свою клиентелу. Однако «отбор» в клиентелу семьи Воронцовых проводился по двум критериям: высокие моральные служебные принципы и профессионализм. Следовательно, М.С.Воронцов отбирал в клиентелу только лиц с высокими служебными и моральными качествами, профессионально относящихся к своему делу [Там же, с. 69].

Таким образом, М.С. Воронцов использует разные стратегии поведения в патрон-клиентских отношениях для усиления влияния семейной клиентелы в целом и своего положения в России, как главного представителя семьи, в частности. Одна из стратегий – постоянные обеды и участие в мероприятиях по приглашению императорской фамилии, в ходе которых можно просить монарха или близких к нему людей (великих князей, великих княгинь и императриц) о разных услугах: назначениях своих «друзей» в армию к Воронцову, получении новых званий и наград для них, что создает «личную» клиентелу Михаила Семеновича. Другая стратегия М.С.Воронцова заключалась в игре роли «посредника» и брокера между разными аристократическими фамилиями, что позволяло ему получать новые источники коммуникации и получения благ (например, тот же князь Суворов или граф Италинский). Третья стратегия графа – общение с высшими армейскими чинами Российской империи, которые могли удовлетворить потребности и стремление М.С. Воронцова в формировании личной патрон-клиентской сети в армии, которая обеспечила бы ему защиту от интриг и происков других клиентел, а также получение семейной клиентелой влияния в формальном институте армии. Четвертая стратегия – званые обеды и ужины, устраиваемые графом Воронцовым для офицеров всех рангов, как отбор наиболее преданных, принципиальных и верных «друзей» в клиентелу.

### **Библиографический список**

1. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России / М. Н. Афанасьев. 2-е изд., доп. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 320 с.
2. Бартенев П.И. Архив князя Воронцова: в 40 кн. Кн. 23 / П. И. Бартенев. М.: Университетская типография, 1882. 536 с.
3. Бартенев П.И. Архив князя Воронцова: в 40 кн. Кн. 36. М.: Университетская типография, 1890. 540 с.

4. Кром М.М. Патронат и клиента в истории России: (материалы «круглого стола») // Новая политическая история. СПб.: Алетейя, 2004. С. 255–287.

5. Лавринович М.Б. Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Фёдоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII– XIX вв. // Российская история. 2016. № 3. С. 91–110.

6. Леонов М.М. Салон В.П.Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX – XX вв. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. 388 с.

7. Kettering S. Patrons, Brokers and Clients in seventeenth-century France. Oxford: Oxford University Press, 1986. 322 p.

## **STRATEGY AND TACTICS OF USE PATRON-CLIENT RELATIONS M.S. VORONTSOV UNTIL 1812 AS A GAIN FACTOR OF INFLUENCE FAMILY CLIENTELE**

*Smetanin Denis V.*  
National research university  
Higher School of Economics,  
20, Myasnitskaya st.  
Moscow, 101000, Russia  
dvsmetanin@edu.hse.ru

### **Abstract**

*In the article author focuses on the problem of career path M.S. Vorontsov from 1801 until 1812 and how patron-client relations influenced on career. The Vorontsov used informal relations for career and construction his personal clientele. In the end of papers author concludes that selection was conducted with dinners, lunches with officers. M.S. Vorontsov surrounds himself clients and brokers who will support him in combat and army.*

### **Keywords**

*Patron; client; patron-client relations; M.S. Vorontsov, officers; army*  
УДК94(47).084. 3

**ГЛАЗАМИ ОФИЦЕРА И ГЕНЕРАЛА:  
ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ АДМИРАЛА КОЛЧАКА 1919 ГОДА  
В МЕМУАРАХ П.П. ЧАЩИНА И Р. ГАЙДЫ**

*Винник Алексей Андреевич<sup>3</sup>*

Пермский государственный  
национальный исследовательский университет,  
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
montewar@mail.ru

**Аннотация**

*В статье рассматривается весеннее наступление армий режима адмирала А.В.Колчака (март – май 1919 года) через призму его восприятия прапорщиком Сибирской армии П.П. Чащиным и командующим армией генерал-лейтенантом Р.Гайдой.*

**Ключевые слова**

*Весеннее наступление 1919 года, Радола Гайда. П.П. Чащин, гражданская война, Восточный фронт.*

Гражданская война на Восточном фронте началась с выступления Чехословацкого корпуса в мае 1918 года. К весне 1919 года противостояние красных и белых разгорелось с новой силой. После захвата Перми в декабре 1918 года военная ставка правительства адмирала Колчака разработала план наступления, предполагавший удары широким фронтом на Вятку и Котлас. Затем было принято решение соединиться с генералом Деникиным на Волге, чтобы впоследствии взять Москву. И хотя наступление в итоге провалилось, долгое время успехи белых ставили под угрозы позиции РККА на Урале, что отмечал В.И. Ленин и советская агитация, призывавшая всех на борьбу с Колчаком [Ленин, 1969, с. 268; Плакат, 1919].

Восточный фронт в этот период стал главным для советской власти на полях Гражданской войны. Советская историография изучала гражданскую войну с позиций формационной теории. Весеннее наступление 1919 г. уже анализировали с военной и политической точек зрения многие авторы [Какурин, Вацетис, 2002; Огородников, 1938; Спасский, 1958; Капцугович, 1969; Эйхе, 1960; Эйхе 1966]. Однако в ряде случаев их оценки ограничены, они не учитывают человеческого фактора, порой превращая сложные и интересные для интерпретации события Гражданской войны в перечисление военных

действий, сводимое в итоге к малопонятному даже для специалистов набору «стрелок и наименований».

Серьезных современных исследований весеннего наступления белых немного [Ганин, 2008; Цветков, 2018]. Опубликованные работы некоторых современных историков в оценке этих событий напоминают больше причудливую смесь советской риторики и нарратива белых эмигрантов, помноженные на неубедительные предположения и оценочные суждения автора [Ганин, 2008].

Гражданская война по классификации международного исследовательского проекта «COW» является внутренней войной, не типичной для классической трактовки войны [Correlates of War Project]. Методики изучения процессов войны постепенно меняются. Военная антропология поставила более широкий спектр проблем, касающихся исследования войн, и требующих новой методологии, том числе необходимость рассмотрения сложных военных событий через призму человеческих личностей [Сенявская, 1999, с. 15].

В работе использован микроисторический подход и идея социального конструирования реальности Бергера и Лукмана [Бергер, Лукман, 1995].

В рамках данной статьи весеннее наступление сил адмирала Колчака (март-май 1919 года) будет рассмотрено через призму личностей прапорщика 4-го Енисейского полка Сибирской армии П. Чащина и командующего армией генерал-лейтенанта Р. Гайды.

Чешский военачальник генерал – лейтенант Радола Гайда, бывший на службе у Колчака в январе–июле 1919 г., командующий Сибирской армией во время весеннего наступления 1919 г., и оставивший значительный след в истории Гражданской войны, завершил и опубликовал мемуары вскоре после войны. Они были написаны для публикации и несмотря на самоцензуру и желание показать себя в лучшем свете, являются важным свидетельством очевидца эпохи. В дальнейшем они были неоднократно переизданы в Чехии [Гайда, 1996].

Дневник П.П. Чащина (1893-около 1930), бывшего командира 4-й роты 4-го Енисейского полка Сибирской армии был найден случайно и введен в научный оборот недавно [Шекшеев, 2015; Рычков, 2017]. Позже был опубликован волонтерами проекта «Прожито» [Чащин, 1919]. Самим автором он, вероятно, не предназначался для публикации, так как при советской власти люди не стремились афишировать свое участие в Белом движении, что было отмечено историками [Волков, 2008].

В описании наступления Р. Гайда затрагивает сугубо военные проблемы, касающиеся его как полководца. Затронуты вопросы планирования

наступления, дискуссии о его ходе, конфликты в среде командующих [Гайда, 1996, с. 191]. Его описания самого наступления по-военному лаконичны. Для него наступление – это скорее стремительная «гонка» к цели, чередующиеся удары воинских формирований по противнику, руководимых лично им.

Для исследователей представляет интерес то, что воспоминания насыщены множеством названий местностей, армий и именами участников наступления. Мемуары генерала содержат ошибки (допущенные самим Гайдой, вероятно, не знавшим русскую топонимику и восстанавливавшим свои воспоминания по записям), но все же позволяют понять обстановку, в которой командование Сибирской армии планировало весеннюю кампанию [Гайда, 1996, с. 186–200].

Война с большевиками – война против врага русского народа, противостояние с противником, лучше обеспеченным ресурсами [Гайда, 1996, с. 191–199]. Уничижительных эпитетов по отношению к красным Гайда не использует, оставляя повествование о весеннем наступлении тяжелым фронтовым противостоянием «мы – они». Воспоминания чеха конструируются как продолжение Первой Мировой войны, но вместо германской армии противниками Гайды становятся большевики, заключившие с ней мир.

При описании провала наступления он становится красноречивее. Появляются оценочные суждения: «Агитаторов столько, что сложно парализовать их влияние... До предела утомленные и отчаявшиеся солдаты сперва начали проявлять признаки пассивного непослушания, а позже появились случаи явного непослушания, и в конце концов случаи сдачи в плен со словами: «Хуже не будет! У красных по крайней мере есть белье и одежда» [Гайда, 1996, с. 204]. Можно увидеть констатацию факта процесса развала собственной армии бывшим генералом. Прослеживается сопричастность генерала к событиям, касающиеся лично его и его армейского авторитета.

Тут же Гайда находит виновного. Им объявлен генерал Д.А. Лебедев, начальник ставки Колчака. Таким образом, можно увидеть, что белые также искали внутренних врагов. Он пишет о начальнике ставки исключительно негативно, наделяя его уничижительными характеристиками: «Я начал бояться дурного влияния генерала Лебедева... В военном плане он был человеком неспособным и недалеким, но интриганом и льстецом адмирала Колчака, на которого имел прямо-таки демоническое влияние» [Гайда, 1996, с. 191, 205].

Некоторые современные историки отмечали неспособность ставки Колчака трезво оценивать стремительно меняющуюся обстановку на фронте [Волков, Егоров, Купцов, 2003, с. 26]. Это значит, что в критике ставки у Гайды были реальные основания. Недовольство Гайды действиями колчаковского стратега Д.А.Лебедева вызовет один из заслуживающих интереса



исследователей события: «конфликт Лебедева-Гайды» – именно так можно назвать его историкам. Он негативно повлиял на непростое положение Сибирской армии и привел к отставке чешского полководца.

Р.Гайда критически оценивает ситуацию в тылу, отмечая бедственное положение семей служивших в армии солдат и офицеров, чьи жены, чтобы спасти свои жизни, вынуждены были заниматься проституцией, бесконтрольный террор против мирного населения и несвободу подконтрольного населения: «Слово «демократия» душилось цензурой самым строгим образом, также и термин «Законодательное собрание», требования создать которое вновь поступали со всех сторон» *Гайда*, 1996, с. 206–207].

Подобные высказывания в воспоминаниях можно объяснить тем, что мемуары Гайды издавались в 1-й Чехословацкой Республике для современного ему общества. Оно было относительно демократичным и гораздо более свободным, чем «большевицкая» или «белая» Россия времен гражданской войны. Р.Гайда тем самым мог вызывать сопереживание читателей к погибающей России и вызывать симпатию к своей фигуре. Для читателей он пишет, как пытался спасти эту несчастную страну, был в гуще событий и может обличать пороки проигравших.

Бывший генерал-лейтенант Гайда поднял в своих мемуарах тему сложной конфликтной обстановки в тылах Сибирской армии. Это была одна из причин, которые ослабляли режим и войско, приведя в итоге, по его мнению, к поражению весеннего наступления 1919 года.

Важно отметить в связи с этим Приказ генерал-лейтенанта Р. Гайды № 275 от 6 мая 1919 года, в котором он запрещает под страхом смертной казни бессудные расправы с населением, обосновывая это тем, что совершающие произвол и самосуды «нарушают создающийся с неимоверным трудом государственный аппарат, роняют авторитет власти и, ничего не создавая, губят великое дело — воссоздание России» [*Гайда*, 1996, с. 275; ГАПК].

Эти приказом чешский генерал позиционирует себя союзником русского населения, который стремится защищать его от произвола своих подчиненных. Его же воспроизводит в мемуарах. Прослеживаются правовые взгляды военачальника: террор не допустим, в первую очередь, потому что вредит репутации армии, лишая ее поддержки населения. Гайда конструирует образ справедливого и социально ответственного военачальника, желавшего возрождения былой, великой для него, России. В рамках весеннего наступления этот факт является очень важным. Произвол против гражданского населения играл на руку противникам режима Колчака, способствовал агитации большевиков, оказывая тем самым негативное влияние на моральное состояние армии и доверие населения.

В противовес официозу Р.Гайды, сконструировавшего в воспоминаниях свой образ – военачальника исключительной важности для Сибирской армии и колчаковского правительства, знающего всю подноготную режима и смело называющего характер и причины провала наступления, следует обратиться к воспоминаниям офицера П.П.Чащина, человеку невысокого статуса, образованному и не принявшему эту войну.

Эти мемуары сильно отличаются тем, что Чащин вел дневники, в которых незаметно поздних припоминаний. Его записи – свежие свидетельства событий, пронесенные через иное по политическим взглядам восприятие. Боевые действия представлены эпизодически, в них читается боль человека, лично переживающего гибель близких и знакомых ему людей. Гражданская война для него — это катастрофа, которую он выражает метафорично: «Нахмурилось небо и плачет как в глубокую осень, плачет не о прошлом лете, плачет горе людском поразившем землю нашу. Плачут и люди, лишаясь самого необходимого, самого существенного в Крестьянской серой жизни» [Чащин, 1919].

Для П.П. Чащина видеть насилие, совершаемое единомышленниками, невыносимо: «Прапорщик Максимов свирепствует, наводя на жителей страх своими дикими криками и запугиваниями. Чтобы не видеть, не слышать подобных расправ, я ушел во взвод к солдатам» [Чащин, 1919]. Эмоциональное состояние очевидца, невольного свидетеля преступлений, показывает, в каком состоянии находились солдаты, не принимавшие репрессий.

Его видение наступления конструируется из личных переживаний, далеких от войны, но все пересекающихся с ней. Еще не попав на фронт, но уже увидев последствия войны, он пишет 6 марта 1919 г.: «Настроение хорошее беззаботное в дороге, особенно от Челябинска где мы попали в общество 6 человек офицеров Енисейцев, сменилось грустным подавленным. На станции Пермь полно раненых, больных. Наш полк наступает от Перми. Завтра пробудем еще здесь опятаем делишки и в полк. Что ж делать. Убьют...» [Чащин, 1919].

Видно, что еще не прибывший на войну человек настроен к ней скептически. Никаких идей воевать с большевиками нет, ни за какого царя он не собирается сражаться, он просто осознает то, что погибнет в этой войне.

Он не видит отличий в солдатах воюющих сторон, для него это точно такие же люди: «Везут части орудий для исправления в завод, идут большие партии человек в 200–300 пленных красноармейцев. Все это молодые, но изнуренные лица с безнадежным выражением по 2 в ряд, окруженные такими же людьми, с тем же наречием и привычками, но вооруженными и властно покрикивающими на отстающих пленных» [Чащин, 1919]. Офицер поневоле,

он, видя своих противников, проявляет эмпатию к ним, как к простым людям, втянутым в бессмысленную войну с другой стороны.

Он чувствует себя случайным участником этого конфликта, вынужденным человеком на этой войне. С явно негативными эмоциями фиксирует в своих записях: «У нас каждый день перебежчики от Красных с теми или иными новостями, ничуть не интересующими меня. Не солдатом я создан. Боже, зачем же они заставляют меня делать то, к чему я никогда не привыкну. Назначили на взвод, а я ни одной команды не умею подать. Эх, ты горяшко мое» [Чащин, 1919].

Ему нет дела до наступления он больше говорит о бытовых вещах, играх с сослуживцами, постое в гостеприимных русских избах, общении с хорошими людьми. Война и смерть заставляет содрогаться и сражаться с обреченной безысходностью, не зная, зачем он это делает и что его ждет потом [Чащин, 1919]. Происходит слом человека, военный конфликт вызывает у него отторжение, травмирующий опыт от вида смерти, разрухи, террора своих сослуживцев.

Такое настроение проявляет офицер в разгар еще успешного на тот момент наступления (много негативных записей П.П. Чащина сделаны в марте-апреле, в разгар весеннего наступления). В отличие от Р. Гайды, цель которого разбить большевиков и восстановить Россию, П.П. Чащин не понимает, зачем нужна эта война. Это говорит о невысоком боевом уровне белых, неспособности агитации и военачальников воодушевить некоторых солдат. Они устали от войны, у них нет цели и желания воевать, таких людей было много в обеих армиях.

Можно сделать выводы о том, что весеннее наступление белых 1919 года, несмотря на пафос и желание колчаковских политиков и генералов нанести большевикам поражение, воспринималось скептически и крайне противоречиво. Нельзя говорить о единстве и настрое на победу даже в довольно боеспособной Сибирской армии. Речь идет о многомерной сложной социальной реальности наступления. Сибирскую армию раздирали противоречия, часть солдат и офицеров, вроде П.П. Чащина, не понимали, зачем им это наступление, обреченно представляя лишь свою гибель в ближайшем бою.

Восприятие наступления чешским генералом сложно сравнивать с восприятием офицера, однако одно их роднит, они не были преданы делу, в отличие от коммунистов, мобилизовавших всеми силами своих солдат на победу за одну идею и замечали серьезные проблемы режима, за который они сражались. Их память – это память побежденных. Р. Гайда воспринимал эту войну своеобразным продолжением Первой Мировой войны и старался

снискать славы на полях сражений, П.П. Чащин – гибелью своей страны и своей идентичности.

Если победа для большевиков стала делом общим, поражение белых стало для них событием личным, заслуживающим в их сознании последующей тяжелой рефлексии. Многие кейсы Гражданской войны (1918 – 1920 гг.), в том числе весеннее наступление Колчака (1919 г.) еще ждут современного исследования.

### Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.

2. Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск: Челяб. Дом печати, 2008. 392 с.

3. Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М.: Русский путь, 2003. 240 с.

4. Ганин А.В. Враздρόбь, или почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. Российский исторический журнал. 2008. № 3. С.63–74.

5. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-656. Оп 1. Д. 5. Л. 9.

6. Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921 / Под ред. А.С.Бубнова и др. СПб.: Полигон, 2002. 672 с.

7. Капцугович И.С. Прикамье в огне Гражданской войны. Пермь: Пермское книжное издательство, 1969. 132 с.

8. Ленин В.И. Письмо петроградским рабочим о помощи Восточному фронту// Полное собрание сочинений. Т. 38. Издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 268.

9. Огородников Ф.Е. Удар по Колчаку. М.: Воениздат, 1938. 346 с.

10. Плакат «Вперед, на защиту Урала!». 1919 г. ГАСО. Ф. Ф-1. Оп. 40. Д. 139.

11. Рычков М. Солдат поневоле, белогвардеец по случаю. URL: [http://kasdom.ru/r\\_prosveschenie/r\\_kraevedenie/13915/](http://kasdom.ru/r_prosveschenie/r_kraevedenie/13915/) (дата обращения: 27.02.2020).

12. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 383 с.

13. Спасский А.А. Третья армия. Пермь, 1958. 152 с.

14. Цветков В.Ж. Военно-политическое значение весеннего наступления Восточного фронта в 1919 г. // Гражданская война в регионах России:

социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты: сборник статей / УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН. Ижевск: Изд-во «АлкиД», 2018. С. 249–255.

15. Чашин П.П. Дневник// «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/937> (дата обращения:19.01.2020).

16. Шекшеев А.П. 4-й Енисейский сибирский стрелковый полк в боевых действиях на Восточном фронте. 1919 г.: воспоминания участника. Подготовка публикации А.П.Шекшеева // Белая армия. Белое дело. 2015. № 22. С. 19–35.

17. Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. (Март – апрель 1919 г.) Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. Москва: Воениздат, 1960. 295 с.

18. Эйхе Г.Х. Покинутый тыл. М.: Воениздат, 1966. 386 с.

19. Gajda R. Moje paměti: Generál ruských legií R. Gajda. Československá anabase zpět na Urál proti bolševikům Admirál Kolčak. 4. vydání. Brno: Jota, 1996. 352 s.

20. Correlates of War Project (COW). URL: <https://correlatesofwar.org/datasets/COW-war/the-cow-typology-of-war-defining-and-categorizing-wars/view> (дата обращения:12.02.2020).

## **THROUGH THE EYES OF AN OFFICER AND A GENERAL: THE SPRING OFFENSIVE OF ADMIRAL KOLCHAK IN THE MEMOIRS OF P. P. CHASHCHIN AND R. GAJDA**

*Vinnik Alexey A.*  
Perm State University,  
15, Bukireva str.,  
Perm, 614990, Russia,  
[montewar@mail.ru](mailto:montewar@mail.ru)

### **Abstract**

*The article considered the spring offensive of the armies of the regime of Admiral A.V. Kolchak (march-may 1919), through the prism of its perception by the ensign of the Siberian army Peter P. Chashchin and the commander of the army, Lieutenant General R. Gajda.*

### **Keywords**

*Spring offensive of 1919, Radola Gajda, Peter P. Chashchin, civil war, Eastern front.*

## **КАДЕТЫ В ОСОБОМ СОВЕЩАНИИ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВСЮР: ПРОЕКТЫ И РЕФОРМЫ В 1919 ГОДУ**

*Газизуллин Тимур Алмазович*

Пермский государственный  
национальный исследовательский университет,  
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
timuralgaz25@gmail.com

### **Аннотация**

*В последние годы интерес у исследователей вызывают внутренние проблемы функционирования белогвардейских режимов. В статье рассматривается законотворческая деятельность конституционно-демократической партии на Юге России в 1919 году. Благодаря структурно-функциональному анализу охарактеризована роль кадетов в создании и реформировании государственного аппарата Белого Юга. Определены возможности членов партии реализовать программные положения Всероссийского национального центра, причины того, что законопроекты конституционно-демократической партии не находили поддержки со стороны бывших октябристов и правых в Особом Советании.*

### **Ключевые слова**

*Гражданская война; белое движение; диктатура; кадетская партия; государственная власть; программные положения; законотворчество.*

Формирование структуры государственного аппарата на Юге России, проведение диктатурой Деникина преобразований в трудовом, судебном и аграрном законодательстве, определение политического курса Вооруженных сил Юга России – все это связано с разработками конституционно-демократической партии. Кадеты, являвшиеся ядром Всероссийского национального центра, приняли участие в деятельности Особого Советания, одновременно имевшего законодательные и распорядительные функции.

Исследования, посвященные конституционно-демократической партии в период Гражданской войны на юге России, рассматривают результаты партийных конференций, переписку между лидерами, конкуренцию кадетов с правыми (бывшими октябристами) в Особом Советании, а также пути сближения с социалистами из Союза возрождения России.

В советский период исследователями выделяется правое крыло партии: П.Н.Новгородцев, П.Д. Долгоруков, А.В. Тыркова, В.А. Степанов, К.Н. Соколов [Думова, 1982, с. 287–288]. Основным критерием разделения на правых и левых являлось, с точки зрения советской историографии, отношение к единоличной диктатуре среди кадетов. В то же время, исследователи приписывали партии черты «черносотенства». Определяя изменения, произошедшие в идеологических установках кадетов с начала революционных событий в России, советские историки указывают на «правый поворот» партии: «Не Деникин, «полевеи», пошел за кадетской идеологией, а, напротив, кадеты, «поправев», поддержали белогвардейско-монархическую реакцию» [Иоффе, 1977, с. 232].

В наши дни определены дополнительные черты, присущие кадетам в период Гражданской войны: отказ от федеративного устройства и парламентарной демократии, преобладание национального начала над социальным. В Особом Совецании партия выступает в качестве умеренной оппозиции правому большинству. Именно влияние правых членов Совецания, а не отношения с Деникиным является основной причиной того, что кадеты пошли на уступки. Рассмотрена работа кадетов в законодательных комиссиях при Особом Совецании. Охарактеризована роль либеральной профессуры в формулировании кадетских программных положений [Цветков, 2009, 2013].

Целью исследования является определение роли кадетов в законотворческом процессе Особого Совецания. Необходимо охарактеризовать сопротивление кадетам со стороны правого большинства в Особом Совецании.

Хронологические рамки исследования соответствуют 1919 году. Географические рамки совпадают с территорией, занимаемой Вооруженными силами Юга России.

Основой исследования является историко-системный метод. Благодаря структурно-функциональному анализу будут определены место кадетов в системе государственного аппарата и деятельность партии на уровне Особого Совецания и верховного командования.

Источниковой базой исследования являются стенограммы Всероссийского национального центра [Всероссийский национальный..., 2001], журналы заседаний Особого Совецания [Журналы заседаний..., 2008]. Данный корпус источников позволяет определить цели, которые ставили перед собой кадеты, в чем выразался их вклад в решение ключевых для страны вопросов. Мемуары К.Н.Соколова [Соколов, 1921], А.С. Лукомского [Лукомский, 1922], А.И. Деникина [Деникин, 2002] отражают особенности взаимодействия власти и общества, связи кадетов с верховным командованием. Воспоминания также

дают возможность обратиться к опубликованным в них постановлениям руководства Белого юга.

Национальный центр, создававшийся изначально как надпартийное объединение, в сущности, являлся кадетской организацией. Создание данной платформы объединения антибольшевистских политиков привело к отхождению части кадетов от общего курса партии в регионе. В то же время выражение поддержки и содействия начинаниям генерала Деникина давали возможность кадетам, являвшимся членами Национального центра, встроиться в систему власти ВСЮР, внести в свой вклад в государственное строительство в регионе.

Таким образом, кадеты, вошедшие в состав Особого совещания, вышли за рамки демократической контрреволюции. То же можно сказать и о прочих членах Национального центра. Остальная часть партии сохраняла верность идеалам Февральской революции. В качестве примера можно привести И.И. Петрункевича и М.М. Винавера. Это, конечно, не дало возможности кадетам, оказавшимся у власти, заручиться поддержкой монархических кругов, таких как В. Пуришкевич, А.В. Кривошеин и Н.В. Савич, но открыло пути реализации тех теоретических разработок, которые были приняты на заседаниях Национального центра.

Переходя к рассмотрению взглядов кадетов, вошедших в состав Особого Совещания, следует, прежде всего, сказать о профессоре государственного права Константине Николаевиче Соколове. Если обратиться к его мемуарам, то мы обнаруживаем желание диктатуры, которая бы опиралась на крестьянство. Соколов указывает на нежизнеспособность союза национальной диктатуры и «общественности», так как последняя не имеет никакой связи с большинством населения [Соколов, 1921, с. 86–87]. Можно ли здесь найти элементы «черносотенства», на которые указывали представители левой оппозиции? Мы обнаруживаем желание расположить низшие слои населения на сторону диктатуры Деникина и скорейшего решения рабочего вопроса. В то же время со стороны националистических организаций (Всероссийская народно-государственная партия, Южнорусский союз, Братство животворящего креста) шло осуждение Особого Совещания в левом уклоне.

Кадет М.М. Федоров, получивший статус члена Особого совещания без портфеля, на одном из заседаний Национального центра так выразил свое отношение к национальной диктатуре: «Создание при ней выборочного законосовещательного органа было бы нецелесообразным: такого рода органы обладают свойством стремиться к расширению своих функций в направлении надзора и давления на власть; между тем ослаблять последнюю в условиях данного момента недопустимо» [Всероссийский национальный..., 2001, с. 21].



Можно прийти к выводу, что среди кадетов, вошедших во властные круги, утвердилась идея диктатуры, что позволило им заручиться поддержкой главнокомандующего, а отсутствие ярко выраженного крена влево или вправо во многом отвечало интересам генералитета.

Примечательно, что генералы Лукомский и Деникин в своих воспоминаниях не разделяют кадетов на правых и левых. Деникин под правыми подразумевает бывших октябристов, а Н.И. Астров, В.Н. Челищев, В.А. Степанов, М.М. Федоров, К.Н. Соколов отождествляются исключительно с их членством в Национальном центре и партии кадетов [Деникин, 2002, с. 377–378]. А.С. Лукомский, характеризуя роль кадетов в Особом Совещании, также не выделяет отдельно правое и левое направления внутри партии [Лукомский, 1922, с. 181]. Поэтому понятие «правые кадеты» в период Гражданской войны следует понимать условно. Мы не можем говорить о какой-либо значимой фракционности кадетов на Юге России в этот период.

Особое Совещание во многом зависело от главнокомандующего. Потому попытки кадетов внедрить либеральные принципы в государственный аппарат с сохранением диктатуры встречали резкое противодействие даже в самом Совещании. Этому противодействовал как генералитет (А.М. Драгомиров и А.С.Лукомский), так и Совет государственного объединения России, члены которого также вошли в состав Особого Совещания. В качестве примера можно привести процесс утверждения проекта системы управления. Соколов и Челищев предложили поставить заместителем Председателя штатского человека. В ответ Романовский и Драгомиров, ссылаясь на мнение Деникина по этому вопросу, сразу отказали кадетам [Соколов, 1921, с. 79].

Таким образом, в управленческой иерархии кадетам приходилось действовать в направлении, заданным верховной властью. В то же время контакты Национального центра с Деникиным позволяли кадетам продвигать свои идеи в Особое Совещание в условиях наименьшего давления со стороны Председателя и заместителей Особого Совещания [Лукомский, 1922, с. 181].

В 1919 году Особое Совещание могло не ограничиваться решением вопросов снабжения армии и городов продовольствием, издания своей валюты, а заняться восстановлением местного самоуправления и судебной системы, разработкой трудового законодательства, то есть вопросами, связанными с послевоенным государственным строем.

Переходя к непосредственной работе кадетов над законопроектами в Особом Совещании, следует сказать о занимаемых должностях. Н.И. Астров получил Отдел внутренних дел, В.А. Степанов стал государственным контролером, К.Н. Соколов был начальником управления Отдела законов и руководил работой Отдела пропаганды, В.Н. Челищев был начальником

управления Отдела юстиции. Мы видим, что ключевые должности продовольствия, транспорта, взаимодействия с миссиями Антанты и т.д. были сосредоточены в руках правого большинства. Это позволило кадетам сконцентрировать все силы на реализации своих партийных программ. В результате кадеты, не обремененные рутинными вопросами, разрабатывали положения аграрного, рабочего и территориально-административного законодательства.

Профессор Соколов предлагал следующие положения: сохранение законов Временного правительства с учетом изменений, внесенных Вооруженными силами Юга России, сохранение или изменение законов, действовавших на территории Украинской державы в 1918 году, для обеспечения эффективного развития сельского хозяйства в регионе [Журналы заседаний..., 2008, с. 211, 230, 235].

Начальник управления Отдела юстиции В.Н. Челищев в своей работе по восстановлению местных судов не пошел на слом структур, сформированных еще Временным правительством и властями, возникшими на окраинах в ходе Гражданской войны. Рассмотрение дел, начатое при большевиках, продолжалось, а заброшенное восстанавливалось [Там же. С. 130, 133, 147, 215].

По причине слабой связи с провинциальной властью далеко не все распоряжения удалось реализовать. Как функционировала система гражданской власти на местах, отражает отрывок из письма Н.И. Астрова: «Насилие, порка, грабежи, пьянство, гнусное поведение начальствующих лиц на местах, безнаказанность явных преступников и предателей, убогие, бездарные люди, трусы и развратники на местах, люди, принесшие с собой на места старые пороки, старое неумение, лень и самоуверенность» [Думова, 1982, с. 294].

Можно ли сказать, что в Особом Совещании существовал союз генералов и правых? А.М. Драгомиров, И.П. Романовский и А.С. Лукомский выступали в роли арбитров между либеральной группой кадетов и правой Советом государственного объединения России. Безусловно, Особое Совещание занималось в большинстве своем повседневными вопросами, но, когда речь заходила о спорных моментах аграрного законодательства, все попытки генералов избавить Совещание от межпартийных столкновений утрачивали всякую силу.

Кадеты, желая опереться на крепкие крестьянские хозяйства, но при этом сохранить помещичье землевладение, сталкивались с отпором правых. Конфронтация усугублялась еще и тем, что в обществе росло разностороннее недовольство как «левизной» Совещания, так и нежеланием власти открыто провозгласить курс на учреждение в России конституционной монархии. Лишь в вопросе национально-государственного строительства кадеты были

единодушны с членами Совета государственного объединения России. К.Н.Соколов отмечает, что сепаратистские настроения терских, донских и кубанских казаков, горцев Дагестана и Чечни, а также малороссийских правительств, вызывали общий протест среди правящей элиты ВСЮР [Соколов, 1921, с. 82].

Тем не менее, борьба за влияние в Особом Совещании продолжалась на протяжении всего 1919 года: она лишь ослабла во время широкомасштабного наступления на Москву, но не исчезла совсем.

Уже во время начала отступления белых частей к Черному морю, в декабре А.И. Деникин издал наказ, в котором требовалось окончательно покончить с внутренними противоречиями: «Всякое давление политических партий отменить. Всякое противодействие власти – и справа, и слева – карать» [Лукомский, 1922, с. 166]. Это явилось последствием того, что верховное командование на протяжении всего 1919 года не предпринимало мер для подавления в Совещании борьбы за власть.

В результате диктатура Деникина подверглась давлению со всех сторон. Она не смогла обеспечить доминирование одного политического спектра. Коалиционный характер Особого Совещания без общего фронта всех антибольшевистских объединений способствовал лишь обострению конфликтов между партиями, притом, как правящими, так и оппозиционными. Это не могло не сказаться на возможностях кадетов. Партия была вынуждена пойти на еще большие уступки национальной диктатуре, по сравнению с весной 1919 года. В результате инициативы кадетской партии к концу 1919 года сократились. На заседаниях Особого Совещания говорилось о необходимости подавления самоуправления на местах, но поправить положение не удавалось.

Переходя к обобщению влияния кадетов на курс национальной диктатуры Деникина и обеспечения ее жизнеспособности, следует выделить несколько положений.

Во-первых, кадеты, поддерживая идею диктатуры, стремились сохранить свои позиции в Особом Совещании, чтобы, сохраняя строгую иерархию, реализовать собственные программные положения. В то же время не следует упускать из виду и попытки кадетов разделить Совещание для создания полноценных правительства и народного представительства. Именно желание расширить государственный аппарат и передать часть полномочий в выборные органы вызывало опасения у генералов и правых.

Во-вторых, рост социальной напряженности, пропаганда оппозиционных организаций по дискредитации диктатуры Деникина, а также борьба за власть

на уровне Особого Совещания тормозили процесс принятия жизненно важных законопроектов, не позволили кадетам в полной мере добиться своих целей.

В-третьих, преобразования в законодательстве и судебной системе говорят о понимании кадетами необходимости отказаться от следования узкопартийной идеологии в критический для страны момент. Здесь важно учитывать то обстоятельство, что конституционно-демократическая партия могла позволить более радикальные проекты принудительной передачи земли и рабочего законодательства. Это было вызвано тем, что кадеты не представляли интересы одного социального класса, а выступали на общенациональных началах.

### **Библиографический список**

1. Всероссийский национальный центр / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2001. 608 с.

2. Деникин А.И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы Юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918-январь 1919 гг. Мн.: Харвест, 2002. 560 с.

3. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.). М.: Наука, 1982. 416 с.

4. Журналы заседаний Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникине. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. М.: РОССПЭН, 2008. 1003 с.

5. Иоффе Г.З. Монархическая контрреволюция и ее крах. М.: Наука, 1977. 321 с.

6. Лукомский А.С. Воспоминания генерала А.С.Лукомского. Берлин: Отто Кирхнер и Ко., 1922. Т. 2. 332 с.

7. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина (из воспоминаний). София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. 304 с.

8. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 год (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М.: Посев, 2009. 635 с.

9. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919–1922. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М.: Наука, 2013. 495 с.

**CADETS AT THE SPECIAL MEETING  
UNDER THE COMMANDER-IN-CHIEF ARMED FORCES  
OF THE SOUTH OF RUSSIA: PROJECTS AND REFORMS IN 1919**

*Gazizullin Timur A.*  
Perm State University,  
15, Bukireva str.,  
Perm, 614990, Russia,  
timuralgaz25@gmail.com

**Abstract**

*In recent years, researchers have been interested in the internal problems of the functioning of the White Guard regimes. The article discusses the legislative activities of the constitutional democratic party in southern Russia in 1919. Through structural and functional analysis, the role of the cadets in the creation and reform of the state apparatus of the White South is characterized. The possibilities of party members to implement the programmatic provisions of the All-Russian National Center, the reasons that the bills of the constitutional-democratic party did not find support from the former Octobrists and the right in the Special Meeting were determined.*

**Keywords**

*Civil war; white moveme; dictatorship; the Cadet party; government; program provisions; lawmaking.*

## «ВОТ РАДИО ЕСТЬ, А СЧАСТЬЯ — НЕТ»: КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*Марасанова Ольга Владимировна*

Пермский государственный  
национальный исследовательский университет,  
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
helgamarasanova@yandex.ru

### **Аннотация**

*В статье представлен краткий обзор отечественных исследований, посвященных культурной истории электрификации СССР 1920–1930-х годов. На основе историографической дискуссии зарубежных авторов выделены три тематических направления: государственное регулирование электроэнергетической системы, использование электрификации в идеологических проектах, изменение бытовых и трудовых практик производителей и потребителей с появлением электрической энергии.*

### **Ключевые слова**

*Культурная история электричества; электрификация; историография; энергетика; индустриализация.*

В записных книжках 1920–1930-х годов известного советского писателя Ильи Арнольдовича Ильфа сохранилась заметка: «в фантастических романах главное было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет» [Ильф, с. 93]. Стремительный технический прогресс начала XX века предсказывал современникам скорое наступление удобного и обустроенного мира. И.А. Ильф вместе со своим коллегой Евгением Петровичем Петровым был свидетелем реализации футуристических планов во время путешествия по Америке, которая поразила советских писателей разветвленной сетью автомобильных дорог, наличием горячей воды в придорожных гостиницах, ярким светом уличного освещения.

Современному читателю может показаться странным искреннее восхищение путешественников технической оснащённостью американского быта. Для И.Ильфа и Е.Петрова увиденные индустриальные достижения были свидетельствами безграничных возможностей человека, способного приручить природные стихии во благо общества. Поэтому любая техника, будь то радио

или электрическая лампочка, рассматривалась в контексте социальной реальности. Техника была вплетена в идеологию, модели поведения, социальные институты.

«Социальным» техническим явлением первой половины XX века была электрификация — широкое внедрение в народное хозяйство электрической энергии, которая централизованно вырабатывалась на электростанциях, объединённых линиями электропередачи в единую энергосистему [Электрификация]. В истории России этот процесс был ознаменован государственным планом электрификации Советской России (далее — план ГОЭЛРО). Одним из популярных плакатных лозунгов той эпохи был: «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация» [Энергетика России..., с. 7, 22–23]. Позже электрическая энергия станет неотъемлемой частью производственных процессов первых пятилеток, а в послевоенное время повсеместно обоснуется в домах частных абонентов и сформирует новые бытовые привычки советских граждан.

В отечественной историографии электрификация рассматривается в первую очередь, как процесс выработки и распределения энергии. Популярными темами монографий и диссертационных работ являются строительство электростанций и сопутствующей инфраструктуры, подготовка кадров и управленческое обеспечение отрасли со стороны государственных институций. В то же время данная тема может открыть исследователю многомерный мир потребительских практик. В таком случае прошлое электрических благ может быть рассмотрено через призму культурной истории.

Методологические основы направления были созданы американскими и европейскими историками во второй половине XX века. Основой культурной истории являются принципы французской школой «Анналов», в которой предметом исторического исследования является сознание людей. «Отношения, завязывающиеся между людьми, взаимовлияния и даже путаница, возникающая в их сознании, — они-то и составляют для истории подлинную действительность» [Блок, с. 83]. Артефактами сознания людей представляются объекты культуры, включая произведения искусства, системы символов и знаков, религиозные обряды, повседневные «техники тела» и многие другие. Поэтому исследования по культурной истории «позволяют связать изучение символов, когда-то отданное историками искусствоведам и литературоведам, с исследованием повседневной жизни, которым занимались социальные историки» [Берк].

Одним из первых проблематику «социальности» и «культурности» электрификации декларировал американский историк и философ техники Льюис Мамфорд. В 1936 году, выступая на международной конференции,

ученый утверждал, что «каждое общество характеризуется теми средствами, которые оно использует для преобразования энергии в жизнь и для преобразования жизни в те высшие формы энергии, которые мы называем культурой» [Shin]. Идея Л. Мамфорда стала основой философских и искусствоведческих текстов, а также была принята культурными историками.

Целью данного текста является обзор работ отечественных авторов, посвящённых культурной истории электрификации. Прежде, чем перейти к описанию направлений в российских штудиях, необходимо обозначить условия, которые его сформировали. Во-первых, изучением исторических материалов по истории электричества и формированием нарратива занимались преимущественно коллективы академических организаций естественнонаучного направления. Создателями нарратива о техническом прошлом являются сотрудники института истории естествознания и техники РАН им. С.И.Вавилова (далее – ИИЕТ РАН), основанного в 1932 году. Сейчас организация продолжает вести активную научную деятельность в данном направлении, организовывая конференции, курируя диссертационный совет и издавая журнал «Вопросы истории естествознания и техники». Если обратиться к современному составу института, то только 25 % являются кандидатами или докторами исторических наук [Структура]. Большинство исследователей представляют направления точных наук, таких как физика, математика, химия, биология и другие.

Также историей электрификации занимаются ученые исследовательских центров Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого, Московского Государственного Технического Университета имени Н.Э. Баумана, научные сотрудники Политехнического музея в Москве и многие другие. Таким образом, исследование электрификации в отличие от других академических исторических тем подразумевают наличие у автора специфических технических знаний.

Во-вторых, в советский период марксистская теория истории была единственной призмой анализа исторического материала. Использование культурного подхода при изучении прошлого технологий выходило за рамки возможностей этой исследовательской парадигмы. Поэтому работы, в которых последовательно применялась данная методология, появились в российской научной дискуссии относительно недавно, в конце XX века. В настоящей статье рассматриваются работы, в которых авторы ставили исследовательский вопрос в проблематике культурной истории.

Многомерность и повсеместная распространенность процесса электрификации способствовали формированию широкой дискуссии в зарубежной историографии. В обзорной статье ученый Хироки Шин



систематизирует данные исследования по трем направлениям: государственное регулирование электроэнергетической системы, использование электрификации в идеологических проектах, изменение бытовых и трудовых практик производителей и потребителей с появлением электрической энергии [Shin].

*Государственное регулирование.* В Российской империи первые электростанции открывали для удовлетворения производственных нужд владельцы предприятий, собственники крупных домохозяйств или прогрессивные чиновники, выступавшие за освещение публичных пространств. С расширением индустриального производства, сетей уличного освещения, механизацией общественных мест отдыха появилась необходимость изменить индивидуальный подход на унифицированную систему. В Российской империи план по усовершенствованию энергетической сети был разработан в годы Первой Мировой войны. Однако реализовать его в течение тридцати лет предстояло Советской России. План ГОЭЛРО стал тем стратегическим документом, который включал основные принципы производства электрической энергии, которая в первую очередь обеспечивала индустриализацию экономики СССР.

Кроме этого, данный документ регламентировал способы производства энергии, принципы выбора регионов, которые необходимо электрифицировать и т.д. Созданию и осуществлению плана ГОЭЛРО посвящены исследования А.А. Гибадуллина [Гибадуллин]. Основываясь на документах центральных органов власти и местных реалиях, автор описывает проблемы, с которыми сталкивался государственный аппарат, включая поиск финансовых и трудовых ресурсов для строительства объектов энергосистемы, формирование инженерного состава, способного реализовать пункты плана.

В 1932 году стратегия развития энергетической системы страны была утверждена новым документом. Кандидат технических наук В.Л. Гвоздецкий в своих статьях и монографиях рассматривает условия работы руководства наркомата электростанций и электропромышленности СССР в 1930–1940-е гг. [Гвоздецкий]. Управленцы, строители и инженеры создавали энергетическую систему, обеспечивая «топливом» ускоренную индустриализацию страны. Строительство станций и производство электричества продолжалось в меняющихся политических условиях, включая партийные чистки.

*Идеологические проекты.* Образ электрического света, рассеивающего тьму в любое время года и работающего в зависимости от потребностей человека, использовался в идеологических целях еще в дореволюционное время. Освещенный электрическими огнями Кремль на коронации Николая II произвел огромное впечатление на современников. Советская власть

продолжила эту традицию. В.И. Ленин квалифицирует процесс электрификации как один из важнейших этапов построения коммунистического общества, а общедоступным проводником данной идеи становится «лампочка Ильича».

Этим темам посвящены работы Н.В. Никифоровой [Никифорова, 2017], Е.Л. Желтовой [Желтова, 1996], Д.В. Лаврова [Лавров, 2014], И.В. Саморукова [Саморуков, 2017], в которых авторы рассматривают образы электричества в литературных произведениях, исследуют семантику образов энергии по использованию электричества в сельской местности, выстраивание драматургии новых «красных» праздников на основе игры света и тьмы.

*Практики пользователей и производителей.* Появление электрической энергии в городах поменяло повседневные практики. Воображаемые границы городских районов теперь могли проходить по линиям коммунальной электрической сети. Соответственно изменялся и статус жильцов, населявших дома, которые были подключены к электричеству. Такие блага как электрический уют или радио по-новому организовали домашний быт. В исследованиях О.В. Козелкова [Козелков, 2014] и А.В. Маклюкова [Маклюков, 2013, 2019] данные сюжеты представлены на региональном материале Татарстана и Дальнего Востока.

Таким образом, культурная история, являясь распространенной подходом в зарубежной историографии, представляет гуманитарное решение для анализа феномена электрификации. Статьи, монографии и диссертации отечественных авторов, находящиеся в проблематике культурной истории, являются базой для развития данной методологической концепции на региональных материалах.

### Библиографический список

1. Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. №5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-i-novaya-kulturnaya-istoriya.html> (дата обращения: 24.04.2020).
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Издательство «Наука», 1973. 234 с.
3. Гвоздецкий В.Л. План ГОЭЛРО: мифы и реальность. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/5906/> (дата обращения: 24.04.2020).
4. Гвоздецкий В.Л. Кржижановский Глеб Максимилианович. URL: <http://ras.ru/nappelbaum/722d3775-6f62-4568-92b1-5902f3fe52c4.aspx?idetoc=0> (дата обращения: 24.04.2020).
5. Гибадуллин А.А. Развитие электроэнергетики после Октябрьской революции 1917 года: истоки, перспективы и проблемы // Статистика и экономика. 2018. №1. С. 17–24.

6. Желтова Е.Л. Электрификация России (1921 – 1928 гг.): мифологические аспекты // Вопросы истории, естествознания и техники. 1996. №1. С. 61–77.

7. Ильф И. Записные книжки. М.: Сов. писатель, 1939. 146 с.

8. Козелков О.В., Сайфутдинова Г.Б. История и развитие централизованного электро-теплоснабжения в Татарстане // Вестник КГЭУ. 2015. №4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-i-razvitietsentralizovannogo-elektro-teplosnabzheniya-v-tatarstane> (дата обращения: 24.04.2020).

9. Лавров Д.Е. Образ электрического света как отражение советской идеологии в лаковой миниатюре Палеха // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-elektricheskogo-sveta-kak-otrazhenie-sovetskoj-ideologii-v-lakovoy-miniature-paleha> (дата обращения: 24.04.2020).

10. Маклюков А.В. Формирование производственных кадров электроэнергетики на Дальнем Востоке СССР в 1920-1930-е гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. №2 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie> (дата обращения: 24.04.2020).

11. Маклюков А.В. Энергетическое строительство на Дальнем Востоке в годы первого пятилетнего плана (1928 – 1932 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. №3 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskoe-stroitelstvo-na-dalнем-vostoke-v-gody-pervogo-pyatiletnego-plana-1928-1932-gg> (дата обращения: 24.04.2020).

12. Никифорова Н.В. Лампочка Ильича и символические аспекты в пропаганде электрификации // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2017. №4 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lampochka-ilicha-i-simvolicheskie-aspekty-v-propagande-elektrifikatsii> (дата обращения: 24.04.2020).

13. Саморуков И.В. Памятник великому плану: тема электрификации в литературе советской эпохи // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. №4. С. 59–68.

14. Структура. Подразделения и сотрудники ИИЕТ РАН. URL: <http://ihst.ru/iiet/structure/> (дата обращения: 24.04.2020).

15. Электрификация // Большая советская энциклопедия. URL: <http://www.rubricon.com/qe.asp?qtype=4&qall=0&aid={08D4119A-0C77-46AC-876F84F1B92623AB}&ii=1&id=1&fstring1=%u044D%u043B%u0435%u043A%u0442%u0440%u0438%u0444%u0438%u043A%u0430%u0446%u0438%u044F&rq=1&onlyname=checked&newwind=&psize=10&pn=1&selw=checked> (дата обращения: 24.04.2020).

16. Энергетика России в плакате: альбом / сост. А.Е.Снопков, П.А.Снопков, А.Ф.Шклярчук. М.: Издательство «КОНТАКТ-КУЛЬТУРА», 2012. 112 с.

17. Shin H. «Energy/Culture: a reading guide for historical literature». The Material Culture of Energy, Spring, 2018. URL: <http://journal.sciencemuseum.ac.uk/browse/issue-09/energyculture-a-reading-guide/> (датаобращения: 24.04.2020).

## **«THERE IS A RADIO, BUT THERE IS NO HAPPINESS»: CULTURAL HISTORY OF ELECTRIFICATION IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

*Marassanova O.V.*  
Perm State University, 15, Bukireva str.,  
Perm, 614990, Russia,  
[helgamarassanova@yandex.ru](mailto:helgamarassanova@yandex.ru)

### **Abstract**

*The article provides a brief overview of Russian research on the cultural history of Soviet electrification in the pre-war period. Cultural history is understood as a methodological approach that allows us to consider the technical process of production and delivery of electric energy through the constructs of everyday life. In the cultural history of electrification, it is proposed to distinguish three thematic areas: state regulation of the electric power system, the use of electrification in ideological projects, and changes in household and labor practices with the appearance of electric energy for producers and consumers.*

### **Keywords**

*Cultural history of electricity; electrification; historiography; power engineering; industrialization.*

## СОВЕТСКИЙ ПЕДАГОГ В ОПТИКЕ ВЕДОМСТВЕННЫХ И ПАРТИЙНЫХ ОТЧЕТОВ

*Публикация подготовлена в ходе проведения исследования по проекту № 19-04-013\_ в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».*

*Брагин Лев Вадимович*

Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики» г.Пермь,  
614070, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая 38,  
Leva.bragin@yandex.ru

### **Аннотация**

*В статье предпринимается попытка изучения советской идеологии и школьной повседневности посредством анализа и сравнения двух типов источников – ведомственных и партийных материалов. К первым относятся отчеты органов управления образованием, ко вторым – протоколы партийных собраний школ. Для того, чтобы сравнить языки ведомственного и партийного описания мира советской школы, мы выбрали фигуру школьного педагога. Нас будет интересовать конструируемый образ учителя, представленный в двух типах источников. Мы обратим внимание на эталонный и девиантный образ советского педагога, рассмотрим противоречия, которые встречаются в источниках и постараемся выявить умалчиваемые сюжеты.*

### **Ключевые слова**

*Советская школа; образ; повседневность; идеология; советские учителя; протоколы партийных собраний; отчеты органов управления образованием.*

В последние десятилетия среди отечественных и зарубежных исследователей наблюдается интерес к изучению советской школы. В качестве примера можно привести такие проекты, как «Антропология советской школы», семинар РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики», коллективная монография «Острова утопии». Заметим, большинство из этих проектов представляют собой междисциплинарный диалог исследователей, среди которых можно обнаружить не только историков, но и антропологов, филологов и социологов. При всем различии затрагиваемых тем, используемых подходов, можно условно выделить два способа рассмотрения советской

школы. Первый предполагает изучение советской школы сквозь призму государственной политики. Изменение педагогических подходов, введение школьной формы и другие сюжеты изучаются как действия власти. Вторая точка зрения предполагает анализ повседневных практик в советской школе. В этом случае исследователи обращают внимание на практики освоения властных инициатив в мире школы, на автономные от идеологии зоны, в которых действуют ученики, учителя и школьная администрация. При этом категория повседневности нередко противопоставляется миру идеологии, а построение выводов может игнорировать статус используемых в исследованиях источников. Например, исследования образовательной политики и школьной повседневности могут опираться на одни и те же источники.

В этой статье предпринимается попытка изучения советской идеологии и школьной повседневности посредством анализа и сравнения двух типов источников – ведомственных и партийных материалов. К первым относятся отчеты органов управления образованием, ко вторым – протоколы партийных собраний школ. Для того, чтобы сравнить языки ведомственного и партийного описания мира советской школы, мы выбрали фигуру школьного педагога. Нам будет интересно сконструировать образ учителя, представленный в двух типах источников.

Сформулируем принципы использования таких понятий, как идеология и повседневность по отношению к рассматриваемому периоду. О.Л.Лейбович, рассматривая советскую повседневность позднесталинского времени, обращается к идеям феноменологической школы. В рамках этой концепции повседневность понимается как человеческий мир, который содержит в себе различные формы человеческой активности «от самых интимных зон, разделяемых с близкими людьми, до публичных акций». В Советском Союзе повседневная жизнь была тесно связана с идеологией государства, периодические издания пестрили заголовками об успехах социалистической системы, с помощью фильмов транслировалась счастливая жизнь советского человека, на парадах произносились лозунги в поддержку партии. Из-за этого для исследователя возникает сложность обнаружить повседневность. Образно говоря, она становится скрытой за идеологическим барьером. Для преодоления этой проблемы О.Л.Лейбович предлагает рассматривать не только идеологические документы, в которых многие сюжеты противоречат реальному положению дел, но и служебные документы. «Сопоставляя идеологические тексты со служебными документами, можно обнаружить, как социальная действительность выражается в языке эпохи, осмысливается в соответствии с идеологическими формулами, распределяется по значимости» [Лейбович, 2009].

В качестве подобных служебных документов, как уже говорилось, будут использованы протоколы партийных собраний школ города Молотов и отчеты органов управления образованием. Проведем краткий источниковедческий анализ. Отчеты ГорОНО и ОблОНО представляли собой строго выверенные ежегодно составляемые обзоры состояния дел в школах города и области. Исследователю проблематично обнаружить в них девиации, свойственные учителям, представителям администрации школы или ученикам. Между тем, этот источник позволяет выявить особенности бюрократического и политического языка эпохи: представления об эталонных образах, правила структурного построения документов, значимые для администрации сюжеты школьной жизни. Что представляет собой этот документ? Это отчет, в котором речь идет о состоянии дел в школе. Каждому предмету был посвящен отдельный раздел. Структура каждого раздела имела одну и ту же форму. Вначале была информация о важности предмета для страны и о выполнении указаний партии для школы. «Преподавание биологии в истекшем учебном году проходило в направлении разрешения задач, поставленных XIX съездом КПСС перед общеобразовательной школой в области политехнического обучения» (ГАПК. Ф. 986. Оп. 1. Д. 776. Л. 63). После вступления авторы отчета переходили к описанию положительных, на их взгляд, педагогов: «При знакомстве с работой историков хорошее впечатление произвели уроки, проведенные учителями Зуевой Л.С., Лагунова, Ипатово, Кулеш» (ГАПК. Ф. 478. Оп. 2. Д. 79. Л. 64). Именно в этом месте исследователь может обнаружить описание идеального педагога. Следуя традиции советской бюрократии, проверяющий должен был указать девиантную деятельность учителей, обычно она начиналась с помощью клишированных фраз «Наряду с...», «Несмотря на успехи...». «Наряду с преподавателями, имеющих высокие образцы в работе, есть еще в области учителя истории, которые не обеспечивают высокого качества уроков и знаний учащихся» (ГАПК. Ф. 986. Оп. 1. Д. 776. Л. 55). После описания учительских девиаций автор отчета делает вывод и предлагает действия по решению возникших в школе проблем.

Протоколы партсобраний позволяют взглянуть на ситуацию в школе под другим углом. В 1950-е годы происходит процесс партизации, учителя-коммунисты объединяются в новые первичные организации, создаваемые при школах [Чащухин, 2012]. Иными словами, в рассматриваемую эпоху происходит частичное совпадение профессиональных и партийных ролей в социальном пространстве школы. Как правило, в первички входили представители администрации школ. Между тем, партийное и школьное руководство не всегда совпадали. К рядовым же членам партии могли относиться и учителя, чей профессиональный статус внутри школы

традиционно считался ниже «обычного» учителя, например, преподаватели труда. На партсобраниях обсуждались различные вопросы. Учителя-партийцы могли говорить о недостатках школьной партийной организации. В протоколах происходит смешение партийных и ведомственных тем. Так, педагоги могли обсуждать работу школьного кружка, рассматривать кандидатуру на вступление в партию, обсуждать постановления закрытые письма ЦК КПСС или доклад директора об итогах учебного года. Таким образом, отчет является «строгим» документом, в котором текст подлежит строгому структурированию, а в протоколах партсобраний подобные клише и строгая формализация еще не присутствует.

Между тем, и в отчетах, и в протоколах, можно обнаружить схожие сюжеты. «Основные причины низкой успеваемости - слабая подготовка учителей к урокам. Многие учителя не продумывают опроса учащихся. Опрос бывает часто бессистемным» (ПермГАСПИ. Ф. 1498. Оп. 1. Д. 672. Л. 26). Слабая подготовка к уроку – частый проступок, который можно обнаружить не только в протоколе, но и в ведомственном отчете. «В работе некоторых учителей имеется много недостатков, зависящих от плохой подготовки к урокам. Иногда непродуманный опрос продолжается 20-25 минут» (ГАПК. Ф. 986. Оп. 1. Д. 776. Л. 43). Это можно объяснить тем, что советский педагог является носителем определенных паттернов<sup>4</sup>.

При написании отчетов и текстов протоколов используется бюрократический язык, который тесно переплетается с политическим языком. Степень клишированности в этих документах разная. Ведомственный отчет представляет собой более шаблонный документ по сравнению с партийными протоколами. В широком смысле, бюрократический язык характеризуется обезличенностью, клишированностью форм, необходимым использованием языка цифр, объективирующей реальность. Политический язык, в свою очередь, это язык лозунгов, в котором всегда будет упоминаться господствующие фигуры, например, фигура Сталина или партии, часто этим языком описывали героев и транслировали идеи патриотизма. Вступление в отчете является наглядным примером использования политического языка «В текущем учебном году учителя истории продолжали работать над правильным освещением вопросов истории в свете решения 19 съезда КПСС и последних работ И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», «Марксизм и вопросы языкознания» (ГАПК. Ф. 986. Оп. 1. Д. 776. Л. 63).

---

<sup>4</sup>Под паттерном здесь понимаются принятые и освоенные индивидом (или социальной группировкой) образцы политического поведения, сложившиеся в определенной исторической социокультурной среде» Таким образом, на партийном собрании педагог воспроизводит сюжеты, языковые паттерны, освоенные в разных сферах, восходящих к различным источникам: профессиональной периодике, кинофильмам, повседневному общению с коллегами и учениками.



Использование большого количества политических вставок в большей степени характерно для отчетов, нежели для протоколов.

Основной показатель успешной педагогической деятельности — это высокий уровень успеваемости в классе. Низкая успеваемость является следствием различных ошибок, которые совершил педагог. Как отчеты, так и партийные документы описывают эти ошибки. Какие девиации были видны в наших источниках? На этот вопрос может ответить как ведомственный документ, так и партийный. Самый часто встречающийся недостаток у советского педагога это — низкий идейно-политический и идейно-теоретический уровень, это означает, что педагог не владеет теорией в достаточном объеме и совершает ошибки теоретического и методического характера, кроме того, такой учитель плохо организует идеологическую работу. «Учителя географии в ряде случаев не обеспечивают еще должного качества уроков, низок идейно-политический уровень и научность излагаемого материала, слабо при изучении географии СССР и капиталистических стран связывают программный материал с современностью, с текущими событиями международной жизни» (ГАПК. Ф. 986. Оп. 1. Д. 776. Л. 82). Следующий существенный недостаток — невыполнение педагогом тех действий, которые предписываются советским образованием. Под этим я подразумеваю индивидуальный подход к ученику, борьбу со второгодничеством, борьбу с формализмом и воплощение идеи политехнизации. «Многие учителя пренебрегали принципом индивидуального подхода к учащимся, планомерной работой над изучением индивидуальных пробелов в знаниях учащихся. Классификация ошибок у таких учителей, как правило, проводилась редко, поэтому специальные уроки, посвященные работе над ошибками, были мало эффективны» (ГАПК. Ф. 986. Оп. 1. Д. 776. Л. 45).

Также стоит выделить такой недостаток, который именуют в ведомственных документах *формализмом*. Что означает этот термин? Под формализмом в советской школе понимали — заучивание школьником материала без должного понимания. «Учащиеся механически заучивают положение и законы физики без понимания их физического смысла, не умеют пользоваться этими законами при объяснении природы и техники, а также при решении задач по физике, не могут проводить установленных программой лабораторных и практических работ» (ГАПК. Ф. 986. Оп. 1. Д. 776. Л. 100).

Другой недостаток, на который часто обращают внимание проверяющие — неумение педагога поддерживать дисциплину в классе. Отсутствие дисциплины, как правило, объясняется низким уровнем педагогического мастерства учителя. «Учащихся не любит, и они ее тоже очень не любят, поэтому на уроках географии дисциплина отвратительна: ученики

встают с мест, ходят, бегают по классу, уходят из класса и снова приходят в класс в любое время урока» (ГАПК. Ф. 986. Оп. 1. Д. 799. Л. 49).

Все эти девиации являются, на мой взгляд, основными недостатками педагогов, которые можно обнаружить как в ведомственных источниках, так и в партийных документах. Иными словами, отчеты и протоколы партсобраний говорят об одном и том же. Если быть более конкретным, то в них речь идет о девиациях и способах решения этих проблем. Тем не менее, существует некоторые различия между этими двумя видами источников. Логика ведомственных документов сводится лишь к критике педагогов, предполагается, что только учитель виноват в учебных провалах своих учеников. В соответствии с отчетами органов управления образованием школьник не играет никакой роли в своем обучении, и успешность в учебе зависит только от преподавателя. В этом заключается основная разница между ведомственными и партийными документами. Ученик полностью выпадает из отчетов ОблОНО и ГорОНО как самостоятельный субъект советской школы, в них он представляется пассивным элементом. В сравнении с этим описание ученика в качестве активного субъекта часто обнаруживается в партийных документах. Учителя-коммунисты заостряют свое внимание на учениках и их родителях. Протоколы партсобраний как исторический источник является более иллюстративным и наглядным, нежели ведомственные документы, в партийных отчетах содержится больше примеров ученических девиаций и нарушения описаны более подробно.

Таким образом, исследователь может наблюдать совершенно разное отношение к ученику. Для сравнения в качестве примера возьмем цитату из отчета. «Большим недостатком в работе по физике является то, что учителя физики не работали с отстающими по физике, не изучали конкретных пробелов в их подготовке и не обеспечивали их изжитие на протяжении учебного года, мало тренировали учащихся в решении физических задач, отсюда по результатам года эти учителя имеют большое число неуспевающих» (ГАПК. Ф. 986. Оп. 1. Д. 776. Л. 110). Посыл, который несет в себе данный отрывок, является типичным. Он демонстрирует отношение к школьнику с точки зрения идеологических документов. Получается так, что школьник не является виновным в своих неудачах, вся ответственность падает на некомпетентных педагогов, которые не смогли обучить своего ученика. В системе образования в то время существовал принцип под названием «индивидуальный подход», который предполагал выявление пробелов в знаниях учеников. В данном отрывке педагогов критикуют за невыполнение этого принципа.

В партийных документах можно обнаружить совершенно противоположное представление. «Особенно плохая успеваемость в 5д классе.

Я прошу директора школы об исключении Козлова, так как он является неуспевающим и систематически пропускающим уроки. Также имеется у меня в классе еще много учеников, которые учатся плохо и надо вызвать родителей на педсовет и обсудить вопрос об отчислении таких учеников из школы» (ПермГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 1761. Л. 7). Проблему неуспеваемости школьный учитель предлагает решить посредством исключения ученика из школы. Напомню, что в идеологических документах такой метод борьбы за успеваемость не то, что не приветствуется, он полностью отсутствует.

В ведомственных отчетах довольно проблематично найти информацию про отчисления из школы, так как про это не было принято умалчивать, а в протоколах подобные сюжеты встречаются часто. Сюжеты, в которых школьник систематически не выполняет домашнее задание, прогуливает уроки и т.д., не попадают в текст ведомственного отчета. Данный отрывок можно расценивать как проявление некой патовой ситуации, когда иного выхода кроме исключения из школы нет, но тем не менее это все равно противоречит идеологической линии. Стоит указать, что это слова учителя, который работает именно в городской школе, а не в сельской, является членом партии, а поэтому обладает относительно высоким символическим статусом. Несмотря на это, педагог произносит слова об исключении ученика из школы. Таким образом, разница между идеологией и повседневностью становится очевидной. С точки зрения логики отчета вся ответственность за ученика лежит на плечах учителя, успешность школьника напрямую зависит от компетентности и вовлеченности педагога. Протоколы демонстрируют иное отношение к ученику и к деятельности учителя, в них обнаруживается информация о возможности исключения ученика из школы, для текста ведомственного отчета такое невозможно.

В протоколах партийных собраний можно обнаружить сюжеты, посвященные неблагополучным семьям, в то время как в отчетах ГорОНО и ОблОНО данная тема является фигурой умолчания, на это не принято обращать внимание при составлении идеологических документов. «Т. Седова останавливается на работе школы с родителями и говорит, что здесь в поселке Балатова школа должна особое внимание уделить связи с родителями. Столько пьяных она нигде не видела, как в Балатове. И, конечно, у этих людей есть дети школьники, на которых также пьяные родители оказывают отрицательное действие. И школа должна об этом помнить и больше быть связана с родителями» (ПермГАСПИ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 929. Л. 30). В данном отрывке речь идет о проблеме алкоголизма среди родителей. Предполагается, что многие злоупотребляют алкоголем, это в свою очередь негативным образом сказывается на учебной деятельности ученика. Мне видится, что данная

проблема нерешаема. Проблему можно обсудить на партийном собрании, но ее нельзя описать в тексте отчета, так как придется отчитываться перед московским начальством о проделанной работе. Таким образом, паттерны повседневности становятся заметнее именно в протоколах партийных собраний.

Не стоит полагать, что партийные документы обладают высокой степенью репрезентативности. Этот вид источника предоставляет фрагментарное представление об изучаемом периоде. Советский Союз в 1950-е годы испытывал ряд социально-экономических проблем. Речь идет о таких массовых явлениях как безнадзорность, безотцовщина и высокий уровень преступности среди школьников. На это обращают внимание многие исследователи, которые занимаются изучением повседневностью послевоенного времени, в том числе и Елена Зубкова. «Серьезной проблемой послевоенной жизни оставалась преступность среди несовершеннолетних. Так, по неполным данным в 1945 г. было привлечено к уголовной ответственности (в основном за кражи и хулиганство) в Молотовской области 740 подростков до 16 лет, в Ивановской области – 459, в Горьковской – 183, в Челябинской – 1751» [Зубкова, 1996, с. 140]. Иными словами, большое количество преступлений совершается именно школьниками, они собираются в банды, организуют вооруженные нападения, ведут криминальную активность [Чащухин, 2011]. Между тем, проблема детской преступности также становится фигурой умолчания в источниках. Такая массовая проблема не упоминается ни в одном из задействованных источников.

Продолжая эту мысль, следует также обратить внимание на поведение учителей. В идеологических документах часто встречаются материалы, которые описывают идеального педагога, который не совершает теоретические и методические ошибки, трепетно относится к своим ученикам, истинно любит страну и учеников. Этот образ является в наибольшей степени иллюстративным в фильме «Сельская учительница». В нем главная героиня, предстает перед зрителями в образе учителя, для которого главная цель – это обучение и забота о своих учениках. Отчеты органов управления образованием, газеты, учительские журналы стараются воспроизводить этот образ. «В работе этих учителей особенно отражается умение прививать теорию к языку, устанавливая дружеский контакт с классом, часто с родителями учащихся, соблюдать педагогический такт. Наряду с этим они умело ведут фронтальный опрос, следят за культурой речи учащихся, проявляют ряд других элементов воспитательного обучения» (ГАПК. Ф. 986. Оп. 1. Д. 799. Л. 28). Данная выдержка демонстрирует идеальный образ педагога. Предполагается, что другие учителя должны стремиться к этому идеалу. Как уже было сказано

ранее, в отчетах также встречаются примеры девиантной деятельности педагога, но авторы отчетов приводят те нарушения, которые можно исправить.

Протоколы партсобраний, в свою очередь, создают иное, более подробное представление о советских педагогах. Встречаются сюжеты, которые демонстрируют халатность и полное безразличие к своей работе и к ученикам со стороны педагогов. Проступок такого типа мною не был обнаружен в идеологических отчетах. «Некоторые преподаватели неправильно ставят оценки, например, т. Кони́на А.С., за то, что не принес циркуль, т. Балахни́на А.М. ставит двойку за то, что не сдана тетрадь с домашним заданием, а потом выясняется, что этих учеников не было в школе» (ПермГАСПИ. Ф.74. Оп. 1. Д. 1761. Л. 8). Вряд ли этот недостаток нельзя не исправить, но тем не менее, на основе этой цитаты можно проанализировать, как описывается учительская повседневность и как она противоречит идеологической картине. То есть, с одной стороны, мы видим, как государство с помощью идеологии пытается создать образ учителя, для которого учить и воспитывать детей – самоцель. С другой стороны, в протоколах мы видим проявления халатности и незаинтересованности в своей работе.

Подведем итоги. В партийных и ведомственных документах исследователь может обнаружить сюжеты, посвященные проблемам советской школы. В этих документах учительские девиации подробно описываются и предлагаются пути решения проблемных ситуаций. Описания девиаций в этих источниках имеют определенные сходства. Во-первых, как в отчетах, так и в протоколах используются бюрократический язык, в котором присутствует большое количество вставок политического содержания. Во-вторых, многие сюжеты для написания текстов как партийных, так и ведомственных, являются идентичными, хотя язык описания может немного отличаться. Это свойственно не только отчетам и протоколам, но еще и учительским газетам, журналам, различным методичкам.

Отчеты органов управления образованием замалчивают ряд проблем, с которыми сталкивается советская школа. Фигурами умолчания становятся ученики и их родители. Замалчивание ряда определенных проблем можно рассматривать как конструирование особой реальности. Идеологические документы не содержат негативную информацию про школьников. Проблема пьянства родителей, систематическое прогуливание уроков, невыполнение домашнего задания, все эти сюжеты не появляются в идеологических документах. Главная причина, из-за которой подобные проблемы не встречаются в отчетах, это характер данных проблем. Эти недостатки являются неисправимыми, учитель не может коренным образом повлиять на ученика, который прогуливает уроки. Осмелимся выдвинуть гипотезу, что проблема

детской преступности носила массовый характер в 1950-е годы. На мой взгляд, это одна из причин, почему происходило замалчивание. Протоколы партийных собраний, в свою очередь, частично освещают проблемы подобного типа, но тексты также не раскрывают ряд серьезных проблем. Высокий уровень детского бандитизма не находит своего отражения в отчетах организаций, которые должны с этим бороться.

На основе двух видов источников мы можем сравнить взаимодействие между идеологией и повседневностью. Идеология пытается конструировать идеальный образ педагога. В рамках этого образа учитель должен искренне любить своих учеников, лояльно относиться к своему государству, выполнять все указания, данные партией. Этот образ исследователь может проследить в ведомственных отчетах.

Образ, который исследователь может реконструировать исходя из текстов протоколов партийных собраний, противоречит идеологическому образу. В нем учитель предстает в более правдоподобном виде. Он не испытывает трепетную любовь к своим ученикам, не пытается бороться с низкой успеваемостью, часто проявляет равнодушие. Именно это несоответствие можно назвать школьной повседневностью.

### **Библиографический список**

1. Дом о трёх этажах, или как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Пермское краевое отделение общества «Мемориал». URL: <http://pmem.ru/index.php?id=1587> (дата обращения: 22.12.2019).

2. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 Москва: РОССПЭН, 1999. 229 с.

3. Информационные отчеты Кизеловского ГорОНО за 1953-1954гг.// Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 986. Оп.1. Д. 799. Л. 124.

4. Информационный отчет о работе школ Молотовской области за 1952–1953 учебные года// Государственный архив Пермского Края (ГАПК). Ф. 986. Оп. 1. Д. 776. Л. 166.

5. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1995. 144 с.

6. Майофис М.Л. Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени // Острова утопии Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 35–107.

7. Отчет о работе школ г. Молотова 1953-1954 // Государственный архив Пермского Края (ГАПК). Ф. 478. Оп. 2. Д. 79. Л. 130

8. Протоколы №1-20, 1-13 партийных собраний и планы работы партийной организации школы 69 // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 1498. Оп. 1. Д. 672. Л. 95

9. Протоколы №6-12 партийных собраний школы № 72 // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 668. Оп. 1. Д. 929. Л. 30

10. Протоколы партийных собраний по школе №9 им. А.С.Пушкина// Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 74. Оп. 1. Д. 1761. Л. 84.

11. Сафронов П. Идея политехнизации в отечественной школьной политике: подготовка реформы 1958 года и кризис эгалитарной идеологии. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 193–213.

12. «Сельская учительница» (реж. Марк Донской, 1947).

13. Чащухин А.В. «Пример Маленкова подсказывает нам...»: политические практики в жизненном мире советского педагога 1950-х годов // 1956: незамеченный термидор. Очерки провинциального быта. Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2012. С. 130–164.

## THE FIGURE OF SOVIET TEACHER IN DEPARTMENTAL ORDERS AND PROTOCOLS OF THE PARTY MEETING

*Bragin Lev V.*  
Higher School of Economics  
38, Studentskaya str.,  
Perm, 614070, Russia  
Leva.bragin@yandex.ru

### **Abstract**

*This paper attempts to analyse the ideologue and everyday life of the soviet school. To reach this aim it is relevant to analyse different types of sources. The first group of sources is departmental orders, the second one is the protocols of the party meetings. The current research is focused on the analysis of the figures of the soviet teacher from different sources. We are interested in the constructed image of the teacher in different sources. Thus, the perfect and deviant images of soviet teacher will be researched.*

### **Keywords**

*Soviet school; image; everyday life; ideologue; soviet teachers; the protocols of party meetings; departmental orders.*

## СЕКЦИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 9-94

### ЖЕНЩИНЫ НА ТРОНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.: ЕЛИЗАВЕТА ТЮДОР И МАРИЯ СТЮАРТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КИНООБРАЗОВ

*Калегина Елена Андреевна*

Пермский государственный  
национальный исследовательский университет,  
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
tanyasidova2000@gmail.com

#### **Аннотация**

*В данной статье рассматриваются кинообразы Елизаветы Тюдор и Марии Стюарт как репрезентация их исторических фигур. В исследовании прослеживается эволюция в репрезентации английской и шотландской королев и выявляются ее причины. Автор выделяет характерные общечерты кинообразов и обусловившие сходство факторы.*

#### **Ключевые слова**

*Елизавета Тюдор; Мария Стюарт; Кинематограф; Кинообразы; Англия; Шотландия*

Исторические фигуры Марии Стюарт и Елизаветы Тюдор волнуют историков и культурологов на протяжении долгого времени. Политическая деятельность и личная жизнь этих двух королев были переплетены с самого начала их рождения. Интерес к ним не ослабевает за счет переосмысления их значимости в истории. В настоящее время именно кинематограф позволяет наиболее ярко репрезентовать эти исторические фигуры.

Детальное рассмотрение женских образов в кинематографе началось давно. Еще в 1975 году Лаура Малви сделала первый шаг к решению этой проблемы. На наш взгляд, ее исследование [Ярская-Смирнова, 2007, с. 474–477] подтолкнуло режиссёров больше использовать в фильмах женские образы как основополагающие и обращаться к женским вопросам. Для анализа данной проблемы нами использовался семиотический подход. На наш взгляд, семиотика является важным методом для изучения женских образов, поскольку позволяет оценить не только кинематографические приемы режиссера, но и посыл создателей в раскрытии того или иного персонажа. Е.Р.Ярская-Смирнова в «Социологическом анализе кинотекста» выделяет две



модели женского образа – «роковая женщина» и «добропорядочная женщина». В первые десятилетия существования кинематографа содержанием фильмов нередко становился конфликт между этими двумя моделями. Однако затем, в ходе усиления значимости образов «сильных и самостоятельных женщин», они начинают совместно противопоставляться мужским образам, образуя некий тандем [Ярская-Смирнова, 2007, с.477–479]. Данное нововведение является основополагающим, поскольку позволяет проследить эволюцию в репрезентации королев.

Наша работа является попыткой ответить на ряд вопросов – существуют ли общие черты в кинорепрезентации указанных королев, и какие исторические и кинематографические факторы повлияли на них. Основными источниками, используемыми для изучения, стали фильмы «Мария Шотландская», «Малышка Бесс», «Мария – королева Шотландии» (1971 г.), «Елизавета», «Мария – королева Шотландии» (2013 г.) и «Две королевы». В них Мария Стюарт и Елизавета Тюдор показаны в качестве и главных, и второстепенных героинь, что позволяет рассмотреть их образы представленными с разной степенью значимости для конкретного сюжета.

В указанных работах мы видим эволюцию кинообраза Марии Стюарт от «заинтересованной только в развлечениях» (например, в фильме «Мария Шотландская», 36:15, 54:50) до «независимой правительницы» (фильм «Мария – королева Шотландии» 2013 г., 23:00, 44:25), что можно связать с современными тенденциями отображения модели «сильной женщины». В первом фильме показано, что Мария Стюарт думает больше о себе и развлечениях, чем о политике, во втором фильме первостепенной задачей для шотландской королевы становится уже благополучие ее родной страны и наследника. Изменения в репрезентации Елизаветы Тюдор в значительной степени связаны более частым перенесением этого персонажа на главную роль. Прежде всего это обусловлено успехом киноленты «Елизавета» 1998 года, которая ознаменовала собой начало данной эволюции. Указанная тенденция проявляется через увеличение хронометража сцен с размышлениями самой Елизаветы Тюдор (в фильме «Елизавета» (47:55)) по сравнению с ее диалогами с мужскими персонажами.

В кинообразах Марии Стюарт и Елизаветы Тюдор присутствуют общие характерные черты. Первая – показ заинтересованности героинь в политической жизни страны. Хотя фильм «Малышка Бесс» 1956 года нельзя назвать кинолентой, где эта тенденция проявляется в полной мере, но в ней уже в юности Елизавета Тюдор выступает как политический деятель. Также эту черту можно рассмотреть на примере сюжетов, связанных с Эдинбургским договором, заключенным между Англией и Францией в 1560 году, по которому

Мария Стюарт должна была отказаться от претензий на английский престол и признать Елизавету Тюдор законной правительницей своей страны. Однако Мария Шотландская не стала это делать, что явно не удовлетворяло Елизавету I. Серия переговоров, происходившая в 1560–1561 годах, не привела к желаемому для Елизаветы Тюдор результату, и политические отношения между Англией и Шотландией ухудшились [Имя мое – клятва, 2013, с 344]. Это событие в той или иной мере влияет на повествование почти во всех фильмах – оно заставляет Марию Стюарт и Елизавету Тюдор ради победы друг над другом придумывать хитрые политические ходы. Так в фильме «Две королевы» (06:25, 08:06) мы видим, что Елизавете известно о политической обстановке в Шотландии, и она активно ею интересуется. Из этого можно сделать вывод, что ее волнует не только благополучие собственной страны, но и расстановка внешнеполитических сил. В киноленте «Мария – королева Шотландии» 2013 г. (12:20, 23:50, 30:50) показано, что Мария Стюарт выступает защитницей интересов своей страны на мировой арене и предпринимает все возможные усилия, чтобы состоялся мир между Шотландией и Англией без кровопролития.

Вторая – акцент на чувственности королев. Начиная с фильма «Мария Шотландская» 1936 года их личная жизнь является значимой частью повествования. Это связано с желанием авторов совместить историческую постановку с романтическим сюжетом. Например, режиссер фильма «Мария – королева Шотландии» (2013 г.) Томас Имбах в интервью во время кинофестиваля в Локарно отмечал, что намеренно отошел от показа исторической действительности. Нередко при репрезентации образа Марии Стюарт ее показывали подвластной скорее чувствам, чем разуму. Например, в фильме «Мария – королева Шотландии» 1971 г. (50:42, 1:09:22, 1:21:18) это видно из взаимоотношений Марии Стюарт и графа Боссвелла. Шотландская королева, влюбленная в графа, совершает опрометчивый поступок и сбегает с ним из замка, не предполагая какие могут быть последствия подобного поступка. В образе Елизаветы Тюдор показ политической деятельности и любовных перипетий совмещается более равномерно. Например, в «Елизавете» (34:30, 42:10) можно увидеть, что Елизавета Тюдор с одной стороны поглощена политическими проблемами, с другой – отвлекается от них на общение со своим фаворитом Р. Дадли.

Третья общая особенность – проявление негибкости в отношении к чужим взглядам. Исследователи неоднократно отмечают [Грэм, 2010, с. 3–4; Дмитриева, 2013, с. 198] своеволие королев, их непоколебимость в решении определенных вопросов. Так, например, в фильме «Малышка Бесс» (39:34) Елизавета хоть и показана ещё до начала правления, но уже видно, что она не

терпит возражений. В кинолентах «Елизавета» (53:45) и «Мария – королева Шотландии» 2013 года (1:19:15), где Мария Стюарт и Елизавета Тюдор действуют уже в ранге королев, они ведут себя как полноценные правительницы, не внимающие советам со стороны. При этом интересно рассмотреть эту черту на примере фильмов, где их образы представлены равноправно – «Мария – королева Шотландии» 1971 года (например, 23:30, 27:28, 27:55, 32:00, 37:21, 51:00 и 1:00:40) и «Две королевы» (16:45, 21:18, 24:15, 28:26, 39:55, 42:50 и 46:00). В обеих кинолентах показано, что кинематографическая Мария Стюарт хоть и делает вид «далекой от политики» женщины, в трудных обстоятельствах является оплотом твердости и уверенности, особенно если дело касается религии и замужества. Елизавета Тюдор тоже показана настолько искусной правительницей, что своей хитростью способна обойти даже своих советников. Отчётливо подобные проявления королев можно увидеть в сценах, связанных с предложением, поступившим Марии Стюарт от Елизаветы I выйти замуж за графа Лестера. В таком случае Елизавета Тюдор могла бы подписать договор о престолонаследовании, по которому после ее смерти корона доставалась Марии Стюарт. Но Марию Шотландскую подобный выбор оскорбил, и она демонстративно вышла замуж за другого английского дворянина – Генриха Дарнли. Подобный выбор был только на руку английской королеве [Имя мое – клятва, 2013, с. 66].

В результате исследования обнаруживаются несколько факторов, повлиявших на кинообразы Марии Стюарт и Елизаветы Тюдор. Во-первых, рецепция образов более ранних произведений. Если создателям есть на что ориентироваться, они заведомо повторяют в большей или меньшей степени приёмы съёмки сцен или сюжетные повороты, ранее созданные в литературе или кинематографе. Это можно проследить на примере фильмов «Мария – королева Шотландии» 1971 года (1:39:12–1:43:16) и «Две королевы» (1:43:00–1:50:55). В этих кинолентах можно увидеть личную встречу между Елизаветой Тюдор и Марией Стюарт, которой так и не состоялось в истории. Это своеобразный референс в сторону исторической драмы Ф. Шиллера «Мария Стюарт» [Шиллер, с. 22–24]. Режиссёры намеренно отходят от исторических реалий, чтобы сделать чувственный акцент на раскрытии этих кинообразов. Он проявляется в чрезмерной эмоциональности английской и шотландской королев, что, судя по переписке Марии Стюарт и Елизаветы Тюдор [Имя мое – клятва, 2013, с. 70–98], не является правдой. Важно отметить, что это хоть и является отсылкой к одному произведению, но трактуется создателями картин с противоположных сторон: в фильме 1971 года Мария Стюарт представлена больше с негативной стороны, в то время как Елизавета Тюдор выступает в

качестве добропорядочной королевы. В фильме 2019 года всё происходит с точностью до наоборот. Это явление является наглядным доказательством теории Е.Р.Ярской-Смирновой о наличии в кинематографе начала XX века моделей «порядочной» и «роковой женщины», что впоследствии трансформировалось в разностороннее видение исследователями образов Марии Стюарт и Елизаветы Тюдор.

Второй фактор – сила мнения различных женских общественных движений («#MeToo» и др.). Под их давлением мужские образы стали отходить на второй план или вовсе становиться вспомогательными для раскрытия сильных женских характеров. Причина лежит в феминизации современного мира. Г.Дарнли и Р.Дадли в новых экранизациях исторических событий XVI в. перестали быть важными героями повествования. Если в ранних фильмах «Малышка Бесс» или «Мария Шотландская» мужские образы представлены равноправно с женскими, то начиная с фильма «Елизавета» 1998 года на первый план выходит образ Елизаветы Тюдор. Эта тенденция проявляется в уменьшении экранного времени персонажей-мужчин, а также в плохо прописанной мотивации их поступков. Например, в фильме «Мария — королева Шотландии» 1971 г. Р.Дадли в сценах с Елизаветой (3:50, 21:20, 36:52) показан как волевой человек, который пытается добиться своего, но при этом остается верен королеве. В «Елизавете» (36:35, 50:10, 1:04:50) этому персонажу присуща созерцательность, отчего складывается впечатление, что Р.Дадли введен только для соответствия истории: он часто только наблюдает за Елизаветой Тюдор и редко вступает в то или иное действие.

И последним, на наш взгляд, фактором является страна производства. В случае с киноплощадками Марии Стюарт это важный фактор понимания режиссерского видения ее характера и поступков. Например, образ Марии Шотландской в кинолентах США и Великобритании до последнего времени почти всегда показывался однобоко – режиссеры изображали «избалованную девушку», которая не умеет руководить страной и занимается лишь устройством своей личной жизни. Напротив, кинообраз Марии Стюарт из фильма «Мария – королева Шотландии» 2013 года, снятого в Швейцарии и Австрии, получился более разноплановым. Режиссер смог раскрыть эту историческую фигуру не только через призму личных переживаний, но и через политическую деятельность. Например, показывается, что Мария Стюарт для демонстрации своей сестринской верности распорядилась о размещении в своем знамени английского герба (14:00), а чуть позднее демонстрируется оживленный разговор шотландской королевы и Джона Нокса (24:32). С репрезентацией Елизаветы Тюдор на экране проблема обстоит иначе. В американских и английских фильмах английская королева предстает как

хитрая, но мудрая правительница, которая всегда борется за политическое спокойствие в стране. В фильме же «Мария – королева Шотландии» 2013 года она лишь фигурировала в качестве объекта переписки с Марией Стюарт, стимулировавшего размышления шотландской королевы.

В результате изучения фильмов, посвящённых британским королевам XVI века, можно сделать вывод, что кинообразы Марии Стюарт и Елизаветы Тюдор претерпели значительную эволюцию – шотландскую королеву стали все чаще показывать за решением политических задач, а английскую – за внутренней критикой собственных решений. Причинами этих изменений послужило нарастающее стремление авторов фильмов раскрывать психологию своих героинь. В то же время, в кинообразах британских королев XVI в. можно выделить схожие черты – показ заинтересованности в политической жизни страны, акцент на чувственности королев и проявление негибкости в отношении к чужим взглядам. Факторами, обусловившими эту схожесть, выступают рецепция образов более ранних художественных произведений, сила мнения женских общественных движений и страна производства.

### **Библиографический список**

1. Грэм Р. Мария Стюарт. М.: Молодая гвардия, 2010. 648 с.
2. «Две королевы» (реж. Джози Рурк, 2018)
3. Дмитриева О.В. Елизавета Тюдор. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. 356 с.
4. «Елизавета» (реж. Шекхар Капур, 1998)
5. Имя мое – клятва. М.: Эксмо, 2013. 480 с.
6. «Малышка Бесс» (реж. Джордж Сидни, 1953)
7. «Мария – королева Шотландии» (реж. Чарльз Джэррот, 1971)
8. «Мария – королева Шотландии» (реж. Томас Имбах, 2013)
9. «Мария Шотландская» (реж. Джон Форд и Лесли Гудвинс, 1936)
10. Шиллер Ф. Мария Стюарт. URL:[www.litmir.me/br/?b=203681](http://www.litmir.me/br/?b=203681) (дата обращения: 01.05.2020).
11. Ярская-Смирнова Е.Р. Социологический анализ кинотекста // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов: Научная книга, 2007. С. 467–503.
12. Mulvey L. Visual Pleasure and Narrative Cinema // Screen 16 (3). Autumn. 1975.

# **WOMEN ON THE THRONE IN THE SECOND HALF OF THE 16<sup>TH</sup> CENTURY: ELIZABETH TUDOR AND MARY STUART THROUGH THE PRISM OF FILM IMAGES**

*Kalegina Elena A.*  
Perm State University, 15, Bukireva str.,  
Perm, 614990, Russia,  
tanyasidova2000@gmail.com

## **Abstract**

*This article discusses the film images of Elizabeth Tudor and Mary Stuart as a representation of their historical figures. The study traces the evolution in the representation of the English and Scottish queens and identifies its causes. The author identifies the characteristic common features of cinema images and factors that caused similarity.*

## **Keywords**

*Elizabeth Tudor; Mary Stuart; Cinema; Film images; England; Scotland.*

## **ИДЕЯ «ВЕЛИКОЙ ФИНЛЯНДИИ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ В ПЕРИОД 1917-1944 ГГ.**

*Турбин Никита Дмитриевич*

Пермский государственный  
Национальный исследовательский университет,  
614990, Россия, г.Пермь, ул.Букирева, 15,  
turbinnikita18@gmail.com

### **Аннотация**

*Исследование рассматривает социально-политическую идею «Великой Финляндии» в свете письменных источников. Исследовательский вопрос состоит в определении общественного мнения, а также развития идеи «Великой Финляндии» в источниках в период 1917 – 1944 гг. В зависимости от времени и стороны термин «Великая Финляндия» изменялся и окрашивался в разные оттенки. Предпосылки такого явления начинаются задолго до указанного периода. Это нашло отражение в таких источниках как стихи и тексты песен. По структуре и стилю они были разнообразны, однако выдержаны в освободительно-патриотическом ключе. Проанализировав прессу, мы находим отражение политических взглядов, касательно этой концепции, а также разность мнений касательно «Великой Финляндии».*

### **Ключевые слова**

*Карельский вопрос, финская экспансия, идеология «Великой Финляндии», Восточная Карелия, финские источники, Карельское Академическое общество.*

Научная актуальность исследования заключается в необходимости изучения различных письменных источников, вследствие которых сложились те или иные политические взгляды касательно политики распространения финского влияния в скандинавском регионе.

Финское государство в начале XX века представляло собой неоднородное общество в политическом плане, и благодаря изучению текстов песен, стихов и разнообразной прессы, мы сможем ответить себе на некоторые вопросы касательно идеи «Великой Финляндии».

Новизна исследования заключается в том, что по данной теме существует крайне мало научных работ, особенно в отечественной историографии. Данное

исследование позволит взглянуть под другим углом на идею «Великой Финляндии».

Объект исследования – источники, отражающие мнения касательно идеи «Великой Финляндии»

Предмет исследования – идея «Великой Финляндии» как социополитическая проблема 1917 – 1944 гг.

Цель исследования – определение проявлений идеи «Великой Финляндии» в исторических источниках.

На сегодняшний день написано мало работ по данной теме. При этом большая часть из них посвящена непосредственно идее «Великой Финляндии» без анализа и обзора письменных источников. Более того, сам образ «Великой Финляндии» часто предстает в искаженном виде из-за литературы, написанной под влиянием советской пропаганды, либо работы вовсе основаны на литературе и источниках, написанных гораздо позже периода, когда концепция «Великой Финляндии» развивалась.

### **Развитие идеи «Великой Финляндии» в стихах и текстах песен**

На раннем этапе своей государственности, то есть в первой половине XIX века, термин «Великая Финляндия» фактически не использовался, однако в то время в кругах интеллигенции активно складываются теории об языковой и культурной границе распространения финского влияния. Это связано также с тем, что начинается изучение финно-угорских языков, в результате чего становится понятно, что на востоке проживает множество родственных финнам народов, поэтому естественная граница Финляндии может простирается гораздо восточнее.

Отражение этого мы видим в трудах деятелей фенномании, например, в стихах Августа Альквиста (Оксанен), который был знаменитым поэтом и филологом, но также и великим исследователем финно-угорской культуры, и этнографом. На становление его как деятеля фенномании повлияли труды Йохана Рунеберга, благодаря которому им овладели национально-романтические взгляды. Эти и другие взгляды касательно места финно-угров в культурном пространстве и в мире он изложил в труде «*Muistelmiamatkoilta Venäjällä*» («Воспоминания из поездки в Россию»). Также он был автором множества стихов, среди которых стихи, ставшие основой «*Savolaisenlaulu*» («Саволакской песни»).

Обратимся к стихам «*Suomenvalta*» («Финское государство»). Оксанен пишет: «Онега, Беломорье, Ботнический залив, здесь могучая Финляндия, и никого другого», что обозначает финские в культурном плане территории. Далее написано: «В этой стране ты сторож, не презирай свой голос! Встань,



встрепенись, финн, эхо ввысь!»), что также, возможно, говорит о культурном доминировании финнов в этих регионах [*Oksanen.Suomenvalta, 1857*].

Проанализировав данный текст, можно сделать вывод о том, что термин «Великая Финляндия» на раннем своем этапе был тесно связан с деятелями финномании и означал распространение именно культурного влияния Финляндии за формальные политические границы.

Отмечу, что в период до получения Финляндией своей независимости в 1917 году, тексты песен и стихи являются для нас особенно важным источником. В начале XX века уже витающая в умах финской общественности, и царившая в головах финских националистов идея «Великой Финляндии» не могла быть должным образом отражена в периодических изданиях – газетах и журналах в силу отсутствия политической независимости страны, а также в силу проводимой политики русификации [*Ошеров, Суни, 1986, с.5*].

Стремления Финляндии мы видим также в стихах еще одного деятеля культуры – Хейки Нурмио. Примечательный факт из его биографии кроется в том, что помимо того, что он был писателем и поэтом, в 1916 году он присоединился к 28 егерскому полку, сформированному Германией из финских добровольцев. Вместе с ними он воевал на восточном фронте против Российской империи, а в дальнейшем принимал участие в гражданской (освободительной) войне в Финляндии на стороне белых сил.

Интерес вызывает то, что в стихах, ставших впоследствии текстом для песни «*Jääkärimarssi*» («Марш Егерей»), с точностью описаны территории, которые автор считает исконно финскими в культурном смысле. Автор так и пишет: «Эстония, Онега, красивая земля Карелии, – это одно великое государство Финляндии» [*Helsingin Sanomat, 1918, s.7*]. Исследуя данный текст, можно сделать вывод: военная карьера и идеологическая подкованность Хейке послужили явным вдохновением для написания этих стихов. Также отмечу, что текст был написан в 1917 году, то есть, если заглянуть вперед, буквально перед обретением страной независимости, в силу чего идея «Великой Финляндии» звучит уже наиболее явно. Впоследствии текст был положен на музыку знаменитого финского композитора Яна Сибелиуса, благодаря чему появилась песня, ставшая популярной в рядах белой армии и финском обществе.

В дальнейшем идея «Великой Финляндии» немного видоизменяется. К распространению культурного влияния прибавляется политическое влияние. А стремление получения независимости сменяется ненавистью к большевизму, при этом русофобские настроения, появившиеся в результате царской политики, не уходят на второй план.

Победа белых сил в гражданской войне означала и собственное понимание победителями этой войны. Из мемуаров Маннергейма становится

ясно, что причину распространения революции он видит в русских [Маннергейм. Воспоминания, с. 85]. Из чего следует, что белые воспринимали эту войну как освободительную от большевистских нападков. Это также играет роль в изменении термина «Великая Финляндия».

Подтверждение этому мы видим в трудах Илмари Кианто – выдающегося финского писателя XX века, долгое время жившего и изучавшего русский язык в России. Кианто, будучи фенноманом, видел Карелию сердцем финской культуры и всячески поддерживал идею «Великой Финляндии». Мы видим это в сборнике стихов «Suomisuureksi – Vienavaraaksi» («Финляндию великой – Онежье свободным»), написанном после участия в военной экспедиции в Восточную Карелию [Kianto, Suomisuureksi-Vienavaraaksi, 1918].

Обратимся к еще одному тексту того же Илмари Кианто – песне «Vapaussoturin valloituslaulu» (дословно «Революционная песня воина-освободителя») [Kaiku, 1928, s. 4]. Песня начинается со слов «Государство пострадало от власти русских», также там присутствуют такие строки как «Долой красных русских», и «Русская ищейка будет изгнана», что лишний раз подтверждает точку зрения о слиянии понятий «красный» и «русский». Остальная часть лирики песни повествует о военной храбрости и освобождении Карелии («Карелию зачистим от красногвардейцев»), при этом говорится не только о финском народе, но и о карелах, вепсах и инкери (ингерманландцах), что подтверждает планы включения этих народов в одну «Великую Финляндию».

Эта и другие песни становятся вновь актуальными с началом Второй мировой и советско-финской (зимней) войн, так как вновь поднимается тема Карелии.

Следующим источником является текст популярной песни «Uraliin» («На Урал») автора Матти Юрвы [Jurva, Uraliin, 1942]. Он был знаменитым не только в Финляндии, но и за рубежом композитором, певцом, артистом, актером и поэтом. В период «Зимней» и «Войны-продолжения» он выступал перед солдатами на фронте. Также совместно с музыкантом Туту Пеккариненом, он является соавтором многих других знаменитых военных песен Финляндии, вошедших в сборник под названием «Molotovahinkoktaili» («Коктейль Молотова»).

Проведем анализ текста песни, а конкретно строк, касающихся изучаемой проблемы: «На Урал, на Урал, сейчас атакует уже сама Финляндия». Первая же строчка говорит о военном реванше Финляндии. Следующая строчка гласит: «На Урал, там у них дела, Иваны бегут так, что из-под валенок искры летят!», вследствие чего можно отметить стереотипность песен. Русские – все «Иваны», и все в валенках. Вывод касательно песни таков: песня написана в

юмористическо-патриотическом ключе с использованием стереотипов, вследствие чего была популярна, а автор часто упоминался в газетах [Laatokka, 1941, № 83]. Также в словосочетании «На Урал» прослеживается возможный экспансионистский посыл. Не случайно именно эти строчки будет использовать в дальнейшем советская пропаганда, говоря о давнем стремлении Финляндии выдвинуть границы вплоть до Урала.

В целом, проанализировав такие источники как стихи и тексты песен, можно сделать следующий вывод. По структуре и стилю стихи и тексты песен были разнообразны: иногда это драматический текст, иногда это была политическая сатира. Также порой некоторым словам придавался намеренно расистский характер [Raittila, 1988, s. 19]. Однако отметим, все они были выдержаны в освободительно-патриотическом ключе.

Именно в поэтических текстах деятелей фенномании рождается и обретает культурологическую окраску идея «Великой Финляндии». В дальнейшем, благодаря обширным военно-политическим потрясениям, она приобретает и политическую окраску, с сопутствующими ей частыми темами, например, антикоммунизма, что наиболее ярко было отражено в таких источниках, как тексты песен военного времени.

### **«Великая Финляндия» в периодических изданиях**

Начать следует с обзора периодических изданий, выпускаемых в обозначенный период, в которых тем или иным образом была затронута тема «Великой Финляндии». Это в первую очередь такие газетные издания как «Вести Хельсинки», «Ладога», «Восточная Карелия», «Финское племя» и «Вести Кякисалми», а также такие журналы как «Пограничная служба».

Поистине, самой популярной газетой Финляндии является «Helsingin Sanomat» («Вести Хельсинки»). Газета издается до сих пор, а появилась в 1889 г. под названием «Päivälehti» («Ежедневник»), свое современное название приобрела только в 1905 году. До 1917 г. газета часто закрывалась российскими властями из-за материалов, посвященных автономии Финляндии, в силу чего многие источники до 1917 года были утеряны или остаются недоступными.

Структура газеты содержит обзор свежих новостей и мероприятий, фотографии, интервью с деятелями политики и культуры и вырезки из Библии, также рекламу книг и бытовых товаров.

Первое упоминание «Великой Финляндии» как культурно-политической экспансионистской идеи мы наблюдаем в выпуске № 226 за 1922 год: *«Почему не сбылась мечта о Великой Финляндии? Почему Финляндия даже не присоединяет Реполу и Пораярви? Почему рабство повсюду поработает финна? Основной причиной разочарования, слез и боли стала разобщенность и*

ссоры финского племени. История ни одной наций не знает так много племенных войн, как наша» [Helsingin Sanomat, 1922, s.3].

Из текста следует, что очевидно речь шла об итоге «племенных войн» - серии конфликтов между Советским Союзом и Финляндии в восточной Карелии в 1918 – 1920 гг. с участием местного населения. Результатом было подписание Гартуского мирного договора, в котором Финляндия отказывалась от притязаний на указанные в тексте территории, что понималось в среде правых как позор. Из текста видно, что хоть автор и скептически настроен, так как говорит о «разобщенности и ссорах» финского и родственных народов, однако проблема все-таки волнует его, так как киз слов «Почему Финляндия даже не присоединяет Реполу и Пораярви? Почему рабство повсюду поработывает финна?» понятно, что он видит несправедливость и ратует за присоединение этих территорий. Что касается самого текста, то он написан в сугубо патриотическом характере, с использованием гиперболы («Почему рабство повсюду поработывает финна?») и сравнения («История ни одной наций не знает так много племенных войн, как наша»), что увеличивает значимость темы.

В силу сложившегося после гражданской войны политического курса в 1922 году появляется «Академическое Карельское Общество» (АКО) – националистическая организация, вышедшая из среды студенческих кругов и правой интеллигенции. Главной целью АКО было продвижение и осуществление политической идеи «Великой Финляндии» [Poikonen, Suur-Suomearperustamassa, 2006, s. 25–26].

Обратимся к главному рупору АКО – газете «Suomen Heimo» («Финское Племя»). Газета издавалась с 1923 до 1944 года, при этом в связи с условиями прекращения деятельности всех прогитлеровских организаций, а (АКО было признано таковой), многие материалы документов и прессы были уничтожены. Частыми в структуре очередного номера газеты были исторические статьи о финском народе и культуре, которые соседствовали с материалом агитации, также в номерах газет поднимались актуальные для финского общества проблемы.

АКО, опираясь на племенную идеологию, считало, что именно язык и национальность образуют единое целое. При этом может показаться, что деятельность АКО в таком случае полностью обращена в сторону восточной Карелии, то есть карелов, вепсов и инкери, однако это не так. Одной из таких важных проблем, поднимаемых в 1920-е годы, являлось положение жизни родственного финнам населения в Норвегии и Швеции. Мы узнаем об этом непосредственно из газеты «Suomen Heimo», где остро поднимается вопрос о квенах, проживающих в Руйе, и финских торнедаленцах в Лянсипохье.

Несмотря на то, что это были национальные меньшинства в соседних странах, их численность считалась достаточно большой, чтобы пытаться оказать им помощь от шведско-норвежского угнетения, которое на взгляд АКО действительно было. Например, в выпуске «Suomen Heimo» № 12 за 1924 год заявлено, что со стороны шведов исходит «бесстыдное угнетение» финского меньшинства, что проводятся «систематические» попытки его «шведизировать» [Suomen Heimo, 1924, № 12, s. 180]. В связи с этим АКО были предприняты такие меры помощи как отправка в сопредельные страны финской научной, учебной и художественной литературы, а также агитаторов для создания там клубов и обществ. Однако, притом, что все действия были в рамках закона, в том же 1924 году в выпуске № 10 «Suomen Heimo» сообщается о трудностях распространения литературы в Лянсипохье, а также об «ужасной практике конфискации посылок» шведской почтой [Suomen Heimo, 1924, № 10, s. 156]. Для АКО была очевидна дискриминация родственного населения.

Интересно взглянуть на эту проблему со стороны другого источника, газеты «Käkisalmen Sanomat» («Вести Кякисалми»). Газета издавалась типографией юго-восточной Карелии в городе Париккала с 1918 до 1944 года.

Обратимся к выпуску № 15 за 1940 год: «Тысячи финнов все еще живут в этих районах. Но этого недостаточно, чтобы оправдать их аннексию в Великую Финляндию... даже если утверждать, что саамы, имеющие финское происхождение, тысячу лет проживали там. Хорошо, без разницы» [Käkisalmen Sanomat, 1940, № 15, s. 4]. Несмотря на то, что актуальность этой проблемы снижается со второй половины 1930-х гг., становится очевидно, что автор данной статьи не является сторонником «Великой Финляндии».

Подтверждение того, что газета придерживается скептических взглядов касательно экспансионистских идей, мы видим еще раньше в выпуске № 3 от 1938 года. Обратимся к тексту: «Хотели ли многие перенести восточную границу Финляндии на Урал?... Ну, конечно, Великая Финляндия была бы хороша. «Автономия» наших соплеменников за восточной границей может быть очень похвальной. Но... Есть много НО. На этот раз мы говорим только об этом.

*Как бы мы управляли и развивали эту Великую Финляндию? Сегодняшняя статистика показывает, что даже сегодня наши восточные пограничные районы являются худшей «пустыней». О каком чуде в пустынной Карелии может идти речь, когда мы не смогли поселиться в наших же восточных пограничных районах?!...*

*Кажется, что наших сил недостаточно для внезапного повышения экономической и духовной культуры даже в Маленькой Финляндии. Тогда как управлять Большой Финляндией?» [Käkisalmen Sanomat, 1938, № 3, s.3].*

Из текста виден явный антиэкспансионистский посыл, автор критикует идею «Великой Финляндии» с границами до Урала, ссылаясь на то, что у страны не будет нужного количества ресурсов для поддержания государственности на таких огромных территориях, более того, видна его скептическая позиция, касательно даже приграничных районов и планов на восточную Карелию. Данный источник имеет большую важность, так как существовало мало периодических изданий, имеющих отрицательную позицию, касательно идеи «Великой Финляндии».

Более популярное мнение разделяет газета «Laatokka» («Ладога»). В структуре газеты частыми были новости об экономике и политике, обзор мероприятий, избранные цитаты из Библии, также пару страниц отводилось для лотерей и розыгрышей. Газета была популярна и издавалась Карельской Сортавальской типографией в городе Сортавала с 1884 по 1944 гг.

Перед нами выпуск газеты № 78 1939 года. В тексте сказано: *«Весной 1919 года в Сортавале появлялась группа за группой, и в количестве почти 1000 человек они пересекли границу и шли к победе, бросая вызов смерти. Цель была ясна. Веками финны проливали кровь ради иностранных народов, теперь это была возможность пролить кровь за свое племя и Великую Финляндию»* [Laatokka, 1939, № 78, s. 2]. Очевидно, что в тексте идет про Карельский поход 1919 года, в ходе которого финны должны были помочь родственным народам Карелии в борьбе с большевиками.

Текст написан простым популярным языком, с нарочитым использованием таких конструкций, как «бросая вызов смерти» и «проливали кровь», для придания драматизма и большего значения поднимаемой проблеме. В самом тексте идея «Великой Финляндии» оправдывается исторической несправедливостью, большевистской угрозой для «братского» народа.

Как уже сказано ранее, с началом Зимней (1939–1940 гг.), а затем Второй Мировой войны, концепция «Великой Финляндии» заиграла новыми красками, так как появилась возможность для решения Карельского вопроса и реализации финской экспансии.

Интерес к теме мы видим в газете «Itä-Karjala» («Восточная Карелия»). Проведем анализ газеты: Из чего она состояла? В ней публиковалась политическая агитация, свежие новостные сводки, имели место и историко-культурные статьи, последняя страница традиционно была отведена под кроссворд и объявления.

Газета издавалась Федерацией Карельских клубов в городе Хельсинки с 1941 по 1944 гг. Целью была преимущественно пропагандистская деятельность и популяризация «Великой Финляндии». Газета также доставлялась в «освобожденную» восточную Карелию с целью агитации местного

родственного населения. Под родственным населением имелись в виду финны, карелы и вепсы, в силу чего публикация велась исключительно на финском языке.

Обратимся к выпуску газеты № 8 за 1942 г. На странице 3 написано, что «большая часть восточной Карелии уже освобождена от большевистского ига», а «мечта о единстве финского племени... от Онежского озера (Янисярви) до Беломорья начинает становиться душераздирающей реальностью. Неправильная историческая граница была сдвинута, и финский народ Восточной Карелии стал свободен от большевистского террора в один момент» [Itä-Karjala, 1942, № 8, s. 3]. Первое, что можно заметить – популистский подход, автор использует словосочетания «большевистское иго», «мечта о единстве», «неправильная граница». Очевидно, что текст пронизан профинской агитацией.

Еще одним источником информации является журнал «Rajammevartija» («Пограничная служба»). Это в первую очередь агитационный журнал, там публиковались стихи о «Великой Финляндии», очерки о павших на фронте героях, короткие статьи о жизни на фронте, фотографии, а также реклама прессы и продуктов первой необходимости. Журнал издавался с 1934 до 1944 года Финской военной ассоциацией в городе Йозенсуу.

Обратим внимание на выпуск журнала под № 3 1942 года. На странице 5 написано: *«Исход этой войны больше не вызывает сомнений у пограничного патруля. Вся война велась с совершенно другим чувством, чем предыдущая. Теперь всегда есть смелость подумать о конечном результате, хотя его дата неизвестна. Нам стало ясно, что жертвы этой и предыдущей войны не прошли даром»* [Rajammevartija, 1942, №3, s.5]. В тексте хорошо отражено воодушевление, которое присутствовало в начале «войны-продолжения» (1941–1944), ведь автор упоминает, что «война велась с совершенно другим чувством, чем предыдущая», он твердо уверен в победе финских сил.

Обратимся к содержанию страницы 7. Автор пишет: *«Теперь перед нами стоит та задача, которая будет включена в создание Великой Финляндии. Через несколько лет Пограничная служба будет набирать те возрастные группы, которых ранее не было в армии, а также добровольцев из собственной страны и даже из приграничных племенных районов. Для этих молодых поколений, а также для пожилых людей, которые ранее не были наняты пограничной службой, дух и традиции старой границы приносят охранники старой границы»* [Ibid.S. 7]. Большой интерес вызывает то, что уже говорится о практических действиях по созданию «Великой Финляндии». Опять же в словах «набирать из приграничных племенных районов» указана роль в этом местного финского населения.

Напоследок следует обратить внимание на страницу 11. Она посвящена поэзии. В тексте встречаются такие строчки: *«Преодолевая войну и морозные времена, и в зиму, и в битву, Финляндия и Карелия вновь открывают границу железом. На границе братья: Финляндия и Карелия получили новую честь. Граница – это ось победителя, граница не сдвинется, даже на дюйм»* [Ibid. S. 11]. Из текста видно, что вновь подчеркивается посыл единства финского и карельского народов, автор называет их «братьями» и подчеркивает, что все сделано вместе. Также говорится, что «граница не сдвинется даже на дюйм», в очередной раз доказывая, что война велась с воодушевлением и оптимизмом по отношению к будущему.

В целом, весь отмеченный журнальный текст выдержан в строго патриотическом духе и написан со свойственной для прессы того времени искренней верой в неотвратимую победу.

Проанализировав прессу того времени, можно прийти к выводу о том, что в текстах газет и журналов ярко отражены политические взгляды, касательно этой концепции, ее развитие, а также показана разность мнений касательно идеи «Великой Финляндии». В целом, в структуре газет и журналов видны схожие элементы, такие как обзор новостей и мероприятий, а также политико-культурные статьи, которые зачастую сочетаются с политической агитацией. Многие источники имеют пропагандистский характер.

### **Заключение**

Поэтические тексты деятелей фенномании отображают рождение и обретение культурологической окраски идеи «Великой Финляндии». Тексты песен военного времени отображают антикоммунизм. В свою очередь в газетах и журналах ярко отражены политические взгляды относительно изучаемой концепции.

Таким образом, становится ясно, что она преподносилась исключительно в положительном ключе, что объяснялось политической ситуацией 1920 - начала 1940-х гг., в результате чего можно говорить, что в указанный период у финской общественности сложился положительный образ идеи «Великой Финляндии».

### **Библиографический список**

1. Маннергейм К.Г. Воспоминания. Минск, 2004. 528 с.
2. Ошеров Е.Б., Суни Л.Н. Финляндская политика царизма на рубеже XIX – XX вв. Петрозаводск, 1986. 71 с.
3. Helsingin Sanomat. 1922.23.08. № 226.S.3.
4. Itä-Karjala. 1942.25.04. № 8.S.3.



5. Jurva M. Uraliin. Molotohvin koktaili// Megalyrics. URL:<http://www.megalyrics.ru/lyric/matti-jurva/uraliin-za-ural-1942.htm>(дата обращения: 1.05.2020).
6. Kaiku. 1928.05.05. № 30.S.4.
7. Kianto I. Suomisuureksi – Vienavapaaksi. URL: [https://books.google.ru/books?redir\\_esc=y&hl=ru&id=VZUxAQAAMAAJ&focus=searchwithinvolume&q=](https://books.google.ru/books?redir_esc=y&hl=ru&id=VZUxAQAAMAAJ&focus=searchwithinvolume&q=) (дата обращения: 1.05.2020).
8. Käkisalmen Sanomat. 1938.01.11. № 3. S.3.
9. Käkisalmen Sanomat. 1940.24.02. № 15. S.3.
10. Laatokka. 1939.18.07. № 78.S.2.
11. Laatokka.1941.30.07. № 83.S.3.
12. Nurmio H., Sibelius J. Jääkärien marssi (Jääkärimarssi)// Helsingin Sanomat. 1918.20.01. №20.S.7.
13. Oksanen A. Suomen valta. URL: <http://peacecountry0.tripod.com/songbook.htm#2>(дата обращения: 1.05.2020).
14. Poikonen J. Suur-Suomea perustamassa// Poleemi. 2006. №4. S.25-26.
15. Raittila P. Suomalaisnuoretjäidänihmemaa. Hels., 1988.165 p.
16. Rajamme vartija. Suomen sotilaskotiliiton rajaseutujulkaisu. 1942.28.04. №3.S.5
17. Suomen Heimo. 1924. № 10.S.156.
18. Suomen Heimo. 1924. № 12. S.180.

## **THE IDEA OF "GREATER FINLAND" THROUGH THE PRISM OF WRITTEN SOURCES IN THE PERIOD 1917-1944**

*Turbin Nikita D.*  
Perm State University, 15, Bukireva str.,  
Perm, 614990, Russia,  
[turbinnikita18@gmail.com](mailto:turbinnikita18@gmail.com)

### ***Abstract***

*The study examines the socio-political idea of "great Finland" in the light of written sources. Thanks to the analysis of sources, we will be able to answer some questions about the idea of "great Finland". The research question is to determine public opinion, as well as the development of the idea of "great Finland" in the sources in the period 1917-1944. Depending on the time and side, the term "Great Finland" changed and was colored in different shades, so it is necessary to understand its meaning and development. Examining the idea, it becomes clear that*

*the prerequisites for such a phenomenon begin long before the specified period. Related sources are poems and song lyrics. They were diverse in structure and style, but they were designed in a liberating and Patriotic way. After analyzing the press, we find a reflection of political views regarding this concept, as well as a difference of opinion about the "great Finland".*

***Keywords***

*Karelian question; Finnish expansion; the "Greater Finland" ideology; East Karelia; Finnish sources; Academic Karelia Society.*

# СЕКЦИЯ ПОЛИТОЛОГИИ И СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81'32:321.1:341.231

## КОМПЛЕКСНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ЭТНИЧЕСКИХ И СМЕШАННЫХ ФЕДЕРАЦИЯХ

*Тюленёва Александра Михайловна*

Пермский государственный  
национальный исследовательский университет,  
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
tuleneva.aleksa@yandex.ru

### **Аннотация**

*Исследование посвящено выявлению и объяснению факторов, которые оказывают влияние на комплексность и вариативность языковой политики в этнических (случаи Бельгии, Боснии и Герцеговины, Нигерии и Эфиопии) и смешанных федерациях (случаи Индии, Канады, Швейцарии, Российской Федерации). Использование качественного сравнительного анализа позволило выявить, что вариативность языковой политики связана с существованием этнорегиональных политических партий, представляющих интересы титульной группы субнациональной единицы федерации и ее представленностью в парламенте. Такие факторы как численное превосходство представителей титульной группы над доминирующей в границах энтитета, высокие значения объема ВВП на душу населения и демократический режим обуславливают реализацию комплексной языковой политики в этнических и смешанных федерациях.*

### **Ключевые слова**

*Языковая политика; комплексность; вариативность; этнические федерации; смешанные федерации; качественный сравнительный анализ.*

Этническая, лингвистическая и/или религиозная гетерогенность обуславливает сложное в политико-институциональном отношении административно-территориальное устройство государства. При наличии подобных детерминант в обществе одним из вариантов территориального устройства государства выступает федеративное устройство. Характерными чертами федеративного устройства могут являться: верховенство Конституции

государства на всей территории и ее приоритет над региональным законодательством, разделение полномочий между федеральным и региональным правительствами, субъекты федерации также могут обладать автономией, степень которой может быть различной. Последняя характеристика указывает на то, что субъекты федерации могут быть образованы с учетом этнолингвистических особенностей местного населения. Компактное проживание представителей разных этнических групп на территории подобного субъекта может приводить к возникновению конфликтов на этнолингвистической почве. Одним из политико-институциональных механизмов для нивелирования подобных конфликтных ситуаций выступает языковая политика. **Языковая политика** понимается как «система мер и действий, направленных на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками в сообществе» [Каневский, 2015, с. 47]. В рамках языковой политики может осуществляться предоставление преференций этнолингвистическим меньшинствам права на изучение языка в общеобразовательных учреждениях, создания собственных СМИ, ведение документооборота на родном языке и т. д.

Реализация языковой политики в федеративных государствах направлена не только на сохранение единства, но и на защиту прав меньшинств. Это позволяет нам говорить о том, что языковая политика (пристраивания) направлена на поддержание федеративного устройства [Швейцер, Никольский, 1978, с. 117]. Однако на практике реализация языковой политики крайне сложна и многообразна. Например, в Индии языком межнационального общения выступает английский, а языки доминирующей или титульной групп получают признание на уровне штатов. Противоположную ситуацию можно наблюдать в Нигерии, где в качестве государственного языка принят английский язык, а языки автохтонного населения, которых насчитывается 529, не защищены как на федеральном, так и на региональном уровнях. Подобные свидетельства позволяют нам предположить, что федеративное устройство не гарантирует равновеликий масштаб и универсальный рецепт реализации языковой политики.

Образование федерации с учетом лингвистических и этнических особенностей населения, казалось бы, должны свести к минимуму появление конфликтов. Национальное правительство в этнических и смешанных федерациях должно, на законодательном уровне, закрепить за представителями этнических групп права на использование ими родного языка, сохранения культурных ценностей. А.Д.Швейцер и Л.Б.Никольский отмечают, что не только государство предпринимает попытки по защите прав титульной и

миноритарной групп [Швейцер, Никольский, 1978, с. 116–119]. В качестве акторов, предпринимающих попытки по защите, сохранению и стимулированию языка этнической группы, могут выступать этнорегиональные политические партии (далее ЭРП), НКО, классы или сами представители этнолингвистического меньшинства. Возможности последних акторов могут быть ограничены, в силу того, что они не имеют доступа к принятию политических решений. Поэтому наиболее громко заявить об интересах этнолингвистической группы как на субнациональном, так и на национальном уровне могут этнорегиональные партии. Этнорегиональные политические партии ставят перед собой цель обеспечить представительство этнической группы на субнациональном/национальном уровнях и защитить их права. При наличии институциональных барьеров деятельность ЭРП может не иметь видимого эффекта по защите прав этнолингвистического меньшинства. Ограниченность действий ЭРП, способных выразить и защитить интересы этнолингвистической группы, может являться свидетельством того, что языковая политика не реализуется вообще или носит унифицированный характер по отношению ко всем субъектам. Мы можем предположить, что данный сценарий может быть реализован в этнических федерациях, субнациональные единицы которых образованы с учетом этнолингвистического фактора. В свою очередь в смешанных федерациях, в виду наличия субъектов, образованных по этническому и территориальному принципам, реализуемая языковая политика будет принимать разные вариации. Так в отношении энтитетов, образованных с учетом этнолингвистического фактора, будет подбираться та модель языковой политики, которая будет способствовать стабилизации языковой ситуации. В субъектах, образованных с учетом территориального признака, её реализация может вообще отсутствовать. В связи с этим возникает вопрос: есть ли различия в моделях реализации языковой политики в смешанных и этнических федерациях и чем оно обусловлено?

Как уже было отмечено, модели реализации языковой политики разнообразны. Они отличаются друг от друга масштабом, комплексностью. В академической среде нет единого подхода к оценке данных характеристик языковой политики. Отсутствие единой методики оценки вынуждает исследователей обращаться к практикам отдельных государств, нормативно-правовым актам, регламентирующим защиту и развитие языков меньшинств. В частности, 5 ноября 1992 г. в Страсбурге была принята «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств» [*European Charter for Regional or Minority Languages*, 1992].

В Хартии перечислены сферы и конкретные меры, которые государства должны реализовать в отношении носителей регионального языка или языка меньшинств. Например, в отношении культурных мероприятий и объектов, сторона, подписавшая и ратифицировавшая данную хартию, обязуется «содействовать развитию доступа носителей региональных языков или языков меньшинств к произведениям на других языках посредством более широкого использования перевода, дублирования, синхронного перевода и субтитров» [*European Charter for Regional or Minority Languages*, 1992]. Государства, подписавшие и ратифицировавшие данную хартию, обязаны предоставлять Генеральному секретарю Совета Европы отчеты о своей политике, проводимой в соответствии с указанными в тексте документа мерами.

На основании данного документа можно сделать вывод, что **комплексность** языковой политики можно определять через набор сфер публично-правового пространства, в отношении которых правительство предпринимает попытки защиты, имплементации языка титульной группы или меньшинств. **Масштаб** языковой политики — это та степень признания со стороны правительства статуса языка титульной или миноритарной групп. **Вариативность** языковой политики — это разные способы/модели её реализации.

Оценка комплексности и вариативности языковой политики в исследовании была проведена с помощью QCA. Qualitative comparative analysis – метод, позволяющий определить, какая комбинация факторов приводит к тому или иному исходу. Анализ осуществлялся посредством нескольких шагов:

1. калибровка – определение порогового значения для переменной. Пороговое значение будет закодировано посредством двоичного кода: 1 – присутствие значения/характеристики; 0 – отсутствие значения/характеристики;
2. построение таблицы истинности, включающей все возможные исходы;
3. проведение процедуры минимизации – исключение из объяснительной модели условий, которые не являются детерминирующими.

Одним из преимуществ использования данного метода является возможность обнаружения множественной причинности анализируемых случаев.

В рамках данного исследования были проанализированы практики реализации языковой политики в этнических и смешанных федерациях. Для проведения QCA были выбраны смешанные федерации: Российская Федерация, Швейцария, Индия, Канада. Из числа этнических федераций было выбрано 4 случая: Бельгия, Босния и Герцеговина, Нигерия, Эфиопия. Ирак и Судан,

являющиеся этническими федерациями, не будут включены в выборку на основании того, что произошедшие в данных государствах внутри- и внешнеполитические события отразились на их административно-территориальном устройстве. Необходимо отметить, что единицами измерения вариативности являются субнациональные единицы – регионы, кантоны, провинции, штаты и т. д. Исследовательский вопрос требует выявления факторов, оказывающих влияние на вариативность языковой политики, которая через оценку комплексности на субнациональном уровне может быть идентифицирована в каждом национальном случае.

В качестве зависимых переменных в анализе выступают комплексность и вариативность. Переменными, обуславливающими реализацию комплексной и вариативной языковой политики, выступают:

- тип политического режима;
- объём ВВП на душу населения;
- статус языка титульной группы;
- индекс этнической и лингвистической фракционализации;
- доля титульной группы в составе административной единицы федерации;
- представленность ЭРП в национальной политике;
- представленность ЭРП в верхней палате национального парламента;
- наличие или отсутствие конфликта(-ов) на лингвистической почве.

Для операционализации понятия комплексность языковой политики предлагается разработать соответствующий ей индекс. Поскольку комплексность языковой политики подразумевает глубину и системность мер, предпринимаемых в отношении языка титульной и миноритарной групп, то индекс комплексности языковой политики («Index of complexity») будет представлять собой сумму следующих характеристик: в каком объёме происходит изучение языка титульной или миноритарной групп в образовательных учреждениях, используется ли язык титульной и миноритарной групп в судопроизводстве, СМИ, органах государственной власти. Данные характеристики представляют собой положения «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» [*European Charter for Regional or Minority Languages*, 1992]. Представляется, что закреплённые в Хартии положения по поддержанию и защите языков титульных и миноритарных групп могут быть использованы для оценки комплексности языковой политики не только государств-членов Европейского союза, но и других государств, поскольку обозначенные положения являются универсальными и могут быть реализованы любым национальным

правительством. Необходимо отметить, что индекс комплексности будет рассчитываться для каждой субнациональной единицы федеративного государства. Это обусловлено необходимостью выявления масштабности предпринимаемых национальными правительствами мер по защите языка этнолингвистических групп, проживающих на территории федерации.

После сложения всех показателей будет получен индекс комплексности. Минимальное значение данного индекса равно единице, максимальное значение – одиннадцати. Основываясь на полученных индексах комплексности, мы можем говорить о вариативности: если индексы комплексности субъектов федерации совпадают, то вариативность отсутствует (значение вариативности будет равно нулю); если индексы комплексности субнациональных единиц федерации имеют разное значение, то мы можем зафиксировать вариативность (её значение будет равно единице). Необходимо обозначить, что оценка вариативности проводится не для каждой субнациональной единицы, а для национального государства, поскольку реализация конкретной модели(-ей) языковой политики проводится в масштабах государства.

Необходимо отметить, что в качестве единицы измерения выступают именно субнациональные единицы в этнических и смешанных федерациях, границы которых образованы с учетом этнолингвистических детерминант. Всего в выборке представлено 90 субнациональных единиц.

Таблица 1

*Значение индекса комплексности и оценки вариативности языковой политики в этнических и смешанных федерациях*

<b>Наименование федерации</b>	<b>Субнациональные единицы</b>	<b>Индекс комплексности</b>	<b>Оценка вариативности</b>
Бельгия	Фландрия	11	0
	Валлония	11	
Босния и Герцеговина	Федерация Боснии и Герцеговины	10	0
	Республика Сербская	10	



Наименование федерации	Субнациональные единицы	Индекс комплексности	Оценка вариативности
Нигерия	Адамава	2	0
	Аква-Ибом	2	
	Байельса	2	
	Бенуэ	2	
	Борно	2	
	Дельта	2	
	Йобе	2	
	Когги	2	
	Кросс-ривер	2	
	Насарава	2	
	Нигер	2	
	Плато	2	
	Риверс	2	
	Тараба	2	
Эдо	2		
Эфиопия	Афар	1	1
	Амхара	3	
	Бенишангул-Гумуз	1	
	Гамбела	1	
	Народов и народностей Юга (ННЮ)	1	
	Оромия	1	
	Сомали	1	
	Тыграй	1	
	Харари	1	

Наименование федерации	Субнациональные единицы	Индекс комплексности	Оценка вариативности
Индия	Андхра-Прадеш	11	0
	Ассам	11	
	Гуджарат	11	
	Керала	11	
	Тамилнаду	11	
	Махараштра	11	
	Карнатака	11	
	Орисса	11	
	Пенджаб	11	
	Западная Бенгалия	11	
	Джамму и Кашмир	11	
	Нагаленд	11	
	Манипур	11	
	Трипура	11	
	Мегхалайя	11	
	Сикким	11	
	Мизорам	11	
	Анурачал-Прадеш	11	
	Гоа	11	
Канада	Квебек	11	1
	Манитоба	11	
	Новая Шотландия	11	
	Нунавут	7	
	Нью-Брансуик	11	
	Ньюфаундленд и Лабрадор	11	
	Онтарио	11	
	О. Принца Эдуарда	11	

Наименование федерации	Субнациональные единицы	Индекс комплексности	Оценка вариативности
Российская Федерация	Еврейская автономная область	8	1
	Кабардино- Балкарская Республика	9	
	Карачаево-Черкесская Республика	9	
	Ненецкий автономный округ	8	
	Республика Адыгея (Адыгея)	9	
	Республика Алтай	8	
	Республика Башкортостан	8	
	Республика Бурятия	8	
	Республика Дагестан	8	
	Республика Ингушетия	10	
	Республика Калмыкия	10	
	Республика Карелия	8	
	Республика Коми	10	
	Республика Марий Эл	10	
	Республика Мордовия	10	
	Республика Саха (Якутия)	10	
	Республика Северная Осетия - Алания	10	
	Республика Татарстан	10	
	Республика Тыва	8	
	Республика Хакасия	8	
Удмуртская Республика	8		
Ханты-Мансийский автономный округ	8		

Наименование федерации	Субнациональные единицы	Индекс комплексности	Оценка вариативности
	Чеченская Республика	10	
	Чувашская Республика - Чувашия	10	
	Чукотский автономный округ	8	
	Ямало-Ненецкий автономный округ	8	
	Берн	11	
	Фрибур	11	
Швейцария	Граубюнден	11	1
	Тичино	11	
	Валле	2	
	Невшатель	11	
	Женева	11	
	Юра	2	
	Во	11	

Представленные в таблице значения индекса комплексности и оценки вариативности языковой политики в этнических и смешанных федерациях позволяют выдвинуть предположение о тех переменных, которые оказывают влияние на данные характеристики языковой политики.

Значения от 1 до 3 – низкий индекс комплексности; значения от 9 до 11 – высокий индекс комплексности. Поскольку комплексность языковой политики была концептуализирована как набор сфер публично-правового пространства, в рамках которого правительство предпринимает попытки по защите и имплементации языка титульной и миноритарных групп, то мы можем сделать предположение о том, что:

1. Значение индекса комплексности больше там, где титульная группа численно превосходит доминирующую группу, что также сказывается на статусе языка данной этнолингвистической группы (язык может быть признан как на региональном, так и национальном уровнях); значение индекса комплексности меньше в том случае, если титульная группа составляет численное меньшинство и её язык, соответственно, не получает признание;

2. Значение индекса комплексности зависит от типа политического режима: высокое значение индекса будет характерно для демократических государств, поскольку правительства будут предпринимать меры по защите коренного населения; низкие значения индекса комплексности будут характерны для авторитарных государств, правительства которых будут предпринимать меры по созданию этнически однородного общества;

3. Значение индекса комплексности будет коррелировать с уровнем экономического благосостояния этнических и смешанных федераций: чем больше объём ВВП на душу населения в государстве, тем выше значение индекса комплексности; чем меньше объём ВВП на душу населения, тем меньше индекс комплексности языковой политики;

4. Уровень этнолингвистической гетерогенности в обществе будет оказывать влияние на комплексность языковой политики: чем выше индекс этнической и лингвистической фракционализации, тем меньшее значение имеет индекс комплексности; чем ниже индекс этнической и лингвистической фракционализации, тем выше значение индекса комплексности языковой политики.

На оценку вариативности, то есть тех моделей, в рамках которых и реализуется языковая политика в федеративных государствах, могут оказывать влияние следующие факторы:

1. Присутствие ЭРП в национальной политике и наличие у неё мест в верхней палате парламента: если в национальной политике присутствует ЭРП, и она представлена в верхней палате парламента, то мы можем говорить о вариативности реализуемой языковой политики; если в национальной политике присутствуют только те партии, которые апеллируют к доминирующей группе, то вариативность языковой политики в данном государстве отсутствует;

2. Наличие конфликтов на этнолингвистической почве: если в государстве имели или имеют место конфликты на этнолингвистической почве, то правительство будет реализовывать языковую политику, в рамках которой будут подбираться конкретные меры для каждой этнолингвистической группы; отсутствие подобного рода конфликтов и соответственно, предпринимаемых правительством мер, будет свидетельствовать об отсутствии вариативности языковой политики;

3. Политический режим: в демократических государствах, национальные правительства будут подбирать и реализовывать модель(-и) языковой политики с учётом особенностей каждого субъекта федерации, что будет свидетельствовать о её вариативности; правительства авторитарных государств будут игнорировать этнолингвистическое разнообразие или будут

реализовывать единую модель языковой политики, которая будет демонстрировать отсутствие вариативности.

Для проверки сформулированных предположений был использован метод QCA. Необходимо отметить, что для проведения QCA были выбраны случаи с учетом следующих характеристик:

1. Значение оценки вариативности должно равняться единице. Данному параметру соответствуют случаи Швейцарии, Российской Федерации, Канады и Эфиопии;

2. В каждом обозначенном случае были выбраны субнациональные единицы с низким и высоким индексом комплексности. Выбранные единицы измерения представлены в Таблице 2.

Таблица 2

*Значение индекса комплексности и оценки вариативности языковой политики в этнических и смешанных федерациях*

<b>Наименование федерации</b>	<b>Субнациональные единицы</b>	<b>Индекс комплексности</b>	<b>Оценка вариативности</b>
Швейцария	Граубюнден	11	1
	Тичино	11	
	Валле	2	
	Юра	2	
Российская Федерация	Республика Коми	10	1
	Республика Татарстан	10	
	Республика Карелия	8	
	Удмуртская республика	8	
Канада	Квебек	11	1
	Нунавут	7	
Эфиопия	Оромия	1	1
	Сомали	1	
	Амхара	3	

Выбранные случаи (субнациональные единицы) можно назвать типичными. В Эфиопии, Амхара – штат, в котором проживает доминирующая

этническая группа – амхари, чей язык (амхарский) долгое время использовался в качестве единственного государственного языка. Этнические группы других штатов (Сомали и Оромия) приближаются к численности населения доминирующих этнических групп – амхари и тиграи.

Коренным населением канадской провинции Нунавут являются инуиты, являющиеся миноритарной по численности этнической группой в провинции. Немаловажным фактором является то, что численность автохтонного населения, говорящего на инуктитуте стремительно падает, что в перспективе угрожает исчезновению данного языка. Квебек можно назвать «непокорной провинцией Канады». Развернувшаяся в XX веке борьба франкоязычного населения данной провинции за признание своих прав и общения на родном языке привела к утверждению двуязычия в канадском обществе. В Российской Федерации принятие и реализация мер по защите коренного населения возможна только в республиках, поскольку именно они образованы с учетом этнолингвистического фактора. Примечательно, что в случае Российской Федерации, республика Карелия и Удмуртия имеют низкие значения индекса комплексности. Это можно объяснить тем, что титульные группы в данных республиках составляют численное меньшинство по сравнению с русскоязычным населением. Противоположную ситуацию можно наблюдать в республике Татарстан, где титульная группа равна численности доминирующей этнической группы. Также в случае Татарстана важно учитывать позицию местной политической элиты, которая с начала 90-х годов XX века и до сегодняшнего дня выступает за сохранение за татарским языком статуса официального. Индекс комплексности республики Коми равен 10, что соответствует высокому значению. Титульная группа данного субъекта составляет численное меньшинство по сравнению с русскоязычным населением, но даже данное положение способствует тому, что язык титульной группы получает признание и используется в большинстве сфер публично-правового пространства.

Для Швейцарии характерно высокое значение индекса комплексности (значение равное одиннадцати). В частности, подобное можно наблюдать в многоязычных кантонах – Тичино и Граубюнден. В Граубюндене распространены все официальные языки (немецкий, французский, итальянский и ретороманский). Особые меры предпринимаются в отношении носителей ретороманского языка, однако эти меры недостаточны для включения ретороманского в публично-правовое пространство. В двуязычных кантонах, например, Валле и Юра доминирующей этнической группой является немецкоговорящие швейцарцы. Основываясь на принятых в Швейцарии законодательных актах, кантональное правительство Валле и Юры предпринимаются меры по инкорпорированию немецкого языка во все сферы публично-правового пространства, что ущемляет права франкоговорящих

швейцарцев (в частности, они не могут использовать французский язык при обращении в органы государственной власти, судебных инстанциях и т. д.).

Для более детального анализа выбранных случаев поместим их в таблицу истинности. Таблица истинности показывает исход и число случаев для каждой из теоретически возможных комбинаций факторов.

Для проверки обозначенных ранее предположений, касательно вариативности языковой политики в этнических и смешанных федерациях, уравнение существования выглядит следующим образом:

Model: variety = f(regime, erp\_nat, erp\_seats\_uh, incidence\_flag, conflict\_int).

Оно означает, что реализуемая языковая политика вариативна только в случае присутствия всех обозначенных переменных. Используя метод простого импликанта (алгоритм Куайна-Маккласка) получаем уравнение для существующих случаев:

Model: variety = f(erp\_seats\_uh\*~incidence\_flag\*~conflict\_int).

Данное уравнение обозначает, что на вариативность языковой политики в этнических и смешанных федерациях оказывают влияние такие факторы, как наличие у ЭРП мест в верхней палате парламента, наличие или отсутствие этнолингвистических конфликтов в обществе (при их наличии – интенсивность конфликта).

На основании полученных данных мы можем прийти к заключению, что языковая политика в этнических и смешанных федерациях (случаи Эфиопии, Канады, Швейцарии и Российской Федерации) вариативная в том случае, если интересы этнолингвистической группы в парламенте представляет этнорегиональная политическая партия. Дополнительным фактором могут выступать конфликты между титульной группой этнитета и региональным или федеральным правительствами по поводу защиты их прав [этнолингвистической группы] на использование родного языка. Наличие конфликта сигнализирует о том, что у титульной группы есть запрос по защите своего языка, наделения его статусом официального и т. д. Отсутствие конфликта на этнолингвистической почве, в свою очередь, может выступать в качестве маркера удовлетворенности титульной группой существующей ситуацией или наоборот, демонстрирует попытки представителей данной группы решить вопрос по поводу языка, не прибегая к открытому конфликту.

Уравнение существования для ещё одной характеристики языковой политики — комплексности, выглядит следующим образом:

Model: complexity = f(regime, gdp, share\_tit\_region, titul\_lang\_status, langfrac, ethnicfrac).

Говорить о комплексности реализуемой языковой политики можно при присутствии следующих факторов: объём ВВП на душу населения, доля титульной группы в составе административной единицы.



Так в Российской Федерации с низким значением индексов этнической и лингвистической фракционализации, небольшим объёмом ВВП на душу населения и недемократическим политическим режимом, федеральное правительство реализовывает языковую политику, направленную на одновременное сохранение доминирующих позиций государствообразующей группы и включения языка титульной группы в публично-правовое пространство, не ущемляя статуса языка доминирующей группы. Федеральное правительство Швейцарии и Канады, чьи общества отличаются высокой степенью лингвистической и этнической гетерогенности, при реализации мер языковой политики исходят из численности титульной группы этнитета и имеющихся у них ресурсов: чем выше численность титульной группы в составе этнитета и показатель ВВП на душу населения, тем более комплексной оказывается языковая политика.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выявить комбинации факторов, предопределяющие реализацию комплексной и вариативной языковой политики в этнических и смешанных федерациях. Для реализации комплексной языковой политики обязательными является сочетание следующих факторов: сочетание типа политического режима, допускающего плюралистичность, высокий показатель ВВП на душу населения, численное превосходство представителей титульной группы в границах этнитета и этническая и лингвистическая гетерогенность общества. Данная комбинация факторов позволяет зафиксировать тенденции по использованию языка титульной группы наравне с государственным языком (например, языковая ситуация в канадской провинции Квебек, республике Татарстан, швейцарском кантоне Тичино). При недемократическом политическом режиме, относительно небольших показателях ВВП на душу населения, гомогенности общества и численном доминировании в этнитете доминирующей этнической группы — право титульной группы на использование родного языка в публично-правовом пространстве может ущемляться. Необходимым условием вариативности языковой политики выступают такой фактор, как присутствие этнорегиональной политической партии в национальной политике и те меры, которые впоследствии предпринимаются ей по защите прав коренного населения. Дополнительным фактором, оказывающим влияние на федеральное правительство при реализации конкретной модели языковой политики, может выступать требование этнолингвистической группы по защите прав своего языка, которое может перерасти в конфликт. В современных условиях представители этнолингвистических меньшинств (данная ситуация характерна для всех рассмотренных случаев) предпочитают легальные формы борьбы за свои права, в силу чего делегируют свои полномочия представителям ЭРП.

## Библиографический список

1. Каневский А.А. Языковая политика как вид национальной политики государства // Философия права. 2015. №4. С.47–51.
2. «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» // Identityworld. URL: <http://www.identityworld.ru/index/database/0-21> (дата обращения: 21.03.2020).
3. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа. 1978.
4. Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003.
5. European Charter for Regional or Minority Languages by 1992, November
6. . Retrieved from Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680695175> (дата обращения: 20.03.2020).

## COMPLEXITY AND VARIABILITY OF LANGUAGE POLICY IN ETHNIC AND MIXED FEDERATION

*Tyuleneva Aleksandra M.*  
Perm State University, 15, Bukireva str.,  
Perm, 614990, Russia,  
[tuleneva.aleksa@yandex.ru](mailto:tuleneva.aleksa@yandex.ru)

### Abstract

*The article is devoted to identify and explain the factors that influence the complexity and variability of language policies in ethnic (cases of Belgium, Bosnia and Herzegovina, Nigeria and Ethiopia) and mixed federations (cases of India, Canada, Switzerland, Russian Federation). Based on QCA, we can conclude that the language policy in ethnic and mixed federations (cases of Ethiopia, Canada, Switzerland and the Russian Federation) is varied if the interests of an ethnolinguistic group in parliament are represented by an ethno-regional political party. A combination of the following factors is mandatory for complexity of language policy: a high GDP per capita, the numerical superiority of representatives of the titular group within the boundaries of the entity, type of political regime.*

### Keywords

*Language policy; complexity; variability; ethnic federation; mixed federation; qualitative comparative analysis.*

## ДОКТРИНЫ НАТО И ЕС: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

*Попова Валерия Сергеевна*

Национальный исследовательский университет  
«Высшая Школа Экономики», г. Пермь,  
614070, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38,  
lerratq1@gmail.com

### **Аннотация**

*Анализируются доктринальные документы НАТО и ЕС с точки зрения их взаимовлияния. Выявлены основные характеристики военных доктрин и особенности их эволюции. Доктринальные документы сопоставлены и определены их сходства и различия.*

### **Ключевые слова**

*НАТО; Европейский Союз; военная доктрина; трансформация НАТО; милитаризация Европейского Союза; стратегия безопасности ЕС; Стратегическая концепция НАТО.*

Дискурс европейской безопасности определяется внешнеполитическими доктринами НАТО и Европейского Союза. Эти документы на концептуальном уровне задают основы пространства европейской безопасности и границы, в рамках которых отдельные страны выстраивают собственные внешнеполитические модели поведения. Анализ доктринальных документов НАТО и ЕС, таким образом, позволяет определить тот идейный каркас, на котором происходит формирование национальных политик безопасности во всем их многообразии и комплексности, а также проследить их эволюцию.

Доктрины НАТО представлены Стратегическими концепциями 1991 г., 1999 г. и 2010 г.; Европейского Союза – Стратегиями безопасности 2003 г. и 2008 г. (две редакции одного документа), и 2016 г. Можно говорить о том, что эти документы дополняют слабо проработанные стороны друг друга и только в комплексе способны функционировать. Иными словами, в региональной системе европейской безопасности данные объединения представляют собой достаточно обособленные, но тесно связанные друг с другом механизмы для коллективной деятельности европейских государств на геополитической арене.

Изначально они концентрируются на разных вопросах, но по мере развития и усложнения системы международных отношений, их сферы ответственности начинают соприкасаться.

Принятие доктрины связано с трансформацией понимания безопасности и перспективных угроз. Для НАТО в конце 1980 – начале 1990 гг. триггером таких изменений стало окончание Холодной войны с распадом СССР и роспуском Восточного блока. Качественные изменения на международной арене определили как новые горизонты для развития сотрудничества в области безопасности, так и новые вызовы.

Доктрина 1991 г. лежала в основе эволюции НАТО из чисто военной организации в мирового гаранта безопасности, как это определялось в дальнейшем [Strategic Concept for the Defence and Security, 2010; The Alliance's Strategic Concept, 1999]. Здесь следует подчеркнуть, что первый документ являлся скорее откликом на новые условия системы международных отношений, нежели детально проработанной моделью деятельности Альянса. Стратегическая концепция 1991 года только задала основные векторы, и более последовательно и комплексно они были развиты в Концепции 1999 года, поэтому первый документ часто характеризуется как переходный [Антюхова, 2015, с. 21]. Доктрина 2010 года, в свою очередь, актуализирует и дальше развивает идеи первых двух документов.

Главным изменением стало расширение понимания безопасности и разработка новых форм ее обеспечения через диалог и сотрудничество [Антюхова, 2015, с. 20]. Диалог подразумевает развитие различных дипломатических механизмов, и здесь интересно, что таким механизмом на символическом уровне становится ядерное оружие, которым обладают союзники. Сотрудничество предполагает широкую сеть договоров и соглашений по различным вопросам, а также разнообразные партнерские программы. К примеру, наиболее часто такие виды внешнеполитических механизмов упоминаются в контексте угроз распространения ОМУ и проблем разоружения и контроля над вооружениями. Кроме того, новым элементом обеспечения безопасности Альянса становится его расширение, в первую очередь за счет стран бывшего Восточного блока. В доктрине 2010 года происходит фактическое сращивание сотрудничества и расширения за счет того, что участие в партнерских программах НАТО фактически признается одним из этапов членства в Организации [Strategic Concept for the Defence and Security, 2010; The Alliance's Strategic Concept, 1999].

Таким образом, НАТО начинает понимать безопасность как комплекс военно-политических факторов. Обеспечение военной безопасности и обороны всё еще остается центральной функцией Альянса, и принципам его построения

отводится особое место во всех трех документах; на этом фоне происходит усиление значимости политических механизмов и функций НАТО, что определяется новыми качествами потенциальных угроз, противодействие которым обеспечивает Организация.

Интересно, что в 1990-е годы термин «угроза» в официальных документах НАТО меняется на термин «риск» [Антюхова, 2015, с. 20], а его содержание становится крайне широким. Потенциально опасными для членов НАТО официально признаются как собственно военные угрозы и региональные конфликты, так и социально-экономические: рабо- и наркоторговля, миграции, религиозные и этнические конфликты и т.д. В доктрине 2010 года появляются проблемы, связанные с кибербезопасностью, новыми технологиями, ограниченностью энергоносителей и контролем над путями сообщений. Центральными же факторами риска всегда являются терроризм, контроль над распространением оружия и проблема ОМУ [Strategic Concept for the Defence and Security, 2010; The Alliance's Strategic Concept, 1999]. Важно, что большинство угроз безопасности не имеет как таковой территориальной привязки. На практике это означает, что доктрины НАТО фактически легитимируют вмешательство Организации в любой конфликт в любой точке мира, если она посчитает, что ситуация угрожает безопасности кому-либо из собственных участников.

В документе 2010 года активно развивается запрос на расширение сферы ответственности европейских участников НАТО. Несмотря на то, что сам по себе этот запрос оформляется в более ранних документах, в Стратегической концепции 2010 года он заметно меняет содержание. Ранее оно представляло собой скорее некоторую декларацию о единодушии, а центральным европейским партнером НАТО был Западноевропейский союз. Однако к началу второго десятилетия XXI века значение ЗЕС заметно упало (настолько, что в 2011 году он был ликвидирован), а Евросоюз перерос символические рамки продукта эволюции Европейских Экономических Сообществ. Это выразилось, с одной стороны, через исчезновение ЗЕС из доктрины и переключивание его военно-интеграционной функции на ЕС, в другой стороны, через появление запросов на эффективное финансовое планирование, комплиментарность и взаимодополняемость вооружений, обмен разведывательной информацией [Strategic Concept for the Defence and Security..., 2010].

Иной взгляд на концептуальную рамку пространства европейской безопасности предлагают доктрины безопасности Евросоюза. Их содержание, с одной стороны, определяется Договором о Европейском Союзе [Везунина, 2017, с. 48–50]; с другой стороны, можно наблюдать и некоторое влияние доктрин НАТО. Внешнеполитическая концепция 2003 года появилась с целью

скорректировать и конкретизировать Общую внешнюю политику и политику безопасности ЕС [Бископ, 2009, с. 105–107], основные направления и подходы которой содержатся (на тот момент) в Амстердамском договоре. Стратегические концепции НАТО в свою очередь выступали в роли некоторого ориентира для концептуализации дискурса о европейской (в документах НАТО, конечно, в контексте евроатлантической) безопасности. Основными точками соприкосновения выступили, главным образом, широкий подход к пониманию безопасности, основные актуальные угрозы и запрос на расширение участия европейских стран в обеспечении безопасности.

Так, в документах 2003 и 2008 гг. главные угрозы совпадают с обозначенными в Стратегической концепции НАТО 1999 г. [European Security Strategy..., 2003; European Security Strategy..., 2008]. Ключевыми проблемными полями для ЕС являются контроль над вооружениями, ОМУ, терроризм и организованная преступность. Вслед за доктриной НАТО 2010 года в документе ЕС 2016 года проблематизируется сфера кибербезопасности [Shared Vision, Common Action..., 2016]. На этом фоне интересно, что проблематика энергоносителей и связанная с ней проблема обеспечения безопасности путей сообщений раньше появляется у Европейского Союза, еще в 2003 году. Также явно из доктрины ЕС 2003 года заимствуется НАТО и тезис об экономической эффективности – более рациональном использовании имеющихся ресурсов. Нужно учитывать, что данный тезис появляется на фоне экономического кризиса 2008 года, поэтому построение «эффективного союза» для Альянса в 2010 году актуально как никогда.

Кроме того, в европейских доктринах разделяется идея ключевого влияния НАТО на процесс интеграции [Яскович, 2017, с. 211; European Security Strategy..., 2003], с той лишь разницей, что документ ЕС символически формирует рамки европейского региона, а НАТО Европу рассматривает как часть Евроатлантики. В целом же, это, с одной стороны, подтверждает специализацию данных организаций в обеспечении безопасности, с другой стороны, соотносится с идеей о главенствующей роли НАТО в деле построения системы мировой безопасности.

Характерен и широкий подход к определению безопасности. Однако если для НАТО ее военная трактовка остается преимущественной, для ЕС региональная безопасность – это в первую очередь комплекс всевозможных политико-экономических факторов. Так, ключевыми составляющими безопасности для Европейского Союза являются не современная армия и развитие военных технологий, а устойчивая экономика и политические институты [European Security Strategy..., 2003; European Security Strategy..., 2008]. Здесь важно отметить, что в документах 2003 и 2008 гг. превалирует

риторика необходимости распространения демократических ценностей, но в доктрине 2016 года происходит смещение в сторону учета местных особенностей государств-партнеров [Shared Vision, Common Action..., 2016].

Как и НАТО, Евросоюз уделяет особое место предотвращению и мирному разрешению конфликтов, но использует для этого куда более широкий спектр инструментов немилитаристского характера. К примеру, большая роль в обеспечении безопасности отдается торговле как механизму обеспечения политико-экономического благополучия и процветания [European Security Strategy..., 2003; European Security Strategy..., 2008].

Стратегия 2016 г. активно продвигает идею самостоятельного ЕС. Документы 2003 и 2008 годов делали акцент на невоенных методах регуляции пространства европейской безопасности и только оформляли запрос на развитие собственного оборонного потенциала. В 2016 году такой запрос обрастает новым содержанием, делается ставка на расширение «жесткой силы» в сфере ответственности ЕС [Shared Vision, Common Action..., 2016].

Таким образом, доктрина ЕС 2016 г. намечает новые векторы развития проблематики безопасности в регионе через новые факторы риска, приоритетность регионального сотрудничества, в том числе с потенциально новыми членами ЕС. Акцентируется важность безопасности членов ЕС. Евросоюз стремится усиливать свои возможности в осуществлении самостоятельной внешней политики, в том числе через развитие мер, которые он сможет осуществлять без помощи НАТО [Глобальная стратегия..., 2017, с. 3–5].

Таким образом, содержание обновленных и вновь оформленных внешнеполитических доктрин соотносится с новыми реалиями в условиях международной политики безопасности. Оно соотносится с расширенным пониманием безопасности. На его фоне потенциальные угрозы безопасности для европейского региона приобретают принципиально новые характеристики, что требует развития новых механизмов их регулирования и предотвращения.

Оформляется запрос на усиление роли европейских членов НАТО. Он подразумевает развитие оборонного, технологического и промышленного потенциала, а также расширение проблематических полей во внешней политике. На уровне доктрин Евросоюза этот тренд воплощается в стремлении ЕС заявить себя активным геополитическим игроком, способным самостоятельно решать многие вопросы, в том числе и вопросы безопасности.

ЕС имеет большее количество механизмов регулирования, но они немилитаристские. НАТО остается важной частью системы безопасности региона, потому что обеспечивает военную и техническую безопасность: компенсирует то, чем ЕС не обладает в достаточной степени. На этом фоне

стремление ЕС к самостоятельности имеет скорее риторический характер, нежели какое-либо конкретное практическое приложение. Также это свидетельствует о переопределении места ЕС в мире.

Изменения в обстановке международной безопасности требуют внесения корректив в доктрины, и, вероятно, в ближайшее время следует ожидать обновленные документы. Обе организации сталкиваются с необходимостью переопределения отношений между своими членами, большого внимания требуют вопросы сотрудничества с потенциально новыми членами НАТО и ЕС и с ближайшими соседями. Для ЕС принципиально важно учитывать опыт Брэксита. Кроме того, следует ожидать развития темы бактериологической безопасности и переопределения значения национальных границ на фоне кейса мировой пандемии COVID-19.

### **Библиографический список**

1. Антюхова А. Формирование стратегии НАТО в постбиполярный период // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. №6. С. 17–23.

2. Бископ С. Основы обновленной европейской стратегии безопасности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. №2. С. 105–120.

3. Везуина М. Эволюция европейской политики безопасности и обороны – новая архитектура европейской безопасности // Sciences of Europe. 2017. №14. С. 45–51.

4. Глобальная стратегия безопасности ЕС 2016: аналитический доклад / под ред. Н. К. Арбатовой, А. М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН, 2017. URL: [https://www.imemo.ru/index.php?page\\_id=645&id=3850](https://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=3850) (дата обращения: 10.04.2020).

5. Яскович Д. Эволюция стратегических концепций НАТО в постсоветский период: формирование стратегии продвижения навозок // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №7. С. 210–214.

6. European Security Strategy - A secure Europe in a better world. Brussels. 2003. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (дата обращения: 10.04.2020).

7. European Security Strategy - A secure Europe in a better world. Brussels. 2008. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/30823/qc7809568enc.pdf> (дата обращения: 10.04.2020).



8. Shared Vision, Common Action: A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. Brussels. 2016. URL: [https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs\\_review\\_web.pdf](https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf) (дата обращения: 10.04.2020).

9. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by Heads of State and Government in Lisbon // NATO. 2010. URL: [https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official\\_texts\\_68580.htm?selectedLocale=en](https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=en) (дата обращения: 10.04.2020).

10. The Alliance's Strategic Concept // NATO. 1999. URL: [https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official\\_texts\\_27433.htm?selectedLocale=en](https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm?selectedLocale=en) (дата обращения: 10.04.2020).

## NATO AND EU DOCTRINES: AN ANALITIC REWIEV

*Popova Valeriia S.*  
National Research University  
Higher School of Economics,  
38, Studencheskayastr.,  
Perm, 614070, Russia,  
[lerratq1@gmail.com](mailto:lerratq1@gmail.com)

### **Abstract**

*The doctrinal documents of NATO and the EU are analyzed in terms of their mutual influence. The main characteristics of military doctrines and the features of their evolution are revealed. Doctrinal documents are compared and their similarities and differences are identified.*

### **Keywords**

*NATO; European Union; military doctrine; transformation of NATO; militarization of the European Union; EU Security Strategy; NATO Strategic Concept.*

## **МЕНЯЮЩИЙСЯ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В РИТОРИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ПРАВЫХ РАДИКАЛОВ**

*Бурмистрова Екатерина Сергеевна*

Пермский государственный  
национальный исследовательский университет,  
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
burmi-k@yandex.ru

### **Аннотация**

*В статье предпринимается попытка показать, каким образом в риторике французского праворадикального «Национального фронта» изменился образ женщины, и с какими внутрипартийными процессами это было связано. На современном этапе под руководством Марин Ле Пен, «Национальному фронту» удалось стать третьей по значению партией во французской политической жизни. В докладе автор, опираясь на программные документы и высказывания первых лиц партии, выделяет следующие тенденции.*

*Если в 1970-е – начале 2000-х гг. партия однозначно придерживалась позиции, согласно которой роль женщины исчерпывалась материнством и охраной семейного очага, то на современном этапе роль женщины меняется с домохозяйки на как работающую мать. Главной задачей государства становится помочь ей совместить эти две роли и защитить ее от внешних угроз, таких как в частности исламизм. Автор делает вывод о том, что на изменение гендерной повестки партии сказалась как лидерство Марин Ле Пен, так и стремление использовать женский вопрос как инструмент для привлечения новых голосов и создания ее более мягкого, либерального образа.*

### **Ключевые слова**

*Правый радикализм; гендер; традиционные ценности; Национальный фронт; Марин Ле Пен.*

«Национальный фронт» (1 июня 2018 года французскими правыми радикалами было принято решение сменить название на «Национальное объединение»), праворадикальная партия, созданная в 1972 году «дьяволом Республики» Жаном-Мари Ле Пенем, начиная с 1980-х годов стала ярким

игроком на политической арене Франции. На современном этапе под руководством Марин Ле Пен, «Национальному фронту» удалось стать третьей по значению партией во французской политической жизни, и переместиться с ее обочины в самый центр. По оценкам исследователей, эта партия является одной из наиболее структурированных партийных организаций Франции. Среди ее крупных последних успехов – участие Марин Ле Пен во втором туре президентских выборов 2017 года.

Исследователи отмечают, что курс Марин Ле Пен, который она сама называет «дедemonизацией», в основных позициях схож с курсом ее отца: евроскептицизм, жесткие позиции по поводу национальной безопасности, протекционистская экономическая политики и антимигрантская позиция по-прежнему актуальны для партии [Shields, 2013; Williams, 2011]. На современном этапе происходят значительные изменения в электорате партии, на смену белым пожилым мужчинам, проживающим в сельской местности, приходят средний класс, молодежь и женщины.

Традиционно «Национальный фронт» был мужской партией для мужчин. Жан-Мари Ле Пен придерживался четких позиций в отношении женщин: для него они были прежде всего хранительницами очага и матерями. В 1996 году Жан-Мари Ле Пен заявлял, что женщина не владеет собственным телом, так как оно принадлежит Природе и Нации. Первейшей задачей женщины, по мнению «Национального фронта» времен Жана-Мари было рождение и воспитание детей. В партийных программах женщины и их права упоминались лишь в отношении семейной политики (разделов, занимавших, к слову, в программе гораздо меньше места, чем разделы, посвященные проблемам мигрантов) [Pour un avenir Français..., 2002]. Основной задачей семейной политики Национального фронта при Жане-Мари было оставить женщину в кругу семьи и стимулировать ее рожать как можно больше детей. Для этого было предложено так называемое «материнское пособие», которое должно было выплачиваться тем женщинам, которые всё свое время посвящают семье и воспитанию детей. Однако намечались и тенденции в духе времени: так, в 1993 году в программе партии «материнское» пособие было заменено на «родительское». Еще одной мерой, предложенной Жаном-Мари, являлось «семейное голосование» («familialvote»), в рамках которого родители могли на выборах проголосовать столько раз, сколько у них детей. Проблема абортов вызывала у Жана-Мари однозначную реакцию: вместе с католическими силами он всячески им противостоял, называя «антифранцузским геноцидом» [Marcus, 1995, p. 13]. В своей позиции Жан-Мари был не одинок: его поддерживала женская организация при «Национальном фронте» «Национальный круг европейских женщин» (CNFE, Cercle National des femmes d'Europe), состоявшая

по большей части из католичек и являвшаяся проводником «традиционного» взгляда на гендерные вопросы среди женщин.

Дочь Жана, Марин Ле Пен, возглавившая партию в 2011 году, взяла курс на модернизацию и «дедемонизацию» партии, что также нашло отражение в риторике «Национального фронта» по женскому вопросу. Программа Национального фронта 2012 года концентрировалась на женских свободах, понимаемых совершенно особенным образом. Так, признавая, что гендерное равенство уже достигнуто, программа призвала дать женщинам свободу выбирать отказ от работы и от аборта. Основная функция женщины по-прежнему оставалась связанной с семьей – так часть планируемых Национальным фронтом экономических мероприятий была ориентирована на поддержку многодетных семей.

Официальной программой партии на данный момент являются «144 президентских обещания», разработанные в ходе предвыборной президентской кампании Марин Ле Пен. В этой программе женский вопрос освещен достаточно скудно: слово «женщина» упоминается в программе всего лишь дважды, и всего три пункта из 144 касаются проблем, связанных с ними. Девятый пункт программы «Защита прав женщин» включает в себя следующее: «борьба с исламизмом, отнимающим основные женские свободы; создание национальной системы равной оплаты женского и мужского труда; борьба с профессиональной и социальной нестабильностью» [Les 144 engagements...2017, p. 4]. Пункт программы под номером 55, посвященный политике рождаемости содержит обещание того, что отпуск по уходу за ребенком будет свободно распределяться между двумя родителями. И наконец, 87 пункт посвящен вопросу рождения детей и вопросу определения понятия «брак». Согласно этому пункту, необходимо поддерживать запрет суррогатного материнства и сделать так, чтобы искусственное оплодотворение было крайней медицинской мерой в борьбе с бесплодием; проблема аборт, которой, как уже было сказано, «Национальный фронт» противостоял ранее, не поднимается ни в этом пункте, ни во всей программе в целом. Таким образом, «Национальный фронт» поддерживает традиционную семью, при этом позволяя распределять заботу о ребенке между обоими родителями. Главной угрозой женскому благополучию они считают ислам. Правые радикалы утверждают, что, борясь с исламом – как мужчинами-мусульманами, которых они считают главными виновниками сексуального насилия, так и с паранджой, унижающей женское достоинство – они борются за женские права. Интересный эпизод привлек внимание прессы в 2017 году, когда запланированная встреча Марин Ле Пен с верховным муфтием Ливана была отменена из-за того, что Марин отказалась надеть платок. Можно сказать, что ценности феминизма важны для них

настолько, насколько они могут послужить оружием в деле борьбы с мигрантами.

Партия, прежде считавшая женщин домохозяйками, неспособными к решительным действиям, оказалась в руках женщины-лидера, что не могло не привести к изменениям в отношении к женщине в партии. Так, например, тот факт, что «Национальный фронт» возглавляется женщиной, повлиял на участие женщин в партийной структуре: оно увеличилось, по сравнению с периодом Жан-Мари Ле Пена, но все же остается ограниченным: в 2013 году из 74 тыс. членов партии 39 % были женщинами (против 18 % в конце 1980-х) [*Scrinzi, 2017, p. 98*]. Малое количество из них мы видим в числе лидеров партии. Среди самых ярких представительниц партии, конечно же, сама Марин Ле Пен и ее племянница Марион Марешаль-Ле Пен.

Лидерство Марин Ле Пен повлияло и на образ женщины, пропагандируемый «Национальным фронтом». Женщина, в понимании французских правых радикалов, теперь прежде всего не домохозяйка, а работающая мать. Сам образ Марин Ле Пен этому соответствует, активную политическую карьеру она сочетает с воспитанием троих детей. «Дважды разведенная, эффективная мать-одиночка, живущая с партнером, с которым она не состоит в официальном браке – она может подать себя как кого-то, кто понимает дилеммы женщин, оказавшихся в такой ситуации» [*Serhan, 2017*]. В ролике, записанном в рамках предвыборной кампании, Марин Ле Пен прямо обращает внимание на свой пол: «Я женщина, и как женщина я чувствую, как крайнее насилие и ограничение свобод распространяются по всей нашей стране через исламистский фундаментализм. Я мать, и как миллионы родителей я каждое мгновение чувствую беспокойство о состоянии моей страны и мира» [*Clip de campagne..., 2017*]. Такой дискурс позволяет привлечь к партии новый электорат: прежде всего белых француженок из верхней прослойки среднего класса, на которых и ориентирован «феминизм» Марин Ле Пен. Интересно также отметить, что в риторике Марин акцент делается на том, что нужно защищать женщин, а не женские права.

Уже упомянутая выше Марион Марешаль-Ле Пен являлась, до своего выхода из партии в 2017 году, одним из ярких представителей либерально-консервативного крыла партии, тесно связанного с консервативными католиками. Считалось, что Марион – самый молодой депутат за историю Национального собрания, представлявшая в нем партию 2012–2017 гг. – в будущем сменит свою тетю на посту лидера «Национального фронта». Будучи крайне религиозной католичкой, придерживавшейся консервативных позиций, она активно высказывалась и по женскому вопросу. Так, в одной из своих речей в Национальном собрании Марион критиковала французских феминисток,

заявляя, что их понимание феминизма устарело, и они «в политическом плане являются динозаврами, думающими, что на дворе все еще май 1968 года. Женщины во Франции имеют право голоса, право работать или не работать, выходить замуж и разводиться, использовать средства контрацепции и имеют право на аборт, если они того пожелают» [Marion Maréchal Le Pen explains..., 2017]. В своей речи Марион также обращает внимание на то, что истинным врагом женщин являются исламисты, приводя в пример 1200 случаев сексуального насилия над женщинами со стороны мигрантов, совершенных в канун нового 2016 года в Германии и утверждает, что «феминистки, ЛГБТ и исламисты выступают заодно» [Marion Maréchal Le Pen explains..., 2017]. Интересно отметить, что, хотя в ключевых вопросах для партии Марин и Марион придерживаются одной линии – в остальном между ними нет единства. Различных позиций придерживаются они и по проблеме аборта – Марион активно выступает против них, продолжая линию своего деда, а Марин заявляет о том, что лично она ничего против абортотв не имеет, отказываясь при этом, как уже было отмечено выше, включать эту тему в свою официальную программу.

О том, является ли такая риторика успешной, можно судить по количеству голосов, отдаваемых за партию. Так на выборах в Национальное собрание 2017 года от французских правых радикалов было избрано 8 депутатов, из которых две женщины. За «Национальный фронт» отдали свои голоса 13 % женщин, что является третьим результатом по количеству женских голосов: 31 % голосов было отдано за центристскую коалицию президентского большинства, 23 % за коалицию парламентских правых [Résultats des élections..., 2017].

Опираясь на программные документы и высказывания первых лиц партии можно говорить о следующих тенденциях. Если в 1970-е – начале 2000-х гг. партия однозначно придерживалась позиции, согласно которой роль женщины исчерпывалась материнством и охраной семейного очага, то с появлением женщины-лидера такая позиция отходит в прошлое. Происходит трансформация женского образа: от «матери нации» в 1990-е гг. до «работающей матери» на современном этапе. Лидерство Марин Ле Пен значительно повлияло на образ женщины, пропагандируемый «Национальным фронтом»: теперь женщина – это не домохозяйка, а работающая мать и первейшая задача государства – помочь ей совместить эти две роли и защитить ее от внешних угроз, таких как в первую очередь исламизм. Изменяется и позиция в отношении абортотв: на смену «антифранцузскому геноциду» приходит понимание абортотв как неотъемлемого права женщины. Изменяется и позиция касательно родительства: на современном этапе «Национальный

фронт» все больше внимания обращает на то, как важно обеспечить участие отца в воспитании ребенка.

Женский вопрос также тесно связан с проблемой мигрантов. Феминистская риторика используется «Национальным фронтом» для продвижения исламофобских настроений. Программа партии призывает защищать права женщин, указывая на «реальную угрозу» этим правам – ислам. Провозглашается, что гендерное равенство в стране достигнуто, а источником проблем являются патриархальные мигранты. Прочие проблемы, такие как равная оплата труда, социальное и профессиональное неравенство упоминаются лишь вскользь. Ранее женщина находилась в центре семейной политики, основной целью которой было увеличение рождаемости (но тоже из-за антимигрантских настроений – ведь если родится больше французов, будет меньше мигрантов). Несмотря на то, что «Национальный фронт» возглавляет женщина – прочих заметных ролей в партии они не играют. «Национальному фронту» для выполнения своих задач – привлечению женских голосов, более «правомерному» призыву к борьбе с исламом за женские права вполне хватает одной женщины, стоящей во главе партии.

### **Библиографический список**

1. Clip de campagne officiel | Marine 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FYWnuQc5mYA> (датаобращения: 21.04.2020).
2. Les 144 engagements présidentiels. 2017.
3. Marcus J. The National Front and French Politics: The Resistible Rise of Jean-Marie Le Pen. NY, 1995. 250 p.
4. Marion Maréchal Le Pen explains why feminists are hypocrites. 2017 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cmhFLUesQBs> (дата обращения: 21.04.2020).
5. Pour un avenir Français: Programme du Front National. 2002.
6. Résultats des élections législatives 2017. URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Legislatives/elecresult\\_\\_legislatives-2017/\(path\)/legislatives-2017//FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Legislatives/elecresult__legislatives-2017/(path)/legislatives-2017//FE.html) (датаобращения: 21.04.2020).
7. Scrinzi F. Gender and women in the Front National discourse and policy. From "mothers of the nation" to "working mothers"? // New Formation. 2017. № 91. P. 87–101.
8. Serhan Y. How Being a Woman Helped Marine Le Pen. 2017. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/04/how-being-a-woman-helped-marine-le-pen/522456/> (дата обращения: 24.02.2021).

9. Shields J. Marine Le Pen and the 'New' FN: A Change of Style or of Substance? // Parliamentary Affairs. 2013. 66. P.179–196.

10. Williams M.H. A new era for French far right politics? Comparing the FN under two Le Pens // Analise Social. 2011. № 201. P.679-695.

## **THE CHANGING IMAGE OF A WOMAN IN THE RHETORIC OF MODERN FRENCH RADICAL RIGHT**

*Burmistrova Ekaterona S.*  
Perm State University,  
15, Bukireva str.,  
Perm, 614990, Russia,  
burmi-k@yandex.ru

### **Abstract**

*An attempt to show how the image of a woman has changed in the rhetoric of the French National Front has been undertaken in the article. The author is trying to answer the question what internal party processes influenced this change. Under the leadership of Marine Le Pen, the National Front has managed to become the third most important party in French political life. The author pays special attention to program documents and statements by the first persons of the party and identifies the following trends. If in the 1970s - early 2000s the party clearly adhered to the position according to which the woman's role was cut down to motherhood and the protection of hearthside, at the present stage the woman is understood not as a housewife, but as a working mother. The main task of the state is to help her combine these two roles and protect her from external threats, such as Islamism in the first place. The author concludes that both the leadership of Marine Le Pen and the desire to use the women's issue as a tool to attract new voices and create a softer, liberal image affected the change in the party's gender agenda.*

### **Keywords**

*Right-wing radicalism; gender; traditional values; National Front; Marine Le Pen.*



## РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ

*Козлова Екатерина Андреевна*

Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»  
1011000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20,  
eakozlova\_9@edu.hse.ru

### **Аннотация**

*Китай на современном этапе является одним из мировых лидеров, который динамично распространяет свое влияние на другие регионы. В настоящем исследовании проведена попытка проанализировать взаимоотношения между Китаем и центральноазиатскими государствами и определить, какова роль региона современной политике КНР, поскольку он имеет хороший потенциал для сотрудничества с Китаем: непосредственно задействован в рамках проекта «Один пояс, один путь», обладает достаточным количеством энергоресурсов, необходимых китайской экономике, а также почти все страны Центральной Азии являются членами Шанхайской организации сотрудничества. В ходе исследования получен вывод о том, что роль региона действительно важна для Китая, так как взаимодействуя с Центральной Азией, Китай может преодолеть внешние и внутренние экономические трудности.*

### **Ключевые слова**

*Китай; Центральная Азия; «Один пояс, один путь»; ШОС; безопасность; энергетика; прямые иностранные инвестиции.*

В современной политике Китая очень популярен концепт «Китайской мечты» или же «Великого национального возрождения», объявленный в 2012 году и включающий в себя развитие во всех сферах жизни общества. В рамках этой концепции заданы несколько целей, важнейшей из которой является повышение жизненного уровня населения и национального благосостояния. Однако на пути достижения этой цели Китай имеет довольно много проблем. Так, во-первых, КНР (Китайской народной республике) необходимо сохранять устойчивый рост экономики и преодолеть негативные последствия мировых финансовых и политических процессов, а также

последствия распространения коронавирусной инфекции. Тем не менее, еще в 2013 г. председатель КПК (Коммунистической партии Китая) Си Цзиньпин объявил о создании инициативы «Один пояс, один путь» (или «Экономический пояс шелкового пути»). Этот проект дает возможность увеличения сотрудничества Китая и Европы и также увеличения прибыли при снижении издержек за счет создания экономических коридоров с развитой логистикой. Аналитики часто называют ЭПШП «моделью экспорта китайского экономического чуда» [Akmatalieva, 2018, с. 140], в то время как КНР пытается достигнуть еще одной цели на пути к Великому Возрождению – это экономическое равенство между экономически развитыми провинциями и отсталыми регионами запада (в частности, СУАР – Синьцзян-уйгурский автономный район, Ганьсу), при помощи «подключения» их к экономикам соседних государств – в частности, Центральной Азии (ЦА), которые участвуют в проекте.

Кроме того, КНР также нуждается в стабильном источнике энергетических ресурсов, поскольку Китай не способен самостоятельно поставлять достаточное количество сырья. [Salitsky, Semenova, 2019, с. 6]. В то же время, рассматриваемый регион, во-первых, является одним из поставщиков энергоресурсов и, во-вторых, является одним из соседних регионов Китая, что может быть причиной интереса КНР к нему.

Тем не менее, по-прежнему проблемой для Китая остается сепаратизм и терроризм, и в этом отношении, конечно, самым напряженным регионом остается СУАР, поскольку он продолжает испытывать на себе влияние нестабильного Афганистана и именно там находится большое количество противников существующего режима. Центральная Азия также является соседом Афганистана, что делает очевидным необходимость сотрудничества и решения проблем, связанных с обеспечением международной безопасности.

### **«Один пояс, один путь» и Центральная Азия**

В условиях жесткой конкуренции за мировые рынки эта инициатива стала одним из источников улучшения конкурентоспособности китайских производителей, поскольку позволяет снизить достаточно большую статью расходов на логистические издержки. Благодаря ЭПШП, по мнению аналитиков, «все дороги будут вести не в Рим, а в Пекин» [Akmatalieva, 2018, с. 139], потому что инициатива предполагает создание условий для развитой и мощной транспортной инфраструктуры. Это означает, что Китай в силах обеспечить полный контроль над цепочками поставок, что в свою очередь будет обеспечивать практически бесперебойное перемещение товаров и доверие со стороны торговых партнеров. Примечательным фактом является то,

что именно на территории Центральной Азии (в Казахстане, в университете имени Н. Назарбаева) Си Цзиньпин объявил о создании инициативы «Один пояс, один путь», так как Центральная Азия – регион, наиболее подходящий для строительства коридоров, способных связать Китай и Европу, поскольку она один из ближайших западных соседей КНР и граничит с европейской частью материка. Хотя экономическое сотрудничество существовало уже довольно долгое время: с 1992 по 2017 гг. объем двусторонней торговли вырос с 500 млн. долларов до 30 млрд. долларов [За 25 лет...], именно создание ЭПШП стало причиной существенного увеличения инвестиций КНР в страны ЦА. Сравнивая данные из таблицы 1 и таблицы 2, можно оценить влияние проекта на динамику роста прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в транспортную инфраструктуру ЦА. Так общее количество ПИИ в 2006-2013 гг. всего лишь 710 млн. долларов, в то время как с 2013 г., когда произошло объявление ЭПШП, и до 2018 г. количество ПИИ увеличилось до суммарно 5120 млрд. долларов. Факт повышения уровня финансовых потоков свидетельствует о том, что Центральную Азию можно считать действительно важным регионом в рамках реализации проекта «Один пояс, один путь».

Таблица 1

*Китайские ПИИ в транспортную инфраструктуру ЦА до 2013 г. Источник: составлено автором по материалам China Global Investment Tracker*

Год	Количество, млн
2006	\$ 300
2007	-
2008	-
2009	\$ 260
2010	\$ 150
2011	-
2012	-
Всего	\$ 710

Примечание: *составлено автором по материалам China Global Investment Tracker.*

*Китайские ПИИ в транспортную инфраструктуру ЦА после 2013 г.*

Год	Количество,млн
2013	\$ 460
2014	\$1290
2015	\$400
2016	-
2017	\$2830
2018	\$ 140
Всего	\$5120

Примечание: *составлено автором по материалам China Global Investment Tracker.*

### Энергетика

В настоящее время китайская промышленность страдает от нехватки энергоресурсов и сырья, поэтому вопрос наличия надежного источника газа и других полезных ископаемых является очень острым и актуальным [Salitsky, Semenova, 2019, с. 6]. В этом отношении ЦА снова можно рассматривать как выгодного партнера, поскольку в регионе достаточно этих ресурсов. В таблице 3 можно увидеть инвестиции Китая в данный сектор экономики стран ЦА с 2003 по 2017, а в таблице 4 приведено соотношение инвестиций в энергетику с общими показателями, и проценты от общего количества ПИИ подтверждают интерес Китая к запасам недр ЦА. С 2005 по 2017 гг. из 50170 млн. долларов ПИИ КНР, направленных в страны ЦА, в энергетику было направлено 38540 миллионов долларов, что составило 76,82 % от общей массы. В дополнение к вышесказанному, будущие логистические возможности ОПШП делают доставку более дешевой и быстрой, что может быть привлекательным для китайских инвесторов.

Таблица 3

*Китайские ПИИ в сферу энергетики стран Центральной Азии*

Год	Количество, млн долл.
2005	4 500
2006	2 310
2007	2 340
2008	250
2009	6 670
2010	2 300
2011	1 240
2012	4 720
2013	5 300
2014	4 540
2015	2 640
2016	490
2017	1 240
Всего	38 540

*Примечание: составлено по (Global Investment Tracker).*

Таблица 4

*Доля ПИИ в энергетический сектор от общего числа*

Год	Сектор энергетики	Общее количество	Доля
2005	\$ 4 500	\$ 4 500	100,00 %
2006	\$ 2 310	\$ 2 610	88,51 %
2007	\$ 2 340	\$ 2 450	95,51 %
2008	\$ 250	\$ 420	59,52 %
2009	\$ 6 670	\$ 6 930	96,25 %
2010	\$ 2 300	\$ 2 550	90,20 %
2011	\$ 1 240	\$ 1 240	100,00 %
2012	\$ 4 720	\$ 7 940	59,45 %
2013	\$ 5 300	\$ 5 760	92,01 %
2014	\$ 4 540	\$ 7 790	58,28 %
2015	\$ 2 640	\$ 3 040	86,84 %
2016	\$ 490	\$ 670	73,13 %

2017	\$1240	\$4 270	29,04 %
Всего	\$38540	\$50 170	76,82 %

*Примечание: составлено по Global Investment Tracker.*

Также интересы Китая отражаются и в кредитах на разработку месторождений и постройку объектов инфраструктуры. Однако в этом направлении есть и достаточно негативный момент: так, например, Туркменистан не может выплатить долг и отдает его газом – на данный момент объем транспортируемого газа составляет 35 млрд. кубометров [Akmatalieva, 2018, с. 144]. Говоря о других государствах региона, можно упомянуть, что Киргизия взяла у Китая 45 % от всех своих внешних займов (\$1,7 млрд). У Таджикистана – \$1,2 млрд. (52 % всех внешних займов), что в обоих случаях составляет более 20 % их ВВП. В других государствах региона ситуация лучше: Туркмения должна Китаю 16,9 % своего ВВП, Узбекистан – 16 %, Казахстан – 6,5 % [Умаров, 2020]. В тоже время, китайским компаниям (в частности, CNPC и «Синопек»), принадлежит ¼ нефти Казахстана и такие ситуации заставляют экономики ЦА привязываться к китайским кредитам все больше [Akmatalieva, 2018, с. 143].

### **Шанхайская организация сотрудничества**

Возвращаясь к концепту «Китайской мечты», важно отметить, он не ограничивается только такими компонентами как экономический рост и обеспеченность энергоресурсами. «Спокойствие» на границах и отсутствие «горячих точек» также являются приоритетной задачей китайского руководства. Кроме того, очевидно, что для Китая намного выгоднее взаимодействовать со спокойным регионом без проблем с логистикой. Однако, тем не менее, они есть – Китай является соседом Афганистана, который остается нестабильным гнездом преступности и терроризма, который проникает в западные регионы КНР – и в первую очередь Синьцзян-уйгурский автономный район [Malysheva, 2017, с. 20]. Это обстоятельство является основной причиной поддержки со стороны КНР Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). При этом на сегодняшний день можно наблюдать снижение активности работы организации. Так, в 2005-2006 годах на территории стран участниц было предотвращено 450 терактов, то в 2011-2015 гг. только 20 [Алимов, 2018], что можно охарактеризовать как успех, поскольку изначально ШОС создавалась как исключительно антитеррористический орган, который выполнил свою задачу – снизить напряжение, связанное с терроризмом, в регионе. Соответственно, после достижения основной цели,

роль организации снизилась. Тем не менее, для дальнейшего упрочнения ШОС, в 2013–2014 гг. Си Цзиньинь лично присутствовал на саммитах организации, поддерживая вступление туда Афганистана и Пакистана, государств с очень хрупким статус-кво. Также важнейшим фактором «веса» ШОС как игрока на мировой арене является наличие двух членов Совета Безопасности Организации Объединенных Наций с правом вето – непосредственно Китая и Российской Федерации, а вступление Индии в ШОС сделало организацию одной из крупнейших по совокупному количеству населения, что также является плюсом в «борьбе против трех зол – терроризма, экстремизма и терроризма». Также ведется тесное сотрудничество между ШОС и ООН: так совсем недавно, 7 марта 2020 года, состоялась встреча между председателем Международного комитета по контролю над наркотиками Корнелисом де Йонхере и генеральным секретарем ШОС Владимиром Норовым [В. Норов встретился с председателем МККН, 2020].

При снижении непосредственно главной функции организации можно заметить повышение роли ШОС как актора мягкой силы в регионе: так под эгидой ШОС проходит множество культурных и образовательных проектов, основная цель которых – взаимный обмен культурными достижениями стран-участниц [О дне культуры..., 2019]. Например, это проект «ШОС – наш общий дом», «8 чудес ШОС», различных фестивалей, концертов. Также существует проект «Университет ШОС», к которому присоединились 24 университета стран-участниц, и предлагаются широкие возможности для стажировок и учебы по обмену в китайских вузах. В отличие от экономического сотрудничества, где явно прослеживается доминирующая линия Китая, в культурной сфере можно заметить определенное равенство среди участниц организации.

Таким образом, обеспечив стратегическую защиту своих интересов в Центральной Азии в лице ШОС, Китай смог немного трансформировать организацию как инструмент своей культурной политики, распространяя свое влияние не только путем экономического взаимодействия, но и «мягкой силой».

### **Заключение**

В заключении, проведя анализ политики Китая в ЦА, можно утверждать, что, Китай заинтересован в регионе и можно утверждать о взаимозависимости между государствами. Так, во-первых, для КНР это регион-плацдарм экономического и торгового наступления на Европу, поскольку использует территории ЦА для создания экономических коридоров в рамках ЭПШП, что в свою очередь уже в ближайшем будущем может стать хорошей возможностью для Китая преодолеть существующие экономические трудности. Во-вторых,

Китай нуждается в энергоресурсах, в то время как Центральная Азия готова их предложить в обмен на кредиты и инвестиции, поддерживающие, в свою очередь экономику государств. В-третьих, несмотря на снижении активности ШОС, организация остается для Китая важным инструментом обеспечения безопасности на западных границах, а также инструментом мягкой силы, который, тем не менее, позволяет сгладить экономическое неравенство между Китаем и странами ЦА в культурной сфере.

Подводя итог, можно ожидать, что взаимодействие в ближайшее время только увеличится, поскольку Центральная Азия задействована в ключевых, на сегодняшний день, направлениях внешней политики Китая.

### Библиографический список

1. Айрис С. Шанхайская организация сотрудничества: по материалам британских и американских исследователей // ИнфоШОС. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=330> (дата обращения: 11.03.2020).
2. Алимов Р. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии угрозам мира и безопасности. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21818> (дата обращения: 12.03.2020).
3. Виноградов А.О. Новый тип отношений и новый Шелковый путь. К вопросу о внешнеполитических инновациях Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. №20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyuy-tip-otnosheniy-i-novyuy-shelkovyuy-put-k-voprosu-o-vneshnepoliticheskikh-innovatsiyah-kitaya> (дата обращения: 10.11.2019).
4. Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. «Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение»// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». Т. 19. №1. 2019. С. 35–46.
5. В. Норов встретился с председателем МККН. URL <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=24044> (дата обращения: 24.04.2020).
6. За 25 лет товарооборот Китая со странами Центральной Азии вырос в 60 раз. URL [https://www.inform.kz/ru/za-25-let-tovarooborot-kitaya-so-stranami-central-noy-azii-vyros-v-60-raz\\_a2987699](https://www.inform.kz/ru/za-25-let-tovarooborot-kitaya-so-stranami-central-noy-azii-vyros-v-60-raz_a2987699) (дата обращения: 20.04.2020).
7. О дне культуры республики Узбекистан. URL <http://rus.sectsko.org/news/20191221/615971.html> (дата обращения: 15.05.2020)
8. Современный Китай в условиях трансформации. М.: ЛЕНАНД, 2019. 264 с.
9. Умаров Т. На пути к PaxSinica: что несет Центральной Азии экспансия Китая. URL <https://carnegie.ru/commentary/81265>, (дата обращения: 10.04.2020).



10. Шанхайская организация сотрудничества. URL <http://rus.sectesco.org/> (дата обращения: 11.05.2020).
11. Акматалиева А.М. Initsiativa «OdinPoias – OdinPut’» vTsentral’noiAzii (PerspectivesofChina’sEconomicBeltofSilkRoadinCentral Asia) // Comparative Politics Russia. 2018. No. 4. P. 139-146.
12. China Global Investment Tracker. URL <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (датаобращения: 31.03.2020).
13. Malysheva D.B. The Afghan crisis and post-Soviet Central Asia, World Economy and International Relations. 2017. Vol. 61. No. 8. P. 14–23.
14. OECD. "The Belt and Road Initiative in the global trade, investment and finance landscape", in OECD Business and Finance Outlook 2018, OECD Publishing, Paris. URL: [https://doi.org/10.1787/bus\\_fin\\_out-2018-6-en](https://doi.org/10.1787/bus_fin_out-2018-6-en) (датаобращения: 31.03.2020).
15. SalitskyA. I., SemenovaN. Central Asia: political and energy issues in the Russia-China format// Asia and Africa today. 2019. Vol. 2. P. 2-9.

## THE ROLE OF CENTRAL ASIA IN MODERN POLICY OF CHINA

*Kozlova Ekaterina A.*  
National Research University  
«Higher School of Economics», 20,  
Myasnitskaya str., Moscow,  
1011000, Russia,  
[eakozlova\\_9@edu.hse.ru](mailto:eakozlova_9@edu.hse.ru)

### **Abstract**

*Nowadays, China is one of the world leaders, which intensively spreading its influence on other states. This paper is attempt to analyze the relationship between China and Central Asia and determine the role of the region in China’s modern policy, because considered region has opportunities for cooperation: it is directly involved in «One Belt One Road» project, has enough raw materials and energy sources and also its states are members of Shanghai Cooperation Organization. The result of the research is that for China the region plays an increasingly important role, because the cooperation with Central Asia could help China overcome its domestic and external difficulties.*

### **Keywords**

*China; Central Asia; «One Belt – One Road»; SCO; security; energy; FDI.*

**АКТИВИЗМ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ***Чернова Анна Вячеславовна*

Пермский государственный национальный  
исследовательский университет  
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
ana8nas@rambler.ru

**Аннотация**

*В статье предпринимается попытка выявить, какие факторы способствуют эффективному функционированию групп интересов коренных малочисленных народов как института этнического воспроизводства. Рассматривается их работа в условиях различных этнических составов населения. Выявлено, что сочетание ассимиляционной политики государства с географической близостью проживания этносов к государственному «центру» приводит к усвоению ими идентичности титульной группы, а удаленность оказывает благоприятное влияние на социально-политическую активность этнических ассоциаций. В многосоставных же демократических государствах деятельность этнических групп эффективна даже при нехватке культурно-идеологических средств.*

**Ключевые слова**

*Группы интересов; коренные народы; электронное гражданское общество; сетевая идентичность; идеологии межгрупповых отношений.*

На сегодняшний день, по данным ООН, к коренным малочисленным народам относятся 370 миллионов человек. Их предки «стали жертвами исторической несправедливости... в результате их колонизации» [Декларация Организации..., 2007], подвергались угнетению со стороны титульной нации, человеческие права автохтонного населения нарушались [Kohn, 2017]. Однако всеобщее признание идеалов демократии, произошедшее во второй половине XX века, создало благоприятную среду для изменения отношения власти к этническим меньшинствам, стремлению её к сотрудничеству, поиску компромиссов [Фурсов, 2015]. В XXI веке этнические меньшинства стали свободнее, чем когда-либо, укоренение принципов равноправия и самоопределения народов наделило их властью над правительством. Однако не все государства в наше время следуют ими же ратифицированным международно-правовым нормам. Права коренных этносов, особенно малочисленных, могут игнорироваться или нарушаться. Поэтому по всему

миру активисты этнических сообществ, объединенные в общественные советы и ассоциации, отстаивают свои интересы в политической сфере [Буренко, 2012]. Спектр видов деятельности этнических организаций варьируется от культурно-просветительских до масштабных социально-политических.

Принадлежность представителей этнических меньшинств к организациям делает их в большей степени социально защищенными. Особенно это ярко проявляется в развитых демократических странах: членство в этнических организациях становится выгоднее, чем ассимиляция. Носители этнической культуры получают экономическую и социальную помощь, которая была бы им недоступна, если бы они относили себя к этническому большинству.

В цифровую эпоху важным способом борьбы за идентичность является консолидация представителей этнических меньшинств в виртуальном пространстве [Федорченко, 2017]. Часто стержнями сетевого активизма становятся институционализированные этнические ассоциации, выполняющие помимо артикуляции и агрегирования интересов функцию социализации. Сетевые площадки пользуются популярностью, активисты регулярно сообщают пользователям форумов и подписчикам групп в социальных сетях, в числе которых есть и местные жители – представители титульной нации, о готовящихся мероприятиях и программах поддержки.

Несмотря на вышеперечисленные тенденции, в некоторых «передовых» странах активность этнических ассоциаций, в том числе и в виртуальном пространстве, стремительно сокращается. Например, на территории Японии проживает этнос айнов, общественная деятельность представителей которого, как выяснилось в ходе нашего исследования, стагнирует.

Айны – коренной народ севера Японского архипелага, традиционно занимавшийся охотой и рыбалкой. Он был покорен японцами в XII веке и длительное время находился в угнетенном положении. В эпоху Мэйдзи, когда японцы начали активно осваивать ресурсы острова Хоккайдо, японское правительство стало проводить ассимиляционную политику в отношении айнов: их выселяли с собственных земель, им запрещали выполнять многие традиционные ритуалы [Irimoto, 2006]. В 1930 году за счет средств японского бюджета была сформирована первая айнская ассоциация, оказывавшая экономическую помощь айнам. Она создавалась с целью содействия ассимиляции коренного этноса [主な沿革, 2015], и многие айны, рожденные и воспитанные в японской культурной среде, предпочли перенять японскую идентичность. Во второй половине XX века упомянутая выше организация, переименованная после структурной реформы в Ассоциацию айнов Хоккайдо, послужила своего рода оплотом айнского движения в конце XX века. Накопившие экономические и культурно-идеологические ресурсы [Siddle, 1997]

айны обратились к международным правозащитным организациям с целью оказания давления на японское правительство. Боровшиеся за права айны возымели успех: запреты были отменены, и государство стало оказывать айнам материальную помощь.

Айны были признаны японским этническим меньшинством совсем недавно: лишь в 2019 году, после почти полувековой истории их борьбы за права, в том числе и на международном уровне, статус данного коренного народа был узаконен. Было издано «Положение об обществе, в котором уважается гордость народа айнов», согласно которому айны получили право на дотации для проведения культурных мероприятий [Чекунова, 2019].

Как уже говорилось, в современном мире политическую реальность отражает сетевое пространство. Издание столь существенного для айнов нормативно-правового акта не сопровождалось всплеском их интернет-активности. Так, в официальных группах Ассоциации айнов Хоккайдо не было выпущено ни одного поста в социальной сети Facebook, посвященного данному событию [アイヌ文化..., 2013]. Более того, в правилах одной из них, ведомой Фондом народной культуры айнов, указано, что публикация материалов политического содержания запрещена. Есть основания говорить, что айны сами же себе ставят ограничения и не используют социальные медиа для артикуляции интересов. Следует отметить, что айны до сих пор подвергаются дискриминации: в школах, при приеме на работу, при вступлении в брак с этническими японцами они сталкиваются с предвзятым отношением [アイヌの..., 2015]. Способы решения данной проблемы не предлагаются айнами – председателями Ассоциации и его подразделений. О программах материальной и психологической поддержки умалчивается на доступных веб-ресурсах.

Однако нельзя Ассоциацию айнов Хоккайдо считать исключительно культурной организацией: на веб-странице организации представлены услуги по оказанию помощи находящимся в бедственном положении айнам за счет негосударственного фонда, формируемого благодаря пожертвованиям и грантам. Айны имеют право на получение пособий по безработице и стипендий, а также на кредитование: для этого им требуется оформить заявку в ближайшем филиале Ассоциации [各種様式, 2015]. Формально данная организация исправно играет роль института гражданского общества. Хотя и Ассоциация айнов Хоккайдо в значительной степени институционализована (ААХ находится под покровительством Агентства по делам культуры), она все же остается вне политической системы и отстаивает интересы айнов «снизу». Таким образом, Ассоциация айнов Хоккайдо скорее относится к группе «защиты» по классификации Жана Блонделя [Ланин, 1997].

Для выяснения, является ли упадок активности этнического сообщества исключительно айнской проблемой и в чем причины такой безынициативности их основной группы интересов, необходимо изучить сетевые практики других народов со схожими характеристиками. Представляется подходящим для обеспечения точности результата рассмотреть активность в интернет-пространстве алеутов островов Прибылова. Народ с самоназванием унанан также является коренным и малочисленным, входит в палеоазиатскую группу, имеет присваивающий тип хозяйства, проживает на территории демократической страны, на протяжении своей истории подвергался длительному угнетению. Помимо всего прочего, на основе их этнической специфики не конструировались региональные автономии [History]. Следовательно, для сравнения активизма данных народов есть основания. В отличие от айнов, деятельность алеутов охватывает большое число сфер: Ассоциация алеутов островов Прибылова публикует на своих сайтах не только анонсы культурных мероприятий, но и списки вакансий, актуальные программы материальной поддержки, доступные юридические консультации; за счет средств из фонда члены Ассоциации алеутов оказывают помощь семьям с приемными детьми и пожилым представителям коренного этноса [Aleutian Pribilof...]. Членство в Ассоциации привлекательно: относить себя к меньшинству представляется рациональным. Широкий масштаб деятельности этнической организации способствует эффективному этническому воспроизводству.

Высокая социально-политическая активность алеутов может объясняться характером местности, на которой они проживают: Алеутские острова небольшие по территории, они расположены далеко от столицы штата Аляска, не говоря уже о расстоянии до столицы Соединенных Штатов Америки. При таких условиях возникает необходимость развивать систему местного управления, так как «центру» неизвестны потребности «периферии» в полной мере. Ассоциации алеутов островов Прибылова делегированы полномочия по организации систем образования и здравоохранения на островах, в сферу ее деятельности входит также обеспечение общественной безопасности и реализация экологических программ. Ассоциация действует по всей территории островов, и, согласно данным официального сайта, ее миссия состоит не только в сохранении культурного наследия алеутов, но и в обеспечении благосостояния всех жителей архипелага. Из чего можно заключить, что у жителей Алеутских островов этническая и территориальная идентичность совпадают.

Но являются ли особенности окружающей среды, в которой проживают этносы, главной причиной разных направлений развития ассоциаций,

представляющих интересы меньшинств? Возможно, обуславливает падение айнского активизма влияние модели этнической конструкции [Григорьев, Батхина, Дубров, 2018]. Япония – этнически гомогенная страна, национальные меньшинства в ней составляют менее 5 % населения [Чугров, 2008]. Идея о единстве, однородности японской нации была и остается одной из основных ценностей японцев. Поэтому, надо полагать, айны на пике своего активизма (1976–1997) не смогли добиться прав на местное самоуправление и политическое представительство: в такой обстановке, где члены правительства провозглашают Японию «единственной в мире моноэтнической нацией» [主な沿革, 2016], добиться успеха практически невозможно. Рациональным поведением меньшинства, опять же, в данном случае является подчинение крупному актору, то есть правительству, который заинтересован в прекращении конфликта на условиях сдачи проигрывающей стороны.

В культурном плане с айнами и алеутами много общего имеют нивхи, автохтонный народ, представители которого проживают преимущественно в Приамурье и на острове Сахалин. В отличие от рассмотренных ранее народов, у них нет отдельной институционализированной территориальной организации, представлявшей их интересы. Нивхи, наравне с 40 другими народами, находятся под покровительством Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Региональные..., 2014]. Отсутствие «стержня» активизма – собственной группы интересов – отражается на взаимодействии нивхов в виртуальном пространстве. Их группы в социальных сетях редко обновляются: в крупнейшей из них, «Национальной общине Нивхгу» ВКонтакте, в период с 04.2017 по 04.2020 было выпущено всего четыре поста [Национальная..., 2017]. Тем не менее, нивхи имеют возможность реализовывать потенциал своей этнической идентичности в работе Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края [АКМНС, 2016]. Она активна, членство в ней привлекательно: ее участники получают социальные льготы [Перечень..., 2016]. В отсутствие ресурсов для роста самосознания нивхи размывают свои культурные границы, перенимают более крупную идентичность – коренной народ Севера. И таким образом происходит их этническое воспроизводство.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, какие факторы положительно воздействуют на функционирование групп интересов коренных малочисленных народов. Во-первых, региональный принцип формирования этнической организации благоприятствует успеху и стабильности ее деятельности. Упрощается процесс рекрутирования ее участников и консолидации их сил для оказания давления на институты власти. Во-вторых, для того, чтобы деятельность ассоциаций не угасла, необходима

соответствующая среда: многосоставность общества, чтобы, как в случае айнов, организация одновременно не способствовала падению уровня самосознания коренных этносов. Целью существования Ассоциации айнов Хоккайдо все также, как и в первой половине XX века, является ассимиляция айнов – только теперь именно невыполнением своей функции института гражданского общества данная организация способствует снижению активности айнского движения. Усвоение айнской идентичности непривлекательно – материальные поощрения за участие в социальных и культурных программах не компенсируют негативное отношение со стороны окружающих, которое можно избежать, назвав себя японцем. В-третьих, для того, чтобы этнические сообщества могли работать максимально автономно, необходимо чтобы они проживали достаточно далеко от места сосредоточения титульного этноса – «центра». В делегировании айнам широких полномочий в сфере местного самоуправления нет «жизненной» необходимости, как в случае с проживающими на удаленных островах алеутами: остров Хоккайдо на сегодняшний день – экономически развитый и освоенный регион Японии, расположенный близко к «центру».

### Библиографический список

1. АКМНС Хабаровского края// ВКонтакте. 2016. URL: <https://vk.com/akmns> (дата обращения: 20.05.2020).
2. Буренко В.И. Группы интересов и лоббизм в политическом процессе (зарубежный опыт и российская практика)// Вестник университета (Государственный университет управления). 2012. №4. С. 5–10 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gruppy-interesov-i-lobbizm-v-politicheskom-protssesse-zarubezhnyu-opyt-i-rossiyskaya-praktika> (дата обращения: 15.05.2020).
3. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. 2007.URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/declarations/indigenous\\_rights.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml) (дата обращения: 12.05.2020).
4. Григорьев Д.С., Батхина А.А., Дубров Д.И. Ассимиляционизм, мультикультурализм, этнический дальтонизм и поликультурализм в российском контексте. URL: <https://publications.hse.ru/articles/220215326> (дата обращения: 21.05.2020).
5. Лапин Н.И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества. 1997. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/899/870/1231/002.LAPIN.pdf> (дата обращения: 13.05.2020).
6. Национальная община Нивхгу // ВКонтакте. 2017. URL: <https://vk.com/nivkhs> (дата обращения: 16.05.2020).

7. Перечень льгот // Региональная общественная организация «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края». 2016. URL: <http://akmns-khab.ru/> (дата обращения: 16.05.2020).
8. Региональные отделения// АКМНСС и ДВ РФ. 2014.URL: <http://raipon.info/about/regionalnye-podrazdelenija-i-predstavitelstva.php> (дата обращения: 16.05.2020).
9. Федорченко С.Н. Политические идентичности в социальных сетях интернета// Вестник Пермского университета. Политология. 2017. №2. С. 29–46.
10. Фурсов К.А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели// Восток (Oriens). 2015. № 2. С. 5–19.
11. Чекункова Е.С. Современное положение айнов в рамках нового этапа этнической политики Японии // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 23. Вып. 3. С. 55–66.
12. Чугров С.В. Японцы: гибридизация и гармонизация// Полис. 2008. №3. С. 59–66.
13. Aleutian Pribilof Islands Association // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/APIAI> (дата обращения: 12.05.2020).
14. Cotterill S. Ainu Success: the Political and Cultural Achievements of Japan's Indigenous Minority // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 2011. URL: <https://apjpf.org/2011/9/12/Simon-Cotterill/3500/article.html> (дата обращения: 23.01.2020).
15. History // Aleutian Pribilof Islands Association. URL: <https://www.apiai.org/departments/cultural-heritage-department/culture-history/history> (дата обращения: 12.05.2020).
16. Irimoto T. Political Movement, Legal Reformation, and Transformation of Ainu Identity// Hunters and Gatherers in the Modern World: Conflict, Resistance, and Self-Determination. NY: Berghahn Books, 2006. P. 206–222.
17. Kohn M. Colonialism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2017. URL:<https://plato.stanford.edu/entries/colonialism> (дата обращения: 14.05.2020).
18. Siddle R. Political Movement, Legal Reformation, and Transformation of Ainu Identity// Japan's Minorities, The Illusion of Homogeneity. Routledge, 1997. P. 17–49.
19. アイヌ文化情報オンライン「ピリカカンピ」// Facebook. 2013. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.facebook.com/pg/pirkakanpi/about/?ref=page\\_internal](https://www.facebook.com/pg/pirkakanpi/about/?ref=page_internal) (дата обращения: 14.05.2020).



20. アイヌの生活実態 // 公益社団法人北海道アイヌ協会. 2015. URL: <https://www.ainu-assn.or.jp/ainupeople/life.html> (дата обращения: 14.02.2020).
21. 各種様式 // 公益社団法人北海道アイヌ協会. 2015. URL: <https://www.ainu-assn.or.jp/style/index.html>(дата обращения: 14.02.2020).
22. 主な沿革// 公益社団法人北海道アイヌ協会. 2015. URL: <https://www.ainu-assn.or.jp/ainupeople/past.html>(дата обращения: 19.02.2020).

## THE ACTIVISM OF INDIGENOUS SMALL-NUMBERED PEOPLES

*Chernova Anna V.*  
Perm State University,  
15, Bukireva str.,  
Perm, 614990, Russia,  
[ana8nas@rambler.ru](mailto:ana8nas@rambler.ru)

### Abstract

*The article attempts to identify, what factors contribute to the effective functioning of interest groups of indigenous peoples. The influence of ethnic composition of the population to their effectiveness is examined. It was revealed that the combination of the assimilation policy conducted by the state with the geographical proximity of ethnic groups to the «center» of the state leads to their assimilation, whereas remoteness has a beneficial effect on the socio-political activity of representatives of the indigenous peoples, and in plural democracies they effectively function even with a lack of cultural and ideological means.*

### Keywords

*Interest groups; indigenous peoples; electronic civil society; network identity; ideologies of intergroup relations.*

**МИР-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ: ВАРИАНТЫ ПОНИМАНИЯ,  
ИНТЕРПРЕТАЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ  
(КЕЙС АФРИКИ)**

*Логвинов Родион Николаевич*

Пермский государственный  
национальный исследовательский университет,  
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
logvinov321@mail.ru

**Аннотация**

*В статье предпринимается попытка показать, каким образом мир-системный анализ может быть применен в отношении африканского континента. В рамках этого подхода формируется объяснительная модель, смещающая фокус внимания от отдельных государств к мир-системам, что существенно отличает его от теории модернизации. Опираясь на труды таких основных представителей теории как Фернан Бродель, Иммануэль Валлерстайн и Джованни Арриги, автор характеризует фундаментальные основы мир-системного анализа и выявляет особенности применения мир-системного анализа в отношении африканского кейса. Автор сравнивает позицию по африканскому кейсу мир-системного подхода и теории модернизации. Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что мир-системный анализ должен рассматриваться как теория, представляющая особый интерес в рамках оценки роли и места стран Африки в международном пространстве. Значимость этого подхода заключается в попытке поиска ответа на вопрос о причинах отсталости африканского региона.*

**Ключевые слова**

*Мир-системный анализ; Африка; Бродель; Валлерстайн; Арриги, теория модернизации.*

Мир-системный анализ – это теория, объясняющая социально-экономические изменения в исторических рамках. Эта теория развивалась и критиковалась многими учеными на протяжении многих лет, и продолжает порождать непрекращающиеся дебаты в области социальных и гуманитарных наук. Главная идея этой концепции заключается в том, что глобальная система основывается на стратифицированной структуре неравенства, в корне которой лежит институционализированная эксплуатация. Таким образом, научному

анализу должна подвергаться вся система, а не национальные общества, а развитие и отсталость понимаются как феномены, структурированные глобальными отношениями власти на протяжении столетий. Современная мировая система в рамках этого подхода является самодостаточным образованием, основанным на географически дифференцированном разделении труда и связанным воедино мировым рынком.

Фундамент мир-системного анализа был заложен одним из представителей школы Анналов Фернаном Броделем, сосредоточившим свое внимание на процессах «длительной протяженности», то есть не на отдельных исторических событиях, таких как войны и революции, а на процессах, протекающих на протяжении долгого времени, таких как урбанизация, появление национальных государств, генезис капитализма. «Длительная протяженность» характеризуется медленными изменениями, постоянными повторениями, воспроизводимыми циклами. Ф.Бродель утверждал, что только через изучение «длительной протяженности» возможно понять непрерывность структур исторической реальности.

Ф.Броделем было введено в научный оборот понятие мир-экономики, которое он понимал как «экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство» [Бродель, 1992, с. 14]. Ученый полагал, что, еще начиная с античности мир разделяется на «ряд более или менее централизованных и связанных экономических зон, т.е. на несколько сосуществовавших миров-экономик» [Бродель, 1993, с. 88]. При этом на протяжении хода истории миры-экономики крайне медленно менялись и сменялись от эпохи к эпохе. В центре процессов изменения мир-экономик по Броделю находится утрата прежнего центра и возвышение нового, «как если бы мир-экономика не мог существовать без центра тяжести, без некоего полюса» [Бродель, 1993, с. 90]. Помимо центра в строении мир-экономики Ф.Бродель выделяет еще две категории: «второстепенные, довольно развитые области и в завершение всего огромные внешние окраины... Центр соединяет все самое передовое и самое разнообразное, что только существует. Следующее звено располагает лишь частью таких преимуществ, хотя и пользуется какой-то их долей. Громадная же периферия с ее редким населением представляет, напротив, архаичность, отставание, легкую возможность эксплуатации со стороны других» [Бродель, 1992, с. 32]. При этом все части структуры мир-экономики взаимосвязаны. В качестве примера Ф.Бродель приводит европейский мир в середине XVII века, когда на карте мира одновременно можно было наблюдать капиталистическую Голландию и крепостнические и рабовладельческие общества периферии.

Переосмыслил теорию Броделя Иммануэль Валлерстайн, придав мир-системному анализу структурный характер и дополнительную глубину. Особенностью мир-системного анализа Валлерстайна является критика капиталистического классового неравенства. И.Валлерстайн применяет идеи Маркса и Ленина к сфере международных отношений и утверждает, что в рамках капиталистической системы была создана мировая структура, основанная на международном разделении труда, в которой доминирующие страны центра эксплуатируют менее развитые страны периферии. Отношения между ядром и периферией представляют собой мировую структуру неравенства, в которой страны ядра получают большую часть прибыли от международной торговли, чем страны периферии. Также И.Валлерстайном выделяется полупериферийная зона, которая играет промежуточную роль в мировой системе, проявляя свойства как ядра, так и периферии. Страны полупериферии обеспечивают источник рабочей силы с меньшей заработной платой, чем в ядре, а также размещаются промышленные зоны с целью извлечения максимально возможной прибыли за счет относительно дешевой рабочей силы и материалов. Эти три зоны связаны друг с другом в структуре мировой системы, и связь между ними представляет собой процесс накопления богатства в ядре. Следствием этой закономерности является то, что страны ядра становятся богаче, а страны периферии – беднее.

Ключевым концептом, заимствованным И.Валлерстайном у Ф.Броделя является уже упомянутая выше «длительная протяженность», благодаря которому, по мнению Валлерстайна, стало возможным «делать обобщения о функционировании систем и при этом не угодить в ловушку вечных вневременных истин» [Валлерстайн, 2006, с. 77]. Такой подход, по мнению Валлерстайна, позволял избежать недостатков теорий прогресса и позволял сосредоточиться на изучении причин событий.

Еще одной исходной точкой теории И.Валлерстайна является ориентация на междисциплинарность. Критикуя современную ему научную ситуацию, в которой, «разложив их по отдельным ящичкам и присвоив им особые названия: политика, экономика, социальная структура, культура, не осознавая, что эти ящички существуют по большей части в нашем воображении, а не в реальной жизни» [Валлерстайн, 2006, с. 44], он предлагает отказаться от разделения наук в пользу единого социально-гуманитарного знания, объектом изучения которого должны являться социальные системы.

Исторические этапы развития по Валлерстайну предполагают три типа экономических систем: минисистемы, мир-империи и мир-экономики. Он полагал, что изначально все общества были простыми образованиями, которые

занимались простым земледелием или охотой. Таких мини-систем больше не существует в мире, так как они были заменены мировыми системами.

И.Валлерстайн делит мировые системы на две категории: мир-империи, которые были политически объединены, и мир-экономики, которые не имели политических систем. Среди основных черт мир-империй И.Валлерстайном выделяется то, что «они охватывали огромные территории, и поэтому им пришлось выработать общий язык, общую религию и во многом общие обычаи» [Валлерстайн, 2006, с. 60–61]. Примерами таких мир-империй являются Китай, Индия, Персия, Арабский мир.

История свидетельствует о том, что из-за отсутствия политической системы мировые экономики становились нестабильными и либо распадались, либо были завоеваны другими образованиями, а, следовательно, превращались в мировые империи. «Мирэкономикам не хватает цементирующего вещества, их не скрепляет ни общая политическая структура, ни единая культура, то вместе их держит только действенность разделения труда» [Валлерстайн, 2006, с. 86]. Современный мир И.Валлерстайн характеризует как «капиталистическую мир-экономику», «временные границы [которой] – с «долгого XVI века» до настоящего времени ... пространственные границы первоначально включали Европу (или большую ее часть) и Ибероамерику, но впоследствии они расширялись, чтобы наконец охватить весь земной шар» [Валлерстайн, 2001, с. 95].

Еще одним продолжателем теории мир-системного анализа является Джованни Арриги, автор концепции циклов накопления капитала. В рамках этой концепции он предлагает оригинальное прочтение истории и динамики мирового капитализма как последовательности гегемонистских эпизодов, каждый из которых более экспансивен, чем предыдущий, и завершается кризисами и хаосом.

Ключевым понятием для Дж. Арриги становится понятие мировой гегемонии, которая «относится именно к способности государства осуществлять функции руководства и управления системой суверенных государств» [Арриги, 2006, с. 68], причем это господство должно включать в себя духовное и нравственное руководство. Государства-гегемоны по Арриги возникают, какое-то время правят своим миром, трансформируют мир и, более не в состоянии контролировать результаты собственных инновационных действий, постепенно отходят на вторые роли. В ходе исторического развития Дж. Арриги выделяет четыре системных цикла накопления: генуэзский, голландский, британский и американский. При этом он придает большое значение сдвигу экономической мощи в Восточную Азию и делает предположение о главенствующей роли Китая в экономике в будущем.

Следует также отметить, что мир-системный анализ во многом возник как реакция на теорию модернизации. Теория модернизации исходит из того, что при объяснении социальных преобразований решающее значение остается за внутренними факторами в развитии страны. Сторонники этой теории утверждают, что все страны могут потенциально идти по единому пути эволюционного развития от «традиционного» к «современному», который может быть разработан и применен ко всем национальным вариантам, при этом игнорируя всемирно-историческое развитие международной системы, влияющей на национальное развитие отдельных стран. Модернизационная теория предполагает, что социальные изменения в основном происходят в обществах в пределах государственных границ, и стремится объяснить разницу между этими единицами. Мир-системный анализ критикует такой подход за отказ от идеи структурных факторов, которые могут влиять на экономический прогресс. Для каждой страны характерны свои особенности, которые могут ускорить или замедлить ее экономическое развитие.

Теория глобализации и сам этот феномен трактуется И.Валлерстайном как «в действительности гигантская лжеинтерпретация современной реальности – обман, навязанный нам властными группами и, даже хуже, обман, который мы сами себе навязали, зачастую от отчаяния» [Wallerstein, 2000, p. 250]. Говоря о процессах изменений, протекающих в современном мире Валлерстайн утверждает, что наиболее интенсивно они протекают на межнациональном уровне, а на уровне отдельных стран изменения не столь заметны и рельефны. Валлерстайн считает, что происходящие в современном мире трансформации являются отражением перехода капиталистической мир-системы в фазу кризиса и считает излишним употребление термина «глобализация», поскольку никаких тотальных процессов в мире не происходит.

Исследователи часто говорят о близости мир-системного и цивилизационного подходов. «Неоднородная система мироустройства как у Данилевского, так и у Валлерстайна принципиально противостоит утопической идее модернизации, выдвинутой мыслителями Нового времени, заключающейся в возможности создания равных обществ» [Дианова, Пучковская, 2014, с. 62]. Основное различие между этими подходами пролегает в том, что в рамках цивилизационного подхода выделяются несколько факторов, определяющих культурно-исторический тип цивилизации, такие как религиозный, культурный, политический и общественно-экономический. Концепция мир-системного анализа же исходит из приоритета экономики и характера распределения, при этом подчеркивая неразрывность отдельных сфер жизни общества, их совокупный характер в процессе развития.

Таким образом, мир-системный анализ отрицает существование нескольких миров: капиталистического, социалистического и «третьего мира», утверждая, что современный мир по своей сути един и представляет из себя единую капиталистическую систему, делящуюся на находящийся в наиболее выгодном положении центр, преумножающий свой капитал, и на страны периферии, подвергающиеся постоянной выкачке ресурсов. По своей сути мир-системный анализ является не просто аналитической основой объяснения экономического неравенства в мире, но и имеет значительную концептуальную значимость с политической стороны. Национальные государства трактуются в рамках этой теории как переменные, играющие роль в структуре международной системы. И. Валлерстайном выделяется три аспекта государственного устройства: империализм, гегемония и классовая борьба. Империализм связан с доминированием над слабыми периферийными регионами сильных государств центра. Такое доминирование относится не только к территориальной экспансии держав посредством колонизации, но включает в себя использование власти для обеспечения механизма неравного обмена и искажения мирового рынка в свою пользу. Гегемония связана с существованием одного основного государства, опережающего в развитии остальные. Она характеризуется одновременным превосходством в сфере производства, торговли и финансов, поддерживаемым мощным военным аппаратом. Гегемонистские державы поддерживают стабильный баланс сил и обеспечивают свободную торговлю. Последний аспект государственного устройства – роль классовой борьбы как политического элемента как внутри государственных границ, так и за их пределами.

С точки зрения мир-системного анализа страны Африки, как и все страны третьего мира, относятся к периферии – то есть к странам, специализирующимся на добыче ресурсов, имеющим слабо развитую экономику и слабое государство.

До появления мир-системного анализа считалось, что проблема отсталости носит технический, прикладной характер. Отсутствие современных технологий, слабо развитая промышленность, колониализм, препятствующий политическому развитию – именно эти факторы мешали успешному развитию африканского региона. Предполагалось, что получение странами Африки независимости приведет к тому, что проблема политического развития будет решена и останется лишь провести форсированную технологическую модернизацию региона. Сторонники такого подхода считали, что появление новых режимов и новых технологий на африканском континенте приведет к тому, что развивающиеся страны третьего мира последуют примеру развитых стран Европы достаточно быстро преодолению имеющийся разрыв.

Согласно мир-системному анализу, страны третьего мира никогда не смогут пойти по западному пути, потому что их исторический опыт в корне отличается от опыта западных стран. Колониальная система создала исторический разрыв между двумя мирами. Западные страны не имели подобного опыта, в то время как большинство стран третьего мира являются бывшими колониями западных стран. В рамках мир-системного анализа предполагается объяснение отсталости развития стран третьего мира исходя из внешних причин. Отсталость стран третьего мира не может быть объяснена феодализмом или традиционализмом, как это предполагается в теориях модернизации. На самом деле, неправильно характеризовать страны третьего мира как «примитивные» или «традиционные», потому что многие страны, такие как Китай и Индия, были достаточно развиты, прежде чем столкнулись с колониализмом. Вместо этого исторический опыт колониализма и иностранного господства полностью изменил развитие многих развитых стран и заставил их идти по пути экономической отсталости [So, 1990, p. 97].

Внимание Африке, особенно Северной Африке, уделял в своих работах еще Ф. Бродель. Прежде всего, он акцентировал внимание на том, что для любых обществ, в том числе «едва зародившихся обществ в Черной Африке или у американских индейцев» [Бродель, 1993, с. 34] существуют рынки, а потому они участвуют в экономическом пространстве. При этом Ф.Бродель отмечает, что «многое наводит на мысль о том, что торговые пути существовали здесь [в области Сахары] гораздо раньше, еще до появления в пустыне верблюдов во II веке нашей эры» [Бродель, 2003, с. 182]. В своих трудах ученый прежде всего сосредотачивает внимание на Северной Африке и говорит о том, что не стоит рассматривать этот регион в историческом отношении как «деревенский край»: «Города в XIV и XV веках вырастают здесь зачастую вне всякой связи с развитием окружающей местности. Их взоры обращены, однако, не только в сторону Внутреннего моря, но и на юг, к Черной Африке» [Бродель, 2003, с. 184].

Однако следует отметить, что в своей позиции по африканскому вопросу Ф.Бродель демонстрирует недостатки своего подхода. Недостаточная структурность подхода не позволяет ему в полной мере понять процесс «ограбления» Африки в результате процесса колонизации. Ф. Бродель говорит об отдельном пути Африки в рамках того, что ее судьба как цивилизации была предрешена «еще в середине VIII века, быть может, еще до Рождества Христова, при закладке Карфагена, детища Востока» [Бродель, 2003, с. 589–590].

И. Валлерстайн утверждал, что его исследования во многом были вдохновлены африканскими национальными движениями, отмечая, что они



четко понимают свою системную «колониальную ситуацию». Он указывал на значительную роль колониализма в «развитии отсталости» африканского региона. Он также отмечал, что появление капиталистического способа производства в Европе и построение иерархического разделения труда по всему миру привело к упреждающему включению Африки в периферию европейской капиталистической системы. При этом он отмечал, что в послевоенный период, характеризовавшийся гегемонией США, Америка поставила перед собой цель «достижения постепенной, относительно бескровной деколонизации Азии и Африки, предполагая, что этой цели можно добиться через так называемых умеренных политических лидеров» [Валлерстайн, 2001, с. 228]. Таким образом, под руководством США достаточно быстро был осуществлен процесс деколонизации, приведший к появлению того, что сейчас принято называть «третьим миром».

Процесс деколонизации, по мнению Валлерстайна, также характеризовался тем, что в его рамках значительная часть населения, особенно средние слои, были заняты политическими преобразованиями, связанными с деколонизационными процессами, и «были готовы терпеть свой слабый экономический статус, так как испытывали уверенность, что если в первый тридцатилетний или около того период они (средние слои Юга) сумеют добиться политической власти, то в следующие 30 лет они или их дети найдут и экономическое вознаграждение» [Валлерстайн, 2001, с. 362]. Несмотря на оптимистичный настрой, царивший в то время, И.Валлерстайн говорит о том, что уже в то время «пришло понимание растущего разрыва, как на международном уровне, так и внутри США, между богатыми и бедными, центром и периферией, включенными и исключенными. В 1960-х гг. разрыв был только относительным, в 1970-х и особенно в 1980-х гг. он стал абсолютным» [Валлерстайн, 2001, с. 276]. Он отмечал неминуемые проблемы, которые в особенной степени охватят страны третьего мира. И.Валлерстайн прогнозировал, что начало XXI века ознаменуется тем, что процессы деколонизации полностью завершатся и уже не смогут отвлекать средние слои от экономического положения, которое «наверняка ухудшится по ряду причин ... концентрация капиталовложений в Китае/России, увеличение числа специалистов на Юге, всемирные усилия по урезанию расходов на средние слои» [Валлерстайн, 2001, с. 363].

Еще одной особенностью Африки И.Валлерстайн называл существование правительств, формируемых привилегированными меньшинствами и защищающих только их интересы. Именно этим страны Африки отличаются от прочих стран третьего мира. В подобной ситуации складывается мнение, что политические преобразования могут являться результатом лишь политической

активности сверху, часто носящей принудительный характер [Валлерстайн, 2001, с. 242].

Размышляя об Африке, Дж.Арриги обращается к критике модели А.Льюиса, сторонника теории модернизации, утверждающей, что слаборазвитые регионы характеризуются «избытком рабочей силы». По мнению Арриги, ситуация «избытка рабочей силы» никогда не была свойственна для Африки. Кроме того, Дж. Арриги утверждал, что неоклассическая теория развития, предполагающая что естественные рыночные силы, стимулируют африканское участие в наемном труде, не соответствует реальности периодической нехватки рабочей силы в регионе. Эту теорию он характеризовал как идеологическую дымовую завесу, маскирующую историческую реальность колониального капитализма белых поселенцев как системы власти и господства, основанной на насилии и принуждении, а не на мнимых естественных силах свободного рынка [Arrighi, 1973, p. 416]. Фактически колониализм белых поселенцев по всей Южной Африке и за ее пределами характеризовался насильственной пролетаризацией африканского крестьянства, сопровождавшейся экспроприацией скота и подавляющего большинства черных африканских земель, а также принудительным политическим регулированием труда наряду с установлением монополистического рынка с белым доминированием.

Помимо этого, Дж.Арриги также отмечал значение того факта, что белый колониализм был построен благодаря 12,5 миллионам поработанных африканцев, около 10 миллионов из которых были вывезены в Америку, что увеличило и без того заметный демографический дефицит в Африке, усугубляя слабое развитие континента [Arrighi, 2002, p. 16]. В целом экономист говорил о системных процессах, которые ускорили крах африканских экономик в 1980-х годах и удерживали большую часть африканского континента в нижней части мировой капиталистической иерархии.

На современном этапе развития науки интерес к применению мир-системного анализа к проблеме африканского развития продолжает сохраняться. Так, в своем недавнем исследовании, опираясь на методологические основы, предложенные Дж. Арриги, Мэрилин Грелл-Бриск заявила о том, что, хотя африканский регион продолжает оставаться в состоянии стагнации с точки зрения глобальной экономической иерархии, некоторые отдельные страны извлекли выгоду из своего взаимодействия с Китайской Народной Республикой, что, в частности, позволило им неуклонно двигаться вверх по иерархии или поддерживать полупериферийный статус [Grell-Brisk, 2019, p. 93–111].

Можно говорить о том, что мир-системный анализ позволяет более глубоко и обоснованно судить о корнях сегодняшней африканской ситуации. В

отличие от модернизационного подхода, который фокусируется на внутренних факторах в объяснении проблем стран третьего мира, мир-системный анализ позволяет оценить ситуацию в целом. Теоретики модернизации обвиняют внутренние факторы, такие как традиционная культура, перенаселение, небольшие инвестиции и отсутствие мотивации, в качестве основных причин, по которым страны третьего мира остаются отсталыми. Этому аргументу противостоит теория мировой системы, утверждающая, что именно международная структура, созданная капитализмом, препятствует развитию периферийных стран, к числу которых относятся и страны Африки.

Таким образом, мы видим, что мир-системная теория решает некоторые проблемы, которые не могут объяснить другие методологические концепции. Главный вопрос, на который она отвечает – почему есть группы стран, где капитализм «работает как надо», а во всех остальных – нет.

Мир-системный анализ смог подвергнуть системной критике теорию модернизации и объяснить отсталость многих стран, включая и страны Африки. Во второй половине XX века стало отчетливо видно, что во многих странах Африки, развитие промышленности не приводило к появлению эффективной индустриальной экономики, как предполагалось авторами, разрабатывающими концепцию модернизации.

С точки зрения теории, капиталистическая система представляет собой единое целое и может функционировать только в таком виде. В рамках этой единой системы происходит перераспределение ресурсов, производственных задач, разделение труда, образуются страны «центра» и «периферии». Именно положение «центра» дает возможность перераспределения ресурсов в этой системе.

Мир-системная теория продолжает развиваться, и мир-системщики отслеживают «движение» капитализма – какие есть его пределы, какие появляются новые центры накопления капитала (например, Китай сейчас также можно рассматривать как центр накопления капитала). Какие же перспективы у Африки с точки зрения этой теории? Если ничего не изменить в системе – изменения не произойдут и там. Если появится новый «центр», например, Китай или Индия, то это может позитивно сказаться и на движении капитала в Африке. Однако, этот вариант возможен, если данный новый «центр» сможет занять место «гегемона», иначе вероятно не развитие системы, а новые явления ее дестабилизации.

Многие понимают, что в настоящее время общество сталкивается с глобальными проблемами – многие мегатренды развития современного общества способствуют появлению новых проблем. Мир-системный анализ объясняет появление многих из них, особенно тех, которые появляются в

результате социальных отношений, например, глобальная проблема растущего неравенства, миграций, роста социальной напряженности во многих регионах планеты. В итоге мы видим довольно четко структурированную теорию с достаточно широким потенциалом, которая продолжает активно развиваться и объяснять многие социальные явления.

### Библиографический список

1. Арриги Д. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006. 470 с.
2. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. 125 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. 752 с.
4. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003. 806 с.
5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Санкт-Петербург, 2001. 412 с.
6. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М., 2006. 247 с.
7. Дианова В. М., Пучковская А. А. Мир-системный и цивилизационный подходы: точки сопряжения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Вып. 3. 2014. С. 57–63.
8. Arrighi G. Labor Supplies in Historical Perspective: A Study of the Proletarianization of the African Peasantry in Rhodesia // Essays on the Political Economy of Africa. New York: Monthly Review Press, 1973. 416 p.
9. Arrighi G. The African Crisis: World Systemic and Regional Aspects // New Left Review. 2002. № 15 (May/Jun). P. 5–38.
10. Grell-Brisk M. Arrested Development? Sub-Saharan Africa in the Stratified World-Economy 1965 to 2015 // Journal of Contemporary African Studies. 2019. №37. P. 93–111.
11. So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World System Theories. Newbury Park: Sage Publications. 1990. 283 p.
12. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? // International Sociology. 2000. №2. P. 210–261.

# WORLD-SYSTEMS THEORY: UNDERSTANDING, INTERPRETATIONS, PROBLEMS AND PROSPECTS (AFRICAN CASE)

*Logvinov Rodion N.*  
Perm State University, 15, Bukireva str.,  
Perm, 614990, Russia,  
logvinov321@mail.ru

## **Abstract**

*An attempt to show how the world-system theory can be applied to the African continent is undertaken in the article. Within the framework of this approach the focus is shifted from individual states to world systems, which significantly distinguishes this model from the modernization theory. Based on the works of such major representatives of the theory as Fernand Braudel, Immanuel Wallerstein and Giovanni Arrighi, the author characterizes the fundamental foundations of world-system theory and defines the specifics of the approach to world-system analysis of the main representatives of the theory. The author reveals the features of the application of world-system analysis in relation to the African case. The author pays special attention to the assessment of African history and the peculiarities of the development of the region from the point of view of world-system practitioners. The author compares the positions of the world-system approach and the theory of modernization on the African case. This allows to conclude that the world-system analysis should be considered as a theory of particular interest in assessing the role and place of African countries in international space. The significance of this approach lies in finding an answer to the question about the causes of the backwardness of the African region.*

## **Keywords**

*World-systems theory; Africa; Fernand Braudel; Immanuel Wallerstein; Giovanni Arrighi, modernization theory.*

## 60 ЛЕТ «МЕТАФРАКСУ» И ГОРОДУ ГУБАХЕ. НЕОТДЕЛИМЫЕ?

*Субботина Наталья Александровна*

Пермский государственный  
национальный исследовательский университет,  
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
nat37005820@yandex.ru

### **Аннотация**

*В данной статье анализируется локальный кейс осуществления исторической и юбилейной политики градообразующим предприятием города Губаха – ПАО «Метафракс». На основе полученной информации делается вывод о достаточно большом влиянии предприятия на историческую и юбилейную политику всего города. Предпринимается попытка доказать, что это производственное объединение ставит собственный юбилей выше городского празднества, говорит обо всех жителях города Губахи как о своих подопечных, а историю города отождествляет с собственной историей. В прессе и СМИ также большее внимание уделяется именно юбилею предприятия, нежели юбилею города. В статье рассматривается данный кейс в его представлении в публичном пространстве.*

### **Ключевые слова**

*Юбилейная политика; юбилей города Губаха; юбилей ПАО «Метафракс»; историческая политика; город Губаха.*

В 2015 году в городе Губаха градообразующий завод ПАО «Метафракс» (PJSC «METAFRAX») [Официальный сайт...] со всеми своими дочерними предприятиями справил 60-летний юбилей [Химия без границ, с. 1]. И если с датой основания данного завода большинству жителей Губахи все более-менее ясно (большая часть населения города так или иначе работает на этом заводе), то что считать датой основания самого города – не всегда понятно. Первое признание Губаха получила в 1755 году, когда открылся Губахинский железный рудник [Историческая справка...]. Далее история Губахи была связана с открытием шахт, но на этот раз угольных. Городом же этот поселок стал лишь 22 марта 1941 года, когда указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочие поселки Нижняя Губаха, Верхняя Губаха, Кржижановский и поселок шахты им. Крупской были объединены в город областного подчинения – Губаха. До этого официального выделения в самостоятельную административную единицу Губаха являлась сельской зоной города Кизел.

Именно этот момент считается Днем рождения Губахи. То есть, в 2016 году г. Губаха должен был справить свой 75-летний юбилей. Но интересны здесь не конкретные даты и события, а то, почему 60-летний юбилей ПАО «Метафракс» праздновали с размахом, а городской праздник не был масштабным. Не является ли это попыткой замещения юбилея города празднеством завода? Но вернемся к празднованию 75-летия Губахи.

Действительно, по случаю данного торжества проводилось множество различных мероприятий [Губаха приглашает...]. Интересно, что официальной датой основания г. Губаха является, как уже было сказано, 22 марта, а вот юбилеи города праздновали как придется: 25 марта в 2011 г. [Губахе – 70 лет...], 25 июня в 2016 г [Юбилей г. Губаха...]. Понять такие перестановки можно, все они происходили из-за небольших бюджетов, выделенных на празднование дня города. Например, в 2011 году главные официальные торжества принимал только ПАО «Метафракс», а в 2016г. все празднование дня города вообще уместилось в рамки проекта «Культурная столица Пермского края», который был выигран задолго до самой юбилейной даты. Именно поэтому в программу празднования дня города вошли арт-проект «Культурный транзит» (к слову связанный с презентацией работ коллекции А.Г.Гарсляна, который с 2004 года по настоящее время является председателем Совета директоров, заместителем генерального директора ПАО «Метафракс» – «Ангелы») и фестиваль-реконструкция «ГУБАХА. Alive». Также тиражом в 500 штук была издана юбилейная книга фотографий «Губаха – 75 лет». Завершающей нотой 75-ти летнего юбилея стал пятый театральный ландшафтный фестиваль «Тайны горы Крестовой» с постановкой рок-оперы «Юнона и Авось». Помимо этого, проводились различные площадки и интерактивные программы, даже была разработана брендистика г. Губаха [Губаха: горы, люди, город...], и почти все из этого спонсировалось ПАО «Метафраксом». Не спонсировались руководством завода только отдельные мероприятия школ (например, концерт учащихся МАОУ «СОШ №15») или заседания клубов наподобие «Краеведа» [*Изместьева*].

Из всего вышесказанного мы можем увидеть, что многие мероприятия по празднованию юбилея г. Губаха проходили при содействии ПАО «Метафракс», спонсировались им. Главные мероприятия не были собственно юбилейными, а оставались лишь частью более крупного государственного проекта.

Теперь рассмотрим 60-летний юбилей ПАО «Метафракс», проведенный в 2015 году. Казалось бы, как пишет юбилейная газета ПАО «Метафракс» «Химия без границ», с учетом геополитических рисков и, как следствие, экономических сложностей в отрасли, ряд финансово-экономических показателей снижен к уровню предыдущего года. Вообще, в 2015 г. химики

вступали «без пессимизма, но с осторожностью» [Химия без границ, с. 5]. Однако, несмотря на эти проблемы, юбилей отпраздновали с шиком. Праздник, «День химика», встречали с большим лазерным шоу и салютами (на праздновании юбилея г. Губаха такого размаха не наблюдалось) [Предприятие «Метафракс»...]. Мероприятия по случаю праздника проводили в местном ДК «Энергетик», пригласив туда творческие коллективы г. Губаха и округи. Но празднование лишь этой датой не ограничилось, губахинцы отмечали юбилей целый год.

Интересно, что все празднование разделили на большое количество юбилеев поменьше – сегодня отмечает 60 лет цех по обслуживанию и ремонту автоматизированных систем управления (ЦОРАСУ), завтра отметят центральная научная лаборатория (ЦНЛ) и служба технологического контроля (СТК) и так далее [Химия без границ, с. 3]. Даже молодежная организация, которой всего десять лет, тоже с размахом отметила шестидесятилетие ПАО «Метафракса». В течение года проводились форумы школьников и студентов, раздавались «умные премии». А под новый год ПАО «Метафракс» вообще позвал на выступление группу «Премьер-министр», которые «выкладывались на сцене без остатка, «заведя» зал уже с первых песен, вошедших в классику отечественной эстрады» [Химия без границ, с. 16].

Возникает вопрос. Пытается ли ПАО «Метафракс» взять на себя роль «маленького государства» в государстве, которое может диктовать историческую политику? Почему юбилей города проводится почти только в рамках крупного проекта «Культурная столица Пермского края» и проходит за пару недель, а юбилей ПАО «Метафракса» длится почти год на деньги завода? Только ли в бюджете дело? Безусловно, бюджет очень важная вещь для города, особенно такого небольшого. А у ПАО «Метафракс» огромные прибыли и почти все руководство в органах власти (А.Г. Гарслян – председатель Совета директоров, заместитель генерального директора, член фракции «Единая Россия» в Законодательном Собрании, член постоянно действующей рабочей группы по законодательному регулированию стратегического планирования социально-экономического развития Пермского края; В.А. Даут – генеральный директор ОАО «Метафракс», член комитета по социальной политике, член фракции «Единая Россия» и другие). Безусловно, данный факт позволяет ПАО «Метафракс» диктовать «правила игры» в политике (в том числе юбилейной и исторической). К тому же руководство ПАО «Метафракс» считает себя социально ответственными за население г. Губаха, а в видео завода, посвященному празднованию дня химика, вообще присутствует поздравление всех губахинцев [Предприятие «Метафракс»...]. В конце концов, даже в своей юбилейной газете авторы словно сокрушаются, что работы начались только в



1945 году (закончились в 1955 г.), вместо запланированного 1941 г. [Химия без границ, с. 1].

«Метафракс», в силу вышеназванных причин, безусловно диктует и будет диктовать Губахе собственную политику. Не навязывая празднование лишь юбилея ПАО «Метафракс», не «изменяя историю», в общественной жизни города завод все равно делает упор на собственную значимость и связывает свою историю с историей города, создавая «полное единение» историй. Неотделимые? Неотделимые.

### Библиографический список

1. Губаха приглашает на юбилейный День города. URL: <https://chaykovskiy.bezformata.com/listnews/gubaha-priglashaet-na-yubilejnyj-den/47660422/> (дата обращения: 25.05.2020).

2. Губахе – 70 лет. URL: <https://metafrax.ru/ru/p/421> (дата обращения: 25.05.2020).

3. Губаха: горы, люди, город. URL: <http://muzeigubaha.ru/%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8/%D0%BC%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%B0%D0%B7%D0%B1%D1%83%D0%BA%D0%B0-2/%D0%B5-%D1%91/> (дата обращения: 25.05.2020).

4. Измествьева Е.В. Юбилей города Губаха. URL: <http://sh15.mcikt.ru/index.php/novosti/9-novosti/13-yubilej-goroda-gubakha> (дата обращения: 25.05.2020).

5. Историческая справка о Губахинском городском округе. URL: <http://old.gubakhaokrug.ru/O-rajone/Naselenije/> (дата обращения: 25.05.2020).

6. Официальный сайт ПАО «Метафракс». URL: <https://metafrax.ru/ru/> (дата обращения: 25.05.2020).

7. Предприятие «Метафракс» отмечает 60-летие. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X1pgdXFxxS8> (дата обращения: 25.05.2020).

8. Химия без границ. №1-2 (13), январь-февраль 2015 г. URL: [https://metafrax.ru/files/219/file/dat\\_1435042039652.pdf](https://metafrax.ru/files/219/file/dat_1435042039652.pdf) (дата обращения: 25.05.2020).

9. Юбилей г. Губаха «75-начало нового»! URL: <http://nytva.permarea.ru/Novosti/Novosti/2016/06/17/70113/> (дата обращения: 25.05.2020).

## 60 YEARS OF «METAFRAX» AND THE TOWN OF GUBAKHA. INSEPARABLE?

*Subbotina Natalia A.*  
Perm State University, 15, Bukireva str.,  
Perm, 614990, Russia,  
nat37005820@yandex.ru

### **Abstract**

*This article analyzes the local case of implementation of the historical and anniversary policy by the city-forming enterprise of the Gubakha town – PJSC "Metafrax". This production enterprise puts its own anniversary above the celebration of the city, speaks about all the residents of the Gubakha town as their people, and tell about the history of the town as their own. The official press and mass media also pay more attention to the anniversary of the company. The article considers this case in its presentation in the public space. Based on the information received, it is concluded that the enterprise has a significant influence on the historical and anniversary policy of the whole town.*

### **Keywords**

*Anniversary policy; anniversary of the Gubakha town; anniversary of PJSC "Metafrax"; historical policy; Gubakha town.*

УДК 130.2

## ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ КАК ЦИФРОВОГО КЛАДБИЩА, МЕМОРИАЛА И КЛУБА ПО ИНТЕРЕСУ К СМЕРТИ

*Шинкова Алена Игоревна*

Пермский государственный  
национальный исследовательский университет,  
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,  
russude@mail.ru

### **Аннотация**

*Статья посвящена исследованию сообщества «Мертвые страницы» социальной сети ВКонтакте и опубликованных там аккаунтов умерших людей в качестве новой платформы для реализации коммеморативных и мортальных практик: выражения горевания и чувства утраты, поклонения, памяти, нахождения в сети после смерти человека, в тематическом сообществе. Проведен анализ состояния страниц умерших, активности пользователей, интересов пользователей (их зависимость от причин смерти), дана возрастная характеристика публикуемых и аудитории, а также показана позиция владельцев аккаунтов о будущем своих страниц. Делается вывод о трансформации культуры воспоминаний о мертвых, формировании отношения к тому, что наша жизнь конечна, о важности ведения и сохранения личных страниц в социальных сетях для накопления и сохранения богатства содержания каждого индивида и для развития человечества в целом.*

### **Ключевые слова**

*Смерть; социальные сети; аккаунт; виртуальные кладбища, память.*

Развитие цифровых технологий привело к радикальной трансформации не только повседневного реального существования современного человека, но и к появлению возможности «жизни» после смерти. Миллионы человек подписаны на сообщества, посвященные смертям. Мы наблюдаем, перенос дискурса смерти в киберпространство. Меняются формы мортальных практик. Возникает вполне естественный для социальной сети феномен: продолжение «жизни» аккаунтов мертвых, появление электронных мемориалов. Только в Facebook сейчас порядка 50 млн. аккаунтов – «мертвые души» [Что делают

соцсети..., 2018]. Всего через несколько лет в социальных сетях страничек умерших людей будет больше, чем живых, так как «виртуальное тело» может существовать в интернет-пространстве бесконечно, не имея за собой реального объекта, обладающего телесностью. Кроме того, в онлайн-пространстве возникают «виртуальные кладбища» – сайты массового упоминания умерших (погибших) людей в качестве новой платформы для выражения горевания и чувства утраты. «Человек не может жить без кладбища», с этим не поспоришь [Люббе, 2019, с. 51]. И онлайн-пространство становится таким же значимым местом памяти, каким являются традиционные кладбища.

Но в виртуальном мире сами практики поминовения и памяти подверглись трансформации, т.е. digital-модификации, поэтому большой интерес вызывает сам феномен социальной сети в качестве цифрового кладбища, мемориала и клуба по интересу к смерти.

В связи с этим нами было проведено эмпирическое исследование, цель которого состояла в изучении «мертвых страниц» социальной сети ВКонтакте как места для выражения горевания и чувства утраты, поклонения, памяти, нахождения в сети после смерти человека, коммуникации в тематическом сообществе и т.д.

*Материал для исследования* взят из открытых источников. В данной группе информация публикуется в хронологическом порядке, по дням, в форме фотографий в фотоальбомах с информацией об умершем человеке в виде подписи. Эти фотографии объединены во временные «участки», как на традиционном кладбище. Для анализа были использованы данные за ноябрь 2019 – март 2020 гг. из публикаций в сообществе, самого сообщества и его подписчиков ( $n = 430000$ ), и аккаунтов умерших ( $n = 1978$ ), а также данные социологического опроса, проведенного в социальной сети ВКонтакте на личной странице. При выполнении работы были использованы эмпирическое наблюдение, фиксация и анализ наблюдаемых феноменов, их контекста, статистический и описательно-оценочный методы исследований.

## Результаты

В ходе исследования был проведен количественный и качественный анализ аккаунтов мертвых и подписчиков сообщества «Мертвые страницы» в социальной сети ВКонтакте, который показал, что табуированности темы смерти в социальных сетях уже не существует.

*Социальные сети в качестве платформы для реализации мемориативных и мортальных практик.* «Смерть в обществе всегда больше касается живых, чем мертвых» [Еремеева, 2015, с. 47]. Это суждение справедливо по отношению и к родственникам умерших, и к друзьям, и к,

казалось бы, абсолютно посторонним людям, которые случайным образом становятся участниками «воскрешения» людей из мертвых через их страницы.

Как указывает Кэнди Канн, происходит «демократизация скорби» [Канн, 2014], так как писать послания умершему и выкладывать мемориальные фотографии могут даже те, кто вообще не был с ним знаком. Оказалось, сейчас это выглядит вполне нормально. На страницах пользователи могут не только говорить о покойнике, а напрямую обращаться к нему, имитируя полноценную коммуникацию. Отдельно стоит отметить *феномен создания чат-ботов*, когда родственники создают таких «собеседников» на основе переписки умерших близких или другой личной информации. Так создается ощущение, что человек не умер, что он рядом и всегда может помочь.

Аккаунты мертвых пользователей присутствуют в публичном повседневном пространстве пользователей, их отождествляют с человеком, их владельцем. Образ умершего находится в цифровой среде, он связывается уже не с объектом материального мира в виде захоронения, а со страницей мертвого человека в социальной интернет-сети.

*Функциональные опции использования сообщества.* Их можно выделить несколько.

*Во-первых*, оно позволяет приобщиться к группе единомышленников со схожими интересами: дает возможность общаться, самоутверждаться и самореализовываться, привлекать к себе внимание.

*Во-вторых*, его используют для поиска страниц мертвых людей, для так называемого, deathtourism [Канн, 2015, с. 24]. «Скорбные туристы» смотрят страницы умерших в социальных сетях и могут оставлять там разовые сообщения. Многие из них как-то связаны с умершим, например, связь может быть основана на том, что умерший был того же возраста, пола, жил в том же городе. Для них это возможность побыть «детективом», расследующим причины смерти.

*В-третьих*, благодаря ему каждый может поделиться своим опытом памяти об умершем, в том числе и выразить соболезнования или собственные переживания. Родственники пользуются аккаунтом умершего для сохранения памяти об ушедшем человеке и в качестве новой платформы для выражения горевания, чувства утраты и для коммуницирования с умершим.

*В-четвертых*, для распространения информации о смерти. Скорбящие пользователи могут оставлять свои послания на странице умершего, временно использовать его фотографию для «аватарки» в социальных сетях, размещать совместные фото, использовать смайлики и картинки для выражения своих чувств. Это позволяет им чувствовать единение с другими, информировать о гибели близкого и поддерживать память о нем и друг друга.

*Возрастное распределение аудитории.* При анализе возрастной

дифференциации подписчиков выявлено, что о смерти начинают задумываться уже дети, подростки и студенты, которые только начали «жить» и не успели еще самореализоваться. Можно предположить, что ускорение темпа времени ведет не только к возрастанию темпов жизни, но и к снижению возраста, в котором возникает интерес к смерти – теперь мысли о смерти появляются у все более молодого поколения. Об этом свидетельствует тот факт, что подписчиками изучаемого сообщества являются дети и молодые люди от 14 до 25 лет, составляющие 81 % от общего количества (рис. 1).

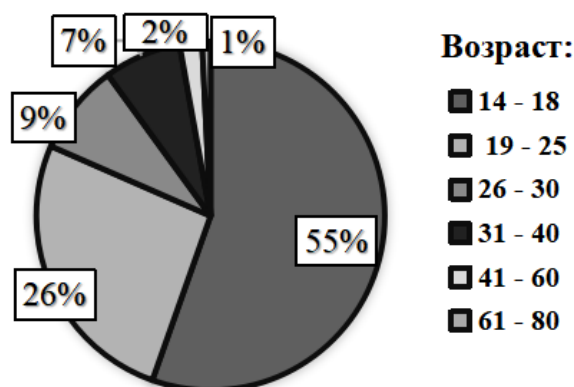


Рис. 1. Процентное соотношение подписчиков группы «Мертвые страницы» в социальной сети ВКонтакте по возрасту за период с ноября 2019 по март 2020 года

Подписчиками почти в равной мере являются как женщины, так и мужчины. При этом следует отметить, что количество заинтересованных в этой тематике девушек преобладает в возрасте с 14 до 18 лет, а мужчин – с 19 до 25, т.е. школьницы немного чаще задумываются о смерти раньше своих сверстников (рис. 2).

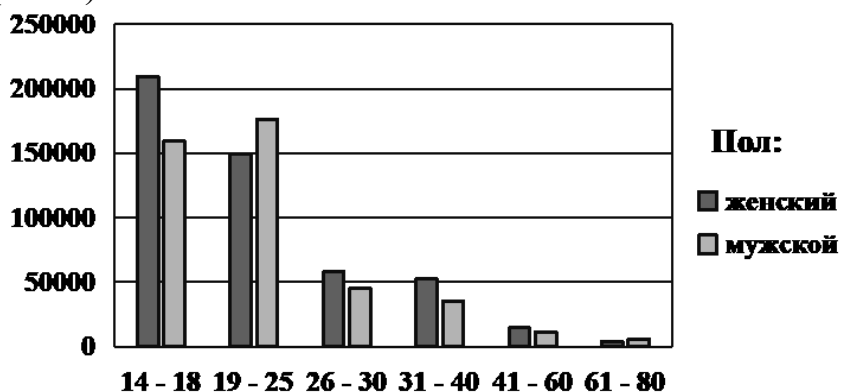


Рис. 2. Распределение количества подписчиков группы «Мертвые страницы» в социальной сети ВКонтакте по полу и возрасту за период с ноября 2019 по март 2020 года

Вероятно, сама цифровая среда изменяет в реальном обществе отношение к самой смерти. Постоянная демонстрация ее в медиапространстве упрощает ее восприятие, она становится естественным, обыденным явлением. Начинается все с малого – с компьютерных игр или игр на телефонах. Персонажи или

выживают, делая правильный выбор, успевая своевременно среагировать на опасность, или умирают, при этом истрачивая лишь одну из «жизней». Есть игры, напрямую связанные с неизбежной смертью – игра «виселица», где ты можешь или «помочь» персонажу в самоубийстве, не угадав верное слово, каждым нажатием подталкивая его к действиям, или «спасти», стерев табурет и веревку. Это игра даже не на эрудицию, так как там не задается вопросов, нет загадок или заданий, здесь все решает скорее везение: если тебе «повезет», то ты правильно выберешь букву, нет – в другой раз удача будет на твоей стороне.

С одной стороны, детей как бы с детства «приучают» к мысли, что смерть неизбежна. С другой, под влиянием таких игр в дальнейшем формируется представление, что любой поступок обратим (в том числе и самоубийство), а любые слова можно вернуть назад, что становится причиной многих проблем в повседневной жизни, так как нарушается представление о необратимости происходящих в жизни процессов.

Из-за ложного убеждения, что каждое решение можно изменить в любой момент, грань между жизнью и смертью стирается. Трансформируется само отношение к смерти. М.Хайдеггер писал, что человек, отказываясь видеть смерть в своей повседневной жизни, загораживается от нее самой жизнью, рутинными заботами [Хайдеггер, 1993].

Но активный пользователь социальных сетей относится к ней несколько иначе: «пролистывая» фото умерших и читая о них информацию, он каждый раз как бы переживает чужую смерть как свою, примеряет ее на себя, оценивает, «проигрывает», как бы это могло произойти с ним или не могло. Люди не только не боятся слышать о смерти других и обсуждать это, но, наоборот, сами интересуются подобным, это лишь одно из «развлечений» скучающего человека.

*Активность подписчиков* демонстрирует наличие постоянного интереса к теме смерти. Подписчиками сообщества являются более 430 тыс. человек, также есть неопределенное количество людей, которые не являются подписчиками сообщества, но читают его записи и взаимодействуют с ними. Ежедневно в среднем публикуется 17 записей гибели людей, совершается более 400 тысяч просмотров этих записей, ставится более 400 лайков и пишется более 700 комментариев.

*Комментирование.* Так как большая часть страниц «открыта», люди имеют возможность оставлять комментарии непосредственно на них. Это способ «общаться» с умершим «напрямую» или с их родственниками, достигая собственных целей. «Стена» аккаунта отождествляется с человеком, поэтому ее комментирование выше: 60 % комментариев оставляется там и 40 % – под фотографиями аккаунта.

Некоторые подписчики (и не только) выступают в роли агрессоров, привлекая к себе внимание через негативные комментарии на страницах умерших («Как я рад, что ты умер», «Эй, ты умер что ли? Не велика потеря»), кто-то ищет поддержки и самоутверждения через комментарии «Press F» и шутки про смерть («земля пуховиком», «счастья-здоровья умершему»), кто-то, наоборот, привлекает к себе внимание через ложь о знакомстве и родстве с умершим.

*Интересы пользователей.* С целью определения, что же интересует людей в таких сообществах, на основе комментариев в обсуждении сообщества было создано облако слов, позволяющее оценить, насколько часто упоминаются те или иные ключевые слова в ответ на заданный вопрос: «Какие чувства и мысли у вас возникают при просмотре страницы ушедшего человека» (рис. 3).

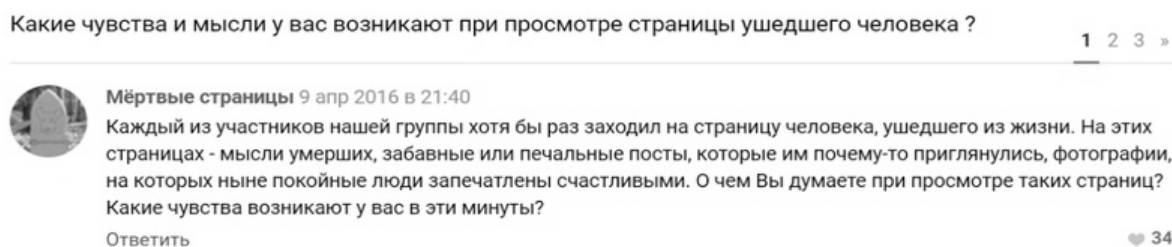


Рис. 3. Скриншот заголовка обсуждения в группе «Мертвые страницы»

Оно продемонстрировало, что наиболее часто встречающимися словами оказались: «человек», «жизнь», «быть» (рис. 4). Как видим, смерть далеко не на первом месте, важным является сам человек, его жизнь и существование. Общий посыл комментариев – жить каждым мгновением, не тратить время на бессмысленное, ценить то, что имеешь.

Читая записи о смерти, подписчики, в первую очередь, задумываются о жизни, это мотивирует их становиться лучше. При этом особого страха не появляется, смерть уже не пугает, как раньше. Кто-то даже считает это возможным выходом из тяжелой жизненной ситуации.

«Мертвые страницы»

Но вместе с тем наблюдается процесс унификации, как бы усреднения человека, его «нормализация» или стереотипизация. Пользователи социальных сетей образуют нечто обобщенное — человека «вообще», определенного типажа, усредненного типа, на который создатели постов (записей, публикаций в социальных сетях) и ориентируются как на целевую аудиторию. Листая ленту с новостями, в том числе про смерть, и постоянно просматривая записи «как про меня», с картинками, цитатами или мемами в похожих друг на друга пабликах (сообществах), человек живет не своей жизнью, а жизнью тех тысяч и



миллионов людей, для которых этот контент и создавался, а значит, и умирает «по образцу».

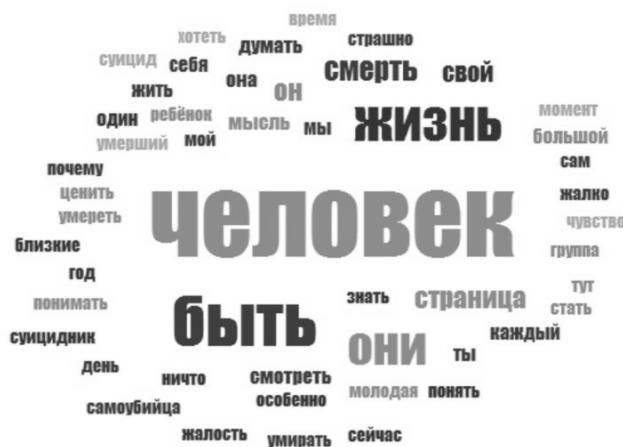


Рис. 4. Облако слов, созданное на основе комментариев в обсуждении сообщества

*Зависимость интереса пользователей от причин смерти.* Что же подписчиков интересует в смерти? Была выявлена следующая зависимость количества просмотров аккаунтов от указанной в группе причины смерти. Наибольшее количество просмотров зафиксировано у случайных смертей (они наиболее разнообразны и необычны – выделяются на общем фоне, например, смерть женатой пары в лифте от потолка). Смерть от суицида также лидирует по количеству уделяемого им внимания. Менее интересными оказываются для подписчиков смерти от насилия, болезни или с неизвестными причинами гибели (рис. 5).

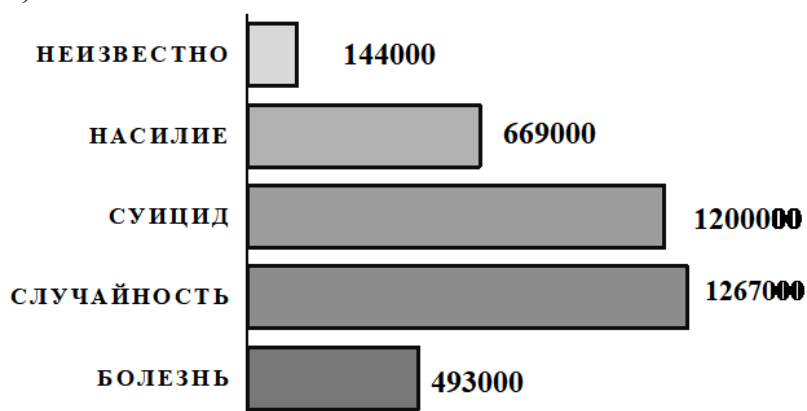


Рис. 5. Количество просмотров страниц умерших, опубликованных в группе «Мертвые страницы» в социальной сети ВКонтакте с ноября 2019 по март 2020 года, в зависимости от типа смерти за период

По частоте публикаций в группе на первом месте оказались смерти от болезней. В два раза меньше публикуется случайных смертей. Случаи суицида,

насильственной смерти и гибели по неизвестным причинам публикуются намного реже (рис. 6).



Рис. 6. Распределение количества опубликованных в группе «Мертвые страницы» в социальной сети ВКонтакте записей об умерших по причинам смерти за период с ноября 2019 по март 2020 года

В сопоставлении большого количества просмотров страниц самоубийц с общим малым количеством их публикаций в группе (в отличие от случайных смертей) выявлен наибольший интерес подписчиков к случаям суицида. Узнать, почему человек решился на суицид – одна из главных причин интереса к подобным страницам. Но этот интерес дает определенную мотивацию тем, кто мало популярен, с небольшим количеством друзей, страдает от одиночества и непонимания, такие люди часто выбирают смерть как способ привлечь внимание.

«Показать всем» и что-то «доказать» чаще всего пытаются юноши от 12 до 17 лет и от 25 до 35 и девушки от 12 до 17 лет (рис. 7).

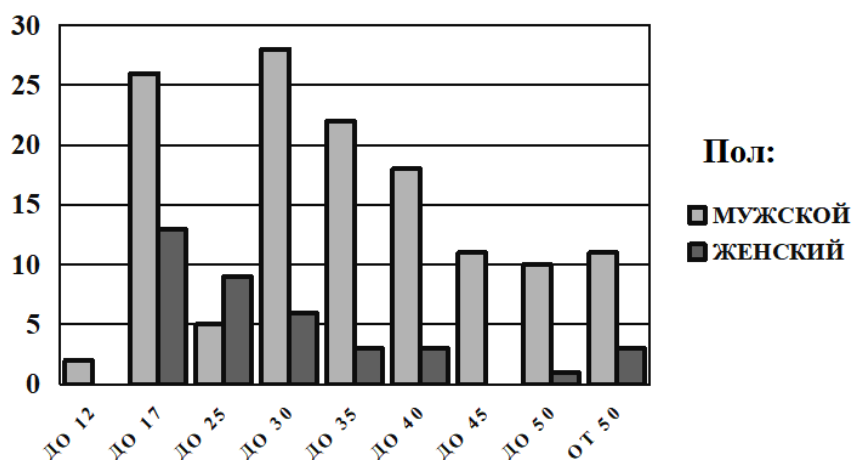


Рис. 7. Распределение количества опубликованных в группе «Мертвые страницы» аккаунтов самоубийц по полу и возрасту за период с ноября 2019 по март 2020 года

«Привлечь внимание» в основном удается детям до 12 лет, об этом можно судить по количеству просмотров записей в их аккаунтах (рис. 8).

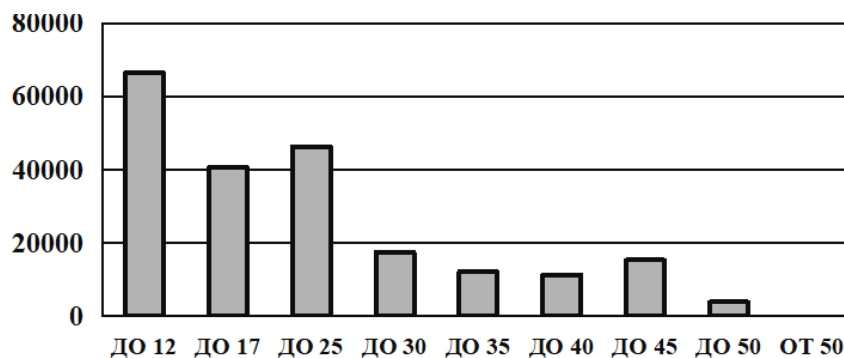


Рис. 8. Среднее количество просмотров страниц самоубийц, опубликованных в группе «Мертвые страницы» за период с ноября 2019 по март 2020 года, по возрасту

*Возрастная характеристика публикуемых.* Публикуются чаще всего люди в возрасте 30-45 лет (рис. 9).

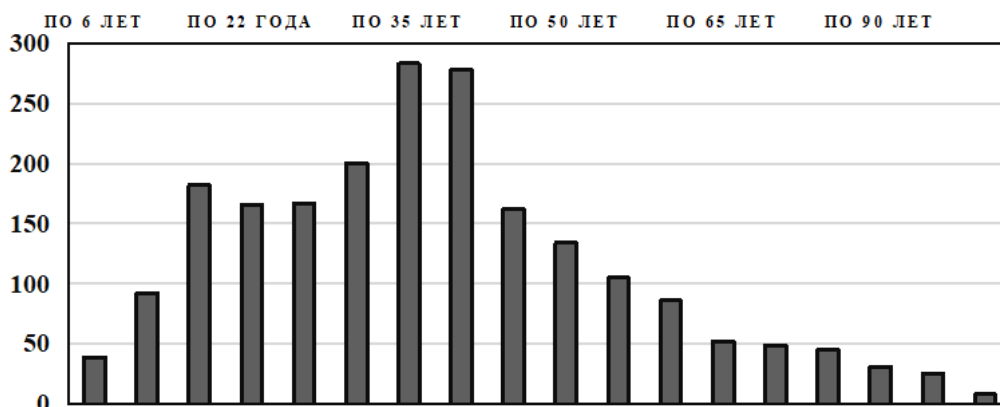


Рис. 9. Распределение количества страниц умерших, опубликованных в группе «Мертвые страницы» за период с ноября 2019 по март 2020 года, в зависимости от возраста их владельцев

Это группа людей, которая еще довольно активна в социальных сетях, имеют аккаунты, ведут свои страницы. Их можно назвать уже состоявшимися личностями, которые в целом уже определились в жизни. Сообщают о них, с большей вероятностью, их дети или супруги, судя по возрасту, или просто знакомые, друзья.

*Состояние страниц публикуемых.* Все страницы можно разделить на открытые, закрытые, удаленные, отсутствующие или не найденные.

*Открытые страницы* составляют больше половины от всего числа страниц. К ним можно добавить еще 15 % – *закрытые* страницы, но доступные для «своих». *Эти страницы продолжают свою «жизнь».* Группа «удаленных» оказалась неоднозначной. Многие страницы оказались удалены уже после

смерти их владельцев, а значит, скорее всего, это не было их осознанным решением, за них решили родственники (рис. 10).

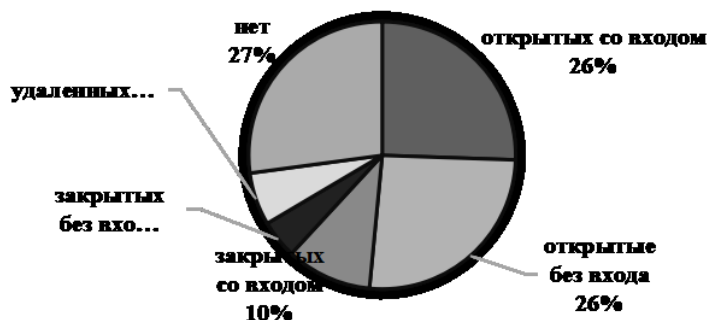


Рис. 10. Процентное соотношение страниц умерших, опубликованных в группе «Мертвые страницы» за период с ноября 2019 по март 2020 года, в зависимости от их состояния

При этом для остальной части родственников и близких эти страницы важны для других личных целей (например, сохранения памяти, публикации прощальных записей, информирования всех о гибели владельца). Выяснилось, что около 40 % страниц имели активность уже после гибели владельца в виде входа в аккаунт умершего от его лица. Кто-то из родственников даже продолжает отвечать на вопросы и комментарии от лица умершего.

*Анализ опубликованных страниц умерших из-за болезни.* Как выяснилось, чаще всего публикуются в сообществе страницы умерших от болезней. Аккаунты таких людей могут использоваться для передачи жизненного опыта борьбы со смертью. Например, человек может вести блог, рассказывая о том, как он борется с болезнью, со своим горем, или с тем, как умирает его близкий, необязательно он сам.

Многие из опубликованных в группе «умирали» длительный период – у них было время осмыслить «будущее» своих аккаунтов, оставить какую-то запись на память (или «на всякий случай»), что-то рассказать или показать. Выяснилось, что из тех, кто болел длительный период, 13 % использовали свои страницы, чтобы публиковать записи о ходе лечения и обо всем, связанном с их самочувствием.

Стоит отметить, что среди умерших от болезни, больше половины оставляли существовать свои страницы в открытом доступе (рис. 11).

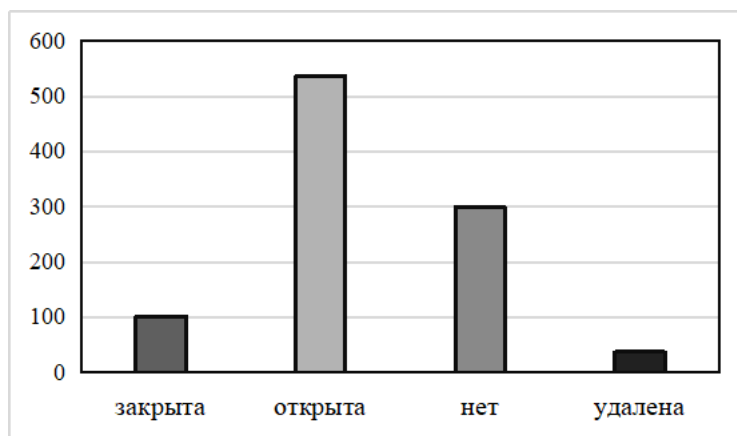


Рис. 11. Состояние страниц умерших от болезни, опубликованных в группе «Мертвые страницы» за период с ноября 2019 по март 2020 года

Это может позволить, например, маленьким детям, которые в раннем возрасте потеряли родителя из-за болезни, узнать его лучше: через записи, которые он оставлял, видео и музыку, которые ему нравились, фото, которые являлись его «виртуальным аватаром».

Анализ публикаций о самоубийствах. В связи с наличием большого интереса со стороны подписчиков был проведен более глубокий анализ публикаций о самоубийствах.

Состояние страниц самоубийц. Заметнее всего данные статистики по мужчинам – в 3 раза чаще опубликованными являются открытые страницы – доступные для всеобщего просмотра. Но и у женщин (хотя их в целом меньше) число открытых страниц преобладает (рис. 12).

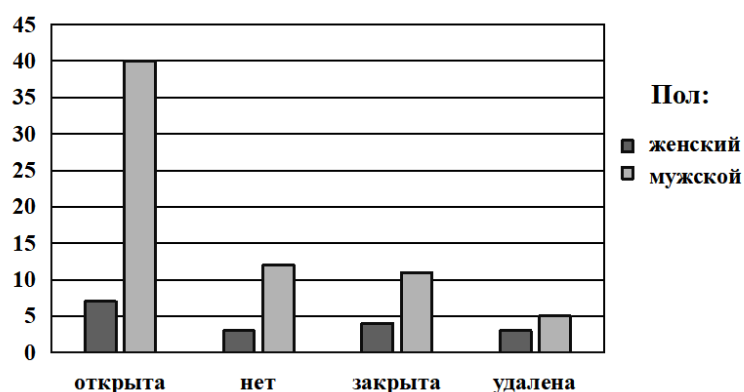


Рис. 12. Состояние страниц самоубийц, опубликованных в группе «Мертвые страницы» за период с ноября 2019 по март 2020 года, в зависимости от пола

В большинстве случаев количество страниц с «жизнью после смерти» – входом после смерти владельцев – преобладает над числом забытых (рис. 13).

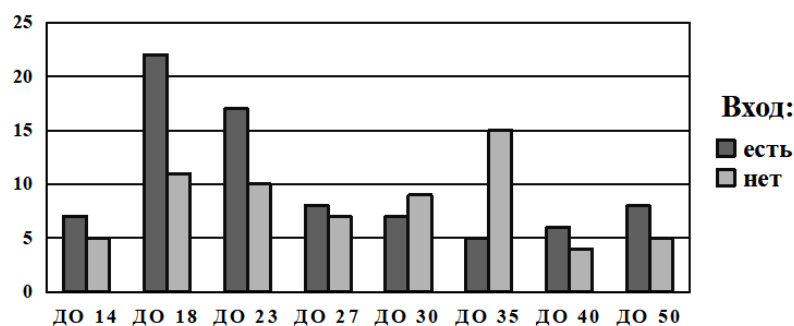


Рис. 13. Распределение количества страниц самоубийц, опубликованных в группе «Мертвые страницы» за период с ноября 2019 по март 2020 года, по возрасту, в зависимости от наличия/отсутствия «входа» в аккаунт владельца после смерти

Демография опубликованных самоубийств. Выяснилось, что мужчины-самоубийцы в группе публикуются почти в 3 раза чаще (76 %). При этом, случаи суицида у женщин освещаются более чем в 50 % случаев, а у мужчин – только в 40 %, хотя их больше по количеству (рис. 14).

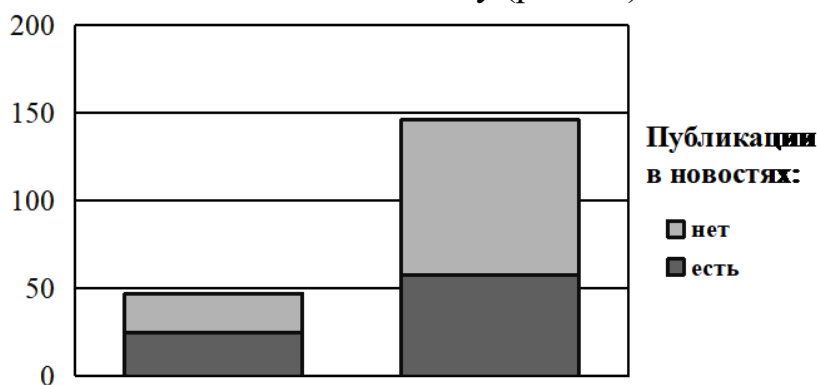


Рис. 14. Наличие новостных записей о самоубийцах, опубликованных в группе ВКонтакте «Мертвые страницы», в зависимости от пола

Стоит отметить также, что страницы женщин-самоубийц привлекают больше внимания, чем страницы мужчин (57 % против 43 %)

*Источники информации.* Как правило, информация о них поступает или из новостей, или от родственников, близких, знакомых. Анализ подобных записей на наличие прикрепленных ссылок на их освещение в новостях показал, что в 57 % случаев источниками информации являются люди, знакомые с умершим.

*Что думают пользователи ВКонтакте о судьбе своих страниц после смерти?* Оценив значимость страниц мертвых для незнакомцев и близких, стоит рассмотреть и позицию владельцев аккаунтов о будущем своих страниц.

Многие (32 %) хотели бы превратить свои страницы после смерти в своеобразный музей, посвященный им, в который бы собиралась вся информация об их деятельности при жизни, публиковались бы воспоминания, совместные фото, видео с друзьями, близкие люди могли бы продолжать общаться с «цифровой душой» (рис. 15).

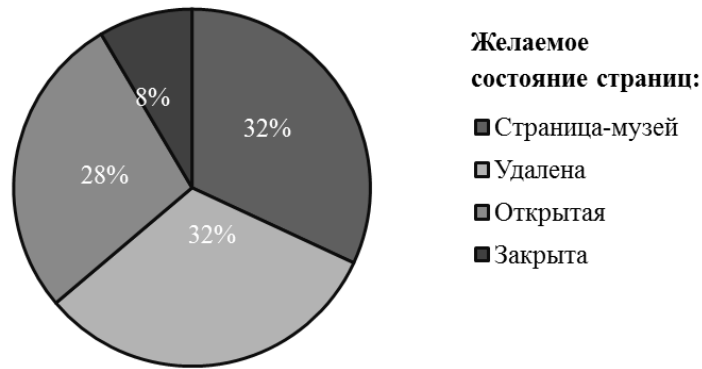


Рис. 15. Результаты опроса пользователей ВКонтакте о желаемом будущем их страниц

Был проведен опрос относительно желаемого функционала для «будущего» их страниц. Так, есть необходимость в появлении отметок о смерти человека на его странице (ВКонтакте не имеет такой опции, определить, что аккаунт принадлежит умершему можно только по скорбным записям на стене и иногда по статусу «офлайн» в течение довольно долгого времени), в сборе информации о его жизни, отправке и публикации посланий близким после собственной смерти, передачи права ведения страницы заранее выбранным лицам, контроль за комментированием страницы и фотографий, создание собственного чат-бота, публикация воспоминаний близких на стене страницы, сохранении свободного доступа к странице (рис. 16).

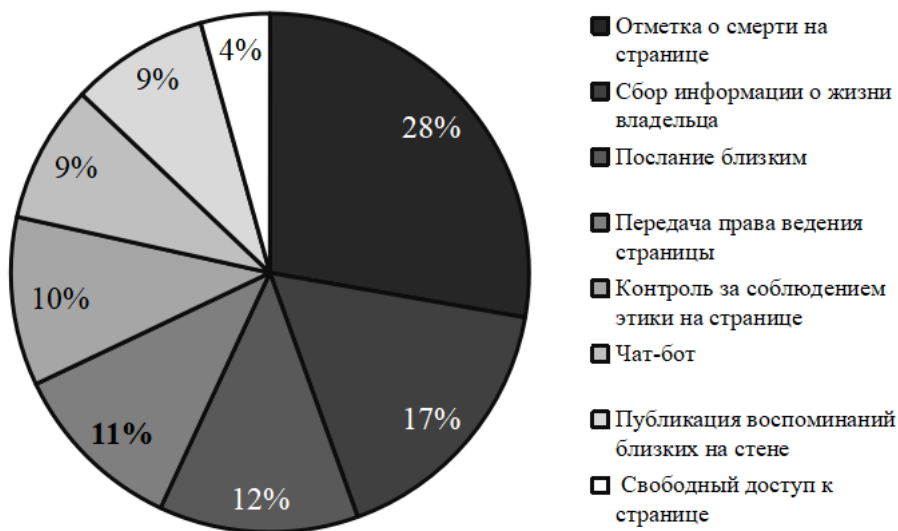


Рис. 16. Результаты опроса пользователей ВКонтакте о желаемом функционале их страниц после их смерти

## Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о востребованности социальных сетей в качестве цифрового кладбища, мемориала и клуба по интересу к смерти.

Подписчиками изучаемого сообщества являются дети и молодые люди от 14 до 25 лет, составляющие 81 % от общего количества (более 430 тыс.).

Открытые страницы составляют больше половины от всего числа страниц. К ним можно добавить еще 15 % – закрытые страницы, но доступные для «своих». Эти страницы продолжают свою «жизнь».

Количество страниц с «жизнью после смерти» – входом после смерти владельцев – преобладает над числом забытых.

Из тех, кто болел длительный период, 13 % использовали свои страницы, чтобы публиковать записи о ходе лечения и обо всем, связанном с их самочувствием.

Многие хотели бы превратить свои страницы после смерти в своеобразный музей, посвященный им (32 %).

Итак, что же дают социальные сети в качестве новой платформы для реализации коммеморативных и мортальных практик обществу?

Во-первых, происходит формирование культуры воспоминаний о мертвых и отношения к тому, что наша жизнь конечна.

Во-вторых, они выступают местом коммуникативного взаимодействия, где индивиды могут выполнять социальные практики, имеющие аналоги в реальной жизни.

Для родственников, знакомых и близких они служат для прощания с ушедшим человеком (иногда для общения с его виртуальным «Я»), для выражения своего горя и чувства утраты, взаимной поддержки, воспоминаний, информирование о смерти, выражение эмоционального состояния.

Для случайных людей из числа подписчиков сообщества «Мертвые страницы» – это возможность приобщиться к социальной группе, поделиться своим опытом памяти об умершем, выразить соболезнование, сочувствие, получить собственные переживания эмоций, которых им в жизни не хватает, комментировать смертельный исход, повод задуматься о важном, игра-расследование причин смерти, общение с людьми со схожими интересами.

Для владельцев аккаунтов – это аккумуляция всей информации о его жизни от близких и друзей, информирование о смерти, способ оставить след в истории, возможность для близких «общаться» с ними, способ сохранения памяти о себе, привлечения внимания.

В-третьих, служат для накопления и сохранения богатства содержания



каждого индивида, а не только избранных. Развитие человечества идет через накопление содержания и сохранения жизненной истории каждого.

Потомки из далекого будущего смогут «лично» познакомиться со своими родственниками. «Лично», так как ничто не расскажет о человеке лучше, чем его поступки, интересы, записи, группы, и даже сделанные им запросы в интернете.

Активное ведение аккаунта в социальной сети может позволить каждому пользователю сети обрести «цифровое бессмертие». Это доступный способ каждому оставить свой след в истории человечества.

Если древние египтяне пытались для достижения бессмертия сохранить тело, то современное человечество пытается сохранить душу, перенести ее на материальный носитель, представить ее в цифре – создать такого цифрового двойника – и «цифровая душа» сможет жить вечно. Это наш «аватар» в мире онлайн, которого мы создаем при жизни. Мы все его творцы, своей «жизни после смерти». Поэтому стоит помнить, что важен сам человек, каждое мгновение его бытия, которое необходимо ценить, успевая реализовать себя.

### **Библиографический список**

1. Еремеева С. То, о чем молчим... Почему deathstudies не популярны в современной России? // Археология русской смерти. 2015. № 1. С. 35–49.
2. Кан С. Интервью–дискуссия: «Deathstudies и западная антропология»// Археология русской смерти. 2015. № 1. С. 13–30.
3. Люббе Г. В ногу со временем: сокращенное пребывание в настоящем / перевод с немецкого А.Григорьева, В.Куренного; под науч. редакцией В.Куренного. 2-е изд. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 456 с.
4. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. 447 с.
6. Что делают соцсети с аккаунтами умерших людей. URL: <https://zen.yandex.ru/media/tonkostiru/chto-delaiut-socseti-s-akkauntami-umershih-liudei-5be0377c6ff97800aa528968> (дата обращения: 13.05.2020).
7. Cann C. Virtual Afterlives: Grieving the Dead in the Twenty-First Century. The University Press of Kentucky. 2014. P. 212.

# THE PHENOMENON OF THE SOCIAL NETWORK AS A DIGITAL CEMETERY, THE MEMORIAL AND THE COMMUNITY INTERESTED IN DEATH

*Shinkova Alena I.*  
Perm State University, 15, Bukireva str.,  
Perm, 614990, Russia,  
russude@mail.ru

## **Abstract**

*The article is devoted to the study of the "Dead pages" community of the social network Vkontakte and the accounts of deceased people published there as a new platform for implementing commemorative and mortal practices: expressions of grief and feelings of loss, worship, memory, being online after a person's death, in a thematic community, etc. The analysis of the state of the pages of the deceased, user activity, user interests (their dependence on the causes of death), age characteristics of the published pages and the audience, as well as the position of account owners about the future of their pages is shown. The conclusion is made about the transformation of the culture of memories of the dead, the formation of an attitude to the fact that our life is finite, the importance of maintaining and preserving personal pages in social networks for the accumulation and preservation of the wealth of content of each person and for the development of humanity as a whole.*

## **Keywords**

*Death; social networks; account; virtual cemeteries; memory*

*Научное издание*

## **Апрельские тезисы**

**Раскрывая новые горизонты: междисциплинарные исследования  
в современном социально-гуманитарном знании**

Материалы

межвузовской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых  
(г. Пермь, 24–25 апреля 2020 г.)

Редактор: *А. В. Загоряхин*

Техническая подготовка материалов: *Д. А. Ренев, Н. А. Субботина*

---

Объем данных 3,34 Мб

Подписано к использованию 01.07.2021

---

Размещено в открытом доступе

на сайте [www.psu.ru](http://www.psu.ru)

в разделе НАУКА / Электронные публикации  
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр

Пермского государственного

национального исследовательского университета

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15